МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Николай СТЕПАНОВ

АЛТАРНЫЙ МАГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Утопающий хватается за соломинку, умирающий – за любую возможность выжить. Александр Еремеев, оказавшись у черты, откуда обратной дороги нет, не раздумывал ни секунды, когда ему предоставили шанс на новую жизнь. Правда, не уточнили, что начнется она где-то на Смоленщине, поворотом истории и вмешательством злобных колдунов отброшенной на несколько веков назад. Там, где встретить вурдалака, кикимору или лешего, столкнуться ночью с костяным монстром или угодить в магическую ловушку проще, чем найти белый гриб в лесу. И выживать «счастливчику» придется в облике семнадцатилетнего русича, получив вместе с новым телом «богатое приданое» в виде своры кровожадных врагов, которые спят и видят, как отправить молодого человека к праотцам. В мире магов, ночных монстров и могущественных потусторонних чужаков другого пути у алтарного мага просто нет: или он, или его.

- Николай Степанов
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22

Николай Степанов
Алтарный маг

Глава 1
Второй шанс

– Все, хватит с него, Демид! Сам видишь – не жилец более, – тяжело дыша, пробормотал щуплый мужичок, держась за разбитую скулу.

– Так давай и прибьем, чтоб уж наверняка. Вона как зенки вылупил – взглядом готов пришибить. – Второй выглядел здоровяком, но досталось и ему: мужик постоянно шмыгал носом, пытаясь остановить кровь.

– Э нет… Пущай муки перед кончиной полной мерой изведает – сейчас тут шакалы объявятся и живьем сожрут. Это ему за Корнея и Потапа хоть какая-то месть будет. Слышь меня, Никитка?! Так и сдохнешь в неведении, кто твою смертушку нам заказал.

– Скоро рассвет, Кондрат. Надо топать отсюда. – Оба душегуба двинулись прочь, постоянно оглядываясь.

«Какой Корней, какой Потап? Да еще Демид с Кондратом в придачу… Что за ахинея снится?! Опять приступ, что ли? – Он испытывал боль теперь даже во сне, часто просыпаясь от очередной волны, но сегодня добавились еще и странные видения. Его будто и вправду только что избили и оставили на твердой земле, хотя он был точно уверен, что лежит сейчас на ватном матраце. Повернув голову, избитый разглядел неподалеку два бездыханных тела. – О них, что ли, шла речь? А чего ж те уроды их не забрали?»

Потом он увидел в небе узкий серп месяца, краем зацепившийся за находившуюся вдалеке башню. Порыв ветра принес густой запах гнилого болота. Где-то вдали раздался протяжный вой…

Тот, кого назвали Никиткой, попытался приподняться, но внутри резануло так, что он закричал. И сразу очнулся.

Палата со слабым освещением, две койки, капельница и чернота ночи за окном – его окружала ставшая за последние две недели привычной обстановка.

Какая тоска! И самое обидное – эта «красота» будет сопровождать его уже до конца. Правда, недолго. Псевдооптимистичные заверения доктора подсказывают, что до следующего месяца одному не в меру наблюдательному типу не дожить. Славно его отделали. И было бы за что? Подумаешь, перевел ворованные деньги тем, кому они нужны больше, – онкоцентру. Тех долларов и было-то всего около миллиона,

могли бы и не заметить.

Правая рука онемела, и пациент принялся работать кистевым эспандером, чтоб не стать напоследок совсем уж беспомощным. Единственное, что у него осталось хоть немного невредимым, – руки, и прикованный к постели боялся лишиться еще и их подвижности.

Александр не отличался мощным телосложением или высоким ростом, но и в слабаках никогда не числился. Занятия самбо после школьной секции он продолжил во время службы в армии, да и потом нередко заходил в спортзал, чтобы размять кости в спарринге с тренером.

Когда на него напали сзади, отработанные навыки помогли вывести из игры сразу троих, но остальные озверели. Его повалили на землю, с остервенением отдубасили ботинками и для верности пару раз пальнули. Причем специально стреляли не в голову или в сердце, а ниже – хотели, чтобы дольше мучился. В результате – почти полная неподвижность и перспективы скорого, но мучительного ухода в лучший мир.

Шум со стороны двери заставил приподнять голову.

«Кому там еще не спится?! – недоумевал Александр. – Неужели медбрат все-таки решился?! Было бы очень кстати, сегодня боль особенно донимает. Разве так трудно прекратить чьи-то мучения, да еще за хорошие деньги?»

– Ну чё, дышишь еще, Шурик? – раздался чей-то неприятный хриплый голос. – Виктор переговорить желает. Машину за тобой прислал – цени!

В палату заглянули «шестерки» потерявшего круглую сумму типа. Видать, деньги еще можно вернуть, хотя бы частично.

– Какая забота! – усмехнулся перебинтованный с головы до ног Александр. – Только пусть он засунет ее себе…

– Нехорошо так с боссом, Шурик, некультурно. Тем более тебя, тварь такую, никто и не спрашивает. Хочешь нажать кнопку вызова? – Вошедший заметил движение руки больного. – Валяй! Любой, кто сюда заглянет, тут и поляжет, а ты все равно двинешь с нами.

«И ведь не девяностые, но этот тип точно никого не пожалеет. – Александр отдернул руку и скривился от боли. – Не погнушался об меня дорогую обувку марать, да еще потом пару раз выстрелил. Видать, это его пуля мне позвоночник перебила».

Страха прикованный к постели не испытывал. Когда вторую неделю мучительно балансируешь на краю и уже сам мечтаешь, чтобы кто-нибудь спихнул в пропасть… Однако потешить напоследок самолюбие Виктора, попав к нему в лапы, он не желал.

– Тогда не будем заставлять ждать занятого человека, – произнес больной, мысленно прикидывая, как испортить обедню ночным гостям. – Кто-нибудь поможет мне встать?

Естественно, никто из посыльных не знал, что поднять его можно только вместе с кроватью. Один из боевиков Виктора, получив приказ командира, направился к больному.

Александр Еремеев, сорока двух лет от роду, дважды разведенный, до недавнего времени работал в приличной, как ему казалось, конторе с небольшим штатом сотрудников. Электронные переводы, проверки, отслеживание счетов и прочая рутина. Если бы по окончании школы он мог предположить, что интерес к математике спустя несколько лет приведет к столь скучной службе, он бы с радостью сменил престижный мехмат на менее популярный геолого-минералогический факультет, поскольку с малолетства любил возиться с камнями. Это самое хобби в конечном счете и подвело под монастырь. Оказавшись в отсутствие шефа в его кабинете, Еремеев увидел на полке увесистый осколок тенорита – минерала, из которого добывают медь. Движимый любопытством и желанием проверить свое предположение, он взял камень в руки. Да, все верно, это действительно был тенорит. Вот тут бы положить чужую вещь на место и убраться восвояси, но не в меру наблюдательный сотрудник заметил в камешке необычное углубление с какими-то белыми вкраплениями. Геолог-любитель не помнил, чтобы данный минерал содержал подобные примеси, и начал в нем ковыряться. Используя штопор перочинного ножа, с большим трудом извлек посторонний предмет, не имеющий никакого отношения к геологии, – бумажку с буквами и цифрами. Чертыхнувшись про себя, вернул «примесь» на прежнее место. А поскольку память у математика всегда была хорошей…

И ведь никто не видел, как Александр в отсутствие босса заходил внутрь. Его попросила минут пять подежурить в приемной секретарша, чтобы самой ненадолго отлучиться. Однако Еремеева все равно вычислили. А цифры и буквы оказались кодом доступа к неким счетам. Он и прежде иногда натыкался на запросы неизвестного пароля, когда «случайно» запускал не те команды…

А еще любовь к математике научила его просчитывать не только свои действия, но и реакцию окружающих. Многократные проверки показали, что ошибался Александр редко – в основном, когда требовалось спрогнозировать поведение женщин. Сейчас в палате находились исключительно мужчины.

Боевик наклонился над пострадавшим и потянул его за плечи.

«Руки у помощника заняты, да и вряд ли он ожидает, что я в таком состоянии смогу сопротивляться, – решил Александр. – А пистолет наверняка на взводе. Эти ребятки оружие всегда держат на изготовку».

Мужик не застегнул пиджак, и Александр заметил у него под мышкой открытую кобуру.

Остальные постоянно в сторону двери смотрят. Только бы пальцы не подвели!

– Разреши? – Пациент, якобы для того, чтобы быстрее подняться, ухватился за шею «доброго самаритянина» и…

Резким движением Александр выдернул пистолет из кобуры и первым выстрелом свалил ближнего к нему бандита. Отбросив тушу в сторону, дважды пальнул по командиру, которого считал самым опасным. Еще три выстрела уложили двоих остававшихся в палате, последние патроны достались заскочившему из коридора.

«Да уж… Никогда не думал, что смогу стрелять по людям, а тут перед смертью таки пришлось. И ведь абсолютно никаких угрызений совести! Наоборот, даже боль перестал ощущать. Наверное, действие адреналина», – Он так и держал пистолет с отведенным назад затвором, направив его в сторону распахнутой двери.

И даже еще раз инстинктивно нажал на спусковой крючок, когда в проеме появился старик из соседней палаты, который вчера заходил по-соседски поболтать.

– Ты всех гостей по ночам так встречаешь? – абсолютно невозмутимо спросил он.

– Нет, только особо надоедливых.

«Смелый старик, – подумал мужчина. – Другие, наверное, под кровати забились, носа не кажут, а этот…»

– А чего заходили? – спросил сосед, неторопливо окинув взглядом трупы.

Лысый, невысокого роста, с седой, почти белой бородой, узким клином опускавшейся до пояса, старик напоминал Еремееву монаха из восточных фильмов о древних бойцах.

– Прощения попросить за то, что не добили сразу. Ну, я их и простил, как смог.

– А говорил, что одной ногой в могиле…

– Теперь уже двумя, но это не повод позволять всяким подонкам себя добивать.

– Гм… – Седобородый как-то по-особенному посмотрел на больного. – А знаешь, ты, пожалуй, подойдешь.

– Куда? К краю могилы? – усмехнулся Александр, почувствовав возвращение боли. – Я ног не ощущаю, а вы говорите…

– К могиле тоже по-разному подойти можно. Хочешь получить вторую попытку? – спросил тот. – Правда, не здесь.

– О чем вы?

– О новой жизни. Только что открылась вакансия. Если согласен, скажи. У тебя десять секунд.

– Я-то согласен сразу и на все. Только в моем положении…

– Тогда лови!

Вошедший бросил ему что-то блестящее. Инстинктивно дернув рукой, чтобы поймать, пациент вскрикнул – боль вспышкой погасила зрение.

«Чертов старик, разве можно так издеваться над умирающим! – Еремеев что было сил сдавил пистолет. А еще он почувствовал жжение в кулаке с пойманной вещицей. – Жаль, так и не узнал о вакансии. Скорее всего, у старика крыша поехала, но было бы интересно понять, что он хотел сказать».

Еремеев снова очнулся от того, что кто-то больно стиснул руку. Открыл глаза и в полумраке увидел волчью морду. Пистолет по-прежнему оставался в руке. Александр нажал на спусковой крючок, заведомо ожидая нулевого результата, потом замахнулся, и морда, выпустив руку из пасти, отскочила в сторону, обиженно заскулив. Размерами животное явно уступало волку.

«Не иначе дворняга, – пронеслось в голове, – но кто ее пустил в больничную палату?! А кстати, кто и саму палату спер?! Да и пистолет мне втихаря подменили! Что это за антиквариат с двумя стволами?!»

Сереющее небо над головой, догорающие звезды и прохладный воздух подсказали, что больного действительно вышвырнули из больницы, только было неясно, насколько давно это произошло.

«Неужели не всех прикончил? Почему-то патронов всегда меньше, чем подонков. Так на какую свалку меня выбросили? И почему в живых оставили? Как же там Виктор без меня? Тоскует небось, мерзавец!» – размышлял Александр.

Впрочем, риторические вопросы сейчас были явно не ко времени – внимание теперь уже бывшего пациента привлекло раздававшееся невдалеке громкое чавканье и недовольное рычание. Он приподнялся на локтях.

В десяти шагах от него несколько дворняг дружно раздирали два трупа. Обиженная Александром зверюга также присоединилась к коллективной трапезе.

«Это когда в Москве успели расплодиться собаки-людоеды? Или меня так далеко вывезли, что…» – Он прислушался. Помимо чавканья от собачьего пиршества, больше не было слышно

никаких звуков.

«О, а по дороге еще и приодели? – удивился Александр, обратив внимание на рукава незнакомой одежды. Последний раз, кроме бинтов, на нем ничего не было. – А может, накачали какой-то гадостью и у меня память отшибло?»

Еремеев взглянул на сжатый кулак – дворняга успела оставить на коже глубокие кровоточащие раны.

«Не хватало еще перед смертью подхватить бешенство и кого-нибудь покусать. – Он с трудом разжал кулак и только теперь увидел многолучевую звездочку золотистого цвета. – Вот что швырнул старик! Ну и зачем? А это еще что за глюки?»

Вещица начала таять быстрее мороженого и сразу впитываться в кожу. Несколько секунд – и от звездочки не осталось и следа, зато рука зачесалась нестерпимо. Александр поднес ладонь к глазам, поскольку не поверил увиденному.

«Все-таки чем-то накачали… Не могут раны так быстро затягиваться! – от кисти до плеча, а затем и по всему телу пробежали мурашки, как от уколов тысячи игл. Затем бывший пациент расслышал дружный хруст собственных костей и поежился. Неестественность происходящего не позволяла мыслить четко, но версия причастности к случившемуся людей Виктора ушла на самый задний план. – Уж не старика ли это фокусы? «Новая жизнь», «вакансия», «не здесь»… Что он там еще говорил?»

Висевший в небе узкий серп месяца краем касался видневшейся вдалеке башни. Порыв ветра принес густой запах гнилого болота… Вдали раздался протяжный вой…

«Не может быть! – мысленно воскликнул Александр, вздрогнув всем телом. – Почему-то мне кажется, что ужин тех зубастиков раньше звали Корнеем и Потапом, а мне следует побыстрее отсюда убираться. Знать бы еще, как?»

Раздавшийся уже совсем близко басовитый вой насторожил не только псов. Еремеев интуитивно понял, что на подходе более крупный хищник, которого разряженным пистолем не напугаешь. Он не успел заметить, как оказался на ногах – на тех, которые из-за повреждения позвоночника работать не могли по определению.

«Точно, сон! Ай, больно, однако! – едва удержался он, чтобы не вскрикнуть, когда себя ущипнул. – А может, и не сон? Тогда я пойду, пока имею такую возможность».

Он двигался, заново привыкая к собственному организму. С каждым шагом боль утихала, тело наполнялось энергией, а разум – необъяснимой радостью. Хотя почему – необъяснимой? Только что он валялся в кровати с девяностодевятипроцентной вероятностью не дожить до следующего дня, а теперь идет, почти

бежит. И пусть по незнакомой местности, среди развалин и в сопровождении леденящего душу воя, но ведь живой!

Эйфория продлилась недолго. Александр начал прикидывать шансы сохранить свалившийся на его голову подарок и сообразил, что стоит поискать надежное убежище. Заметив полуразвалившийся домик, подошел к двери и постучал.

– Кого черти принесли?! – пробурчали изнутри.

– На ночлег не пустите? – спросил он.

– Пустить я могу только кровь, ежели от дома не уберешься. Нашел дурня.

Охота стучать еще раз сразу пропала.

И тут полуночник расслышал радостный скулеж – его догоняли. Теперь надо было уносить ноги еще быстрее.

«Хоть бы дерево какое нашлось, кругом одни развалины, – лихорадочно оглядывался Александр. – Даже гадать боюсь, куда попал… И все равно полученную чудом жизнь не отдам, сам кого хочешь загрызу. Что тут у нас?»

Наступавший рассвет уже погасил даже самые яркие звезды. Александр осмотрелся. Ничего подходящего поблизости он не разглядел, а башня, на которую изначально держал курс, все еще оставалась далеко.

Строений вокруг становилось больше. И все до единого были какие-то убогие: серые, с растрескавшимися стенами и забитыми досками проломами. Чуть дальше наметились улицы и проулки. Еремеев опасался сворачивать в подворотни, но в одной из них заметил отблески костра.

Огонек – это весьма кстати. Запыхался он малость с непривычки. Виданное ли дело – после двухнедельного лежания марафоны бегать. Он решительно направился на свет.

– Да я любому горло вскрою, токмо подойди! – донесся чей-то неприятный, слегка дрожащий голос.

«Какие-то здесь местные все недобрые. То шакалам на съедение оставляют, то грозятся кровь пустить прямо на пороге. Да и у этих греющихся у костра аборигенов затевается что-то явно далекое от идей гуманизма. Зато огонь должен отпугнуть хищников, – Александру жуть как не хотелось становиться чьим-то ужином. – Кормить безмозглых тварей людьми с техническим университетским образованием – непозволительная роскошь!»

И он направился в сторону костра.

– Щенок смеет огрызаться?! Сейчас башку свернем, а потом заглянем к твоей девке. Говорят, баба в самом соку. На один раз нам ее точно хватит.

«Насилие – это отвратительно, особенно по отношению к женщине. Как бы им это вразумительно объяснить? Интересно,

тут человеку с двумя стволами верят сразу или все же ставят его слова под сомнение?»

Александр вошел в небольшой дворик.

Здесь действительно горел костер, и путник в открытую подошел к нему. Даже присел на камень, положил пистолет на колени и протянул ладони к огню. Все находившиеся во дворе дружно повернули голову в его сторону.

– Господа, я не сильно мешаю? – спросил он, рассматривая местных, после чего добавил: – Если вдруг мешаю, то лучше уйти вам.

Открывшаяся мизансцена заинтриговала Александра. Напротив него, опершись спиной о будку, напоминавшую деревенский сортир, стоял худой высокий парень, напряженно сжимая в руках кинжал. Его окружали пятеро бородатых мужиков, вооруженных увесистыми дубинами.

От наглости ночного прохожего все слегка оторопели – видать, здесь не привыкли к подобным выходкам.

«Раз сразу не набросились, значит, опасаются. Ну да, у них пока легкий ступор – заявляется наглец, проходит мимо, словно их тут не стояло, и по-хозяйски располагается возле костра. Некомфортное, надо сказать, положение: с одной стороны – клинок, с другой – человек с пистолетом. Пальнуть бы сейчас для пущего эффекта, да я свой антиквариат как-то зарядить не догадался. И вообще не уверен, есть ли у меня боезапас. Все не до того было – я только четверть часа назад заново родился. И не в одной рубашке, а почти при полном наряде. Да только по карманам пошарить не удосужился. Надеюсь, бородачи поверили, что моя наглость имеет огневое подкрепление? Разубеждать не буду. Так, а вот паузу затягивать не стоит: еще решат, будто мне сказать нечего».

– Я с глухими разговариваю или как?! – продолжил наседать Александр. – Кто тут старшой?

– Я, шляхтич, Матвеем кличут. Мы тута сопляка одного проучить вздумали. Он старших не почитает, – отвечал мужик, медленно приближаясь к чужаку. Ладонь он прятал в рукаве, и явно не от холода.

«Это кого он шляхтичем обозвал, меня? А ведь за такое обращение можно и по роже схлопотать. Тем более ведет себя мужичок весьма подозрительно, не иначе – «козырь» в рукаве припрятал».

– Матвей, а тебе дыра во лбу точно нужна? – Еремеев направил пистолет в голову бандита.

– Так я… это…. – Мужик резко взмахнул рукой, но Александр был готов к броску и стремительно отстранился.

В тот же миг в спину лиходея воткнулся кинжал прижатого к стене «сопляка». Главарь попытался оглянуться и рухнул на бок.

«Любят здесь ножичками бросаться… Надо будет запомнить», – сделал себе мысленную пометку Еремеев.

Действовать следовало очень быстро. Если бандиты решат, что их всех сейчас поубивают, то отчаянно кинутся в схватку. Ведь с оружием, правда незаряженным, сейчас оставался только Еремеев. Он вскочил и навел стволы на ближайшего к нему бородача.

– А ведь я предлагал разойтись миром… Но если вы не хотите… Считаю до пяти. Кто останется во дворе, когда закончу счет, – тот труп. Один, два… – Александр знал, как реагируют люди в ситуации, когда предлагается выбор и сокращенный лимит времени на поиски альтернативы. Бандиты бросились врассыпную. – Четыре. – Еремеев прекратил отсчет, поскольку во дворе остался только худой парень.

– Ты меня застрелишь? – спросил он.

– С какой стати? Ты сохранил мне патрон, а он денег стоит.

С той стороны, куда убежали бандиты, донеслись душераздирающие крики и рычание зверья. Все-таки хищники не зря преследовали одинокого прохожего – им досталась знатная добыча.

– Кстати, о патронах, – проверив карманы брюк, Александр обнаружил четыре. – Не подскажешь, как эта штука заряжается? Если сейчас кто-то из зверюг сюда заглянет, их-то мне вряд ли уболтать удастся.

– Ты… ты… – Парень не выдержал и рассмеялся. – Ну даешь! Да я сам свято уверовал, что у тебя еще и второй пистоль за пазухой припрятан, но ты просто его до сроку показывать не хочешь. И бандюки наверняка так решили.

– Давай немного поторопимся, – напомнил о проблеме Александр. – Судя по звукам, плохих людей скоро дожуют, а потом примутся за хороших – это я о нас с тобой говорю.

– Покажи пистоль, – попросил молодой человек. Он хотел было уже взять оружие, но вдруг резко отдернул руку. – Ты волшебник?

– С чего вдруг? – опешил Александр.

– Ну, вон же знаки на стволе! Такие токмо маги наносят, чтобы их оружие чужак не смог взять.

«Мне еще для полного счастья только колдовства не хватало! А впрочем, чего туплю? Та звездочка явно не новогодней игрушкой была – вон как она меня на ноги подняла».

Между тем пауза затянулась, и паренек насторожился.

– Видать, круто мне по голове настучали. Мало того, что

собственного имени не помню, так еще и понятия не имею, кто я и где вообще оказался.

– А еще гуторишь ты не по-нашенски. Точно, шляхтич какой-то. Правда, те шипят много. Неужели совсем ничего не помнишь?

– Только имена напавших. Корнея и Потапа я вроде подстрелил, а вот Кондрат и Демид меня самого скопытили и на съедение шакалам оставили. Думали, я уже не смогу подняться. Да, еще они меня Никиткой называли…

– Ты завалил Корнея? – с уважением посмотрел на Александра молодой человек. – Жуткий был человек, никого не жалел. Меня Радимом кличут, я твой должник. Ежели бы не ты, покалечили бы меня ироды.

– Раз должник, то показывай, как пистоль зарядить. Точно сейчас голодающие нагрянут.

– Жми на тот рычаг, – указал Радим пальцем, держа руку на безопасном расстоянии от оружия.

Стволы преломились, как у охотничьего ружья. Еремеев вытащил использованные патроны и вставил новые. Защелкнул стволы и взвел курки.

– Вот теперь пусть свора заходит.

– Гильзы ты зря выбросил, они тоже денег стоят, – сказал молодой человек.

Еремеев подобрал два медных цилиндра.

– Дорого?

– Десять медяков каждая.

«Еще бы я знал, много это или мало».

Александр то и дело бросал настороженные взгляды в сторону арочного прохода, но в нем никто так и не появился. Правда, и темень заметно отступила, наверняка рассвет испугал хищников.

– Зверюги никогда сюда не заглядывают, – пояснил Радим. – Неужели не видишь алтарь?

– Где?

– Да вот же! – Высокий парень указал рукой на «сортир». – Ты еще скажи, что не знаешь, как он работает.

– Не помню, – чуть ли не прорычал Никита.

Радим сразу решил, что должен пояснить несведущему:

– Там, внутри, колдовской камень, его еще алтарным называют. Раз в неделю на него нужно класть голову ночного хищника, и раз в месяц – вызывать мага зарядить алтарь. К этому чародей давно не подходил, но на двор его силы пока хватает.

– Камень? – сразу заинтересовался Александр и направился прямиком к «сортиру», желая осмотреть, что находится за дверцей. Схватившись за ручку, он ощутил сильную вибрацию, и,

пока она не закончилась, не мог оторвать ладонь. – Что за фигня?

Из подворотни донесся тоскливый вой зверья, которое, похоже, дало деру.

– Я же говорил, что ты волшебник! – Радим обрадовался. – И сейчас зарядил этот алтарь. Токмо я ни разу не видел, чтобы это делали так быстро.

«Опять магия? Вот так соберешься справить нужду, а тебя током шибанет. Я тут вместо аккумулятора? Чувствую себя мощным электрическим скатом. Неужели все из-за того, что меня в детстве молнией шарахнуло? Не зря говорят, что за грехи молодости потом всю жизнь расплачиваться приходится».

Желание открывать дверцу пропало.

– Радим, мне бы хоть какие-то крохи памяти вернуть, не хочу выглядеть полным идиотом. Не расскажешь, где тут какая рыба и почем?

– За рыбой нужно идти в северные кварталы, там портовый рынок… – начал обстоятельно излагать парень.

«Ой, откуда же ему знать слова из нашей песни? Ее и молодежь-то наша нынешняя не знает».

– Извини, я не это имел в виду. Ты мне о городе растолкуй, может, хоть что-то вспомню.

– Раз ты зверюг разогнал, пойдем ко мне домой, – предложил новый знакомый. – Я про город много знаю, долго сказывать придется.

– Пошли, – согласился Еремеев.

– Погоди. – Радим остановил собеседника. – А как же трофеи?

– Ты о чем?

– Видно, и вправду здорово тебе досталось! Все ценности убитого надлежит забрать победителю. – Он кивнул в сторону тела Матвея.

– Так ты его убил, твои и трофеи. – Александру как-то совсем не хотелось обыскивать труп.

Радим с задачей справился быстро. Забрал кошель, обувь, кастет, не поленился сбегать и за метательным ножом.

– Идем? – Парень закончил.

– Далеко отсюда?

– Мигом доберемся! – Радим открыл кошель Матвея, вытащил пару серебряных монет и протянул спасителю. – Так будет правильно.

– Хорошо, тебе виднее, поскольку я не имею никакого понятия о здешних правилах.

Глава 2
Слуга волшебника

«Это Смоленск?! – Александр лежал на топчане и пытался хоть как-то осмыслить полученную от нового приятеля информацию. – Нет, я, конечно, не знаток истории, но точно помню – в учебниках ничего не писали про то, что город, когда-то входивший в одно из воеводств Речи Посполитой, был серьезно разрушен восстанием жителей, а после обособился в некую республику под управлением вече. По словам Радима, все это произошло около полувека назад. И уж, разумеется, ни о каких колдунах и речи не могло быть. Но если верить тому же Радиму, сейчас здесь волшебников сотни, и я – один из них. Как с трудом удалось выяснить, зовут меня Никитой Ниловым, магическая специальность – энергомаг второго кольца. Месяц назад указом того самого вече был призван в магическое ополчение. Для каких целей – о том Радим не знает, но говорит, что в городе неспокойно».

После такого рассказа еще более ошеломляющей новостью стал для Александра его собственный внешний вид. Точнее, Никиты Нилова – молодого худощавого парня семнадцати лет от роду, русоволосого, с раскосыми карими глазами и заостренными чертами лица. Такое отражение он разглядел в медном отполированном тазу, заменявшем матери Радима зеркало. Сам Еремеев в молодости выглядел совершенно иначе, начиная от цвета волос и заканчивая подбородком.

Причин впадать в ступор нашлось с избытком. Недобрыми в здешних местах оказались не только люди. По ночам в глухих улочках предместий появлялись четвероногие зубастики, и основным блюдом для них был человек.

«На окраинах ночью от хищников спасу нет, да и за городские стены они забредают нередко. Мне, как выяснилось, еще повезло с новолунием. Парень говорил, зверюги в этот период не особо активны».

Согласно обнаруженному в кармане рубахи пропуску, Никита Нилов был отпущен в увольнение на трое суток. Какого черта его потянуло на северо-западную окраину Смоленска, да еще среди ночи, когда на охоту выползали те самые зверюги, Александр понять не мог. Никаких воспоминаний, которые могли бы помочь Еремееву освоиться в здешней реальности, от прежнего владельца тела не осталось. А ведь те, кто собирался убить Никиту, вряд ли остановятся, при этом сам он, нынешний, даже не догадывается,

за что.

«Надо отыскать Кондрата или Демида и задать парочку вопросов. Однако сначала стоит хорошо подготовиться – с кондачка такие вопросы не решаются, и одному точно не справиться».

– Не спишь? – В крохотную комнату вошел Радим.

– Так ведь день давно на дворе, да и поесть бы не мешало.

– За тем и пришел. Матушка просит откушать.

– С превеликим удовольствием. – Новоиспеченный Никита Нилов поднялся с топчана.

Жилище приютивших «потерявшего память» находилось в полуподвальном помещении двухэтажного здания. Со слов Радима, на окраинах редко попадались уцелевшие строения. Две трети домов разрушили во время восстания, остальные тоже постепенно приходили в негодность. Никто не пытался обустраивать окраины заново. Что толку? Очередной набег – и лучшие жилища подвергались разграблению, пока их обитатели прятались за городскими стенами. Вот и здесь крыша имелась только в некоторых нижних комнатах.

– Ты пистоль без присмотра не кидай, Никита. У нас и дома с оружием негоже расставаться. – Радим остановил приятеля, когда тот направился в соседнюю комнату. – Злодеи могут нагрянуть во двор, и мы должны показать, что готовы их встретить.

Сам молодой человек постоянно носил с собой кинжал.

Когда они подходили к дому, Еремеев успел рассмотреть двор: развалины составляли квадрат примерно сто на сто метров, а в центре располагалась площадка с алтарем против ночных зверюг.

– Похоже, меня чем-то особенным оглоушили. – Александр заткнул пистоль за пояс. – А мы – это кто?

– Все местные. У нас одних мужиков два десятка – сила немалая. Правда, огнестрела ни у кого нет, но пятеро могут неплохо из лука стрелять, отбиваемся.

«Оглоушенный» взъерошил свои русые волосы, словно пытался из них выудить нужные воспоминания.

– От злодеев совсем проходу нет?

– Так ведь на окраине живем, тут треть народу разбоем промышляет.

– Мало вам татарских набегов, так еще и свои грабят?

– Вече невсесильно, его власти пока только на город и хватает.

– Я угораю от здешней жизни! – Еремеев покачал головой.

– Тебе надо к целителю наведаться.

– Боюсь спросить, сколько это будет стоить.

«А еще больше опасаюсь, что колдун сумеет вытащить из моих мозгов, если туда полезет, слишком много опасной информации. Нет, в свою башку никого не пущу. Лучше уж побыстрее постараюсь разобраться, кто тут за наших, а кто против».

– Ты же сам волшебник!

– Ну да, который понятия не имеет о своих способностях, кроме зарядки алтарей.

Парни вошли в другую комнату.

– Благодарствую, господин маг, что уберег моего неразумного от смертушки, – поклонилась ему красивая женщина лет сорока. Одета она была в зеленый сарафан поверх белой нательной рубахи, на голове – цветастый платок.

– Злодеев нужно наказывать и не позволять им обижать хороших людей. – Гость чувствовал себя не в своей тарелке.

– Прошу отужинать. – Женщина пригласила к столу.

«Надо же – время ужина! Не ожидал, что так долго просплю. А ведь увольнительная выписана только до завтрашнего утра. Если не хочу, чтобы записали в дезертиры, пора возвращаться в казармы».

В увольнительной четко и ясно было указано, что конкретно ждет нарушителя. Проверять достоверность угроз на себе не хотелось.

– Разносолов у нас нет, – как бы извиняясь, пояснил Радим. – Ты хотел рыбу, вот мама ее и состряпала.

Приступ голода заставил активно заработать челюстями.

Женщина почти ничего не ела, но с умилением наблюдала за едоком.

– Ты угощайся, угощайся, добрый человек. Тут еще сыр есть, пряники, отвар шиповника с медом.

Когда по чашкам разлили горячий напиток, Александр почувствовал вибрацию, как от мобильника при беззвучном режиме. Глянул на пояс.

«Что за чушь?! Надписи на стволе пистолета засветились. – Он поднял взгляд и увидел – оба сотрапезника уткнулись лицом в столешницу. – Магия, чтоб ее!»

Еремеев не знал, что именно за этим последует, но не ждал ничего хорошего – вряд ли тот, кто запустил волшбу, желал добра отключившимся людям.

«А не по мою ли это душу? Точнее, по Никитину. Впрочем, теперь это совершенно без разницы, вряд ли кому удастся доказать, что я не я и хата не моя. Сначала прибьют, хорошо, если не насмерть, а уж потом начнут спрашивать. Если будет кого».

Вскочив, он потрогал пульс Радима.

«Спит. Уже хорошо. Жалко было бы его потерять».

Александр подошел к входной двери. Сквозь щель заметил четыре приближавшиеся фигуры. Вряд ли они зашли к Радиму и его матери в гости.

«Зря я сюда притащился – подставил хороших людей под удар. Надо бежать. Но куда, в окно? А если застряну? – И все же Еремеев быстро отогнул гвозди, на которых держалась внутренняя решетка, сдвинул ее в сторону и распахнул створки. – А вдруг и хозяев прикончат? Если все кругом такие, как рассказывал Радим, я лучше присмотрю за домом, пока они спят. В конце концов, чужаков всего четверо, у меня два заряда… – Он взвел курки, отыскал взглядом шкаф, и направился к нему. – Отсюда и понаблюдаю».

Как только Александр закрыл за собой массивную створку, с мощным грохотом вылетела входная дверь и в дом ворвались какие-то люди. Притаившийся сквозь щели рассохшейся мебели мог видеть их лишь наполовину и слышать речь, лица разглядеть не удавалось, для этого нужно было сменить положение, а он не хотел издавать шума.

– Вот же везучий щукин сын! Вновь утек! – пронзительно верещал заскочивший последним. – И сонный дурман его не прихватил. Карп, дуй за гадом!

– Шляхтич, да я тут застряну, окошко совсем махонькое.

– Не надо было тратить время на магию, вломились бы и положили всех, – продолжал распинаться обладатель пронзительного голоса.

– Местные тут живут общиной, без дурмана они бы все кинулись на помощь, – возразил Карп.

Еремеев понял, что с укрытием прогадал, поскольку внутри было пыльно и тянуло чихать. Сдерживаться становилось все труднее.

– Гнат, беги к Матеушу, пусть выставит кордоны у городских ворот. В Смоленск эта сволота попасть не должна. Да поворачивайся ты шибче!

– Иду я, иду, пан Дариуш.

«Опять поляки? Чем же Никита им насолил? Надо будет поспрашивать у знающих людей, какой нынче политический расклад в Смоленске. Помню, в нашей истории шляхтичи об этот крепкий орешек не раз зубы ломали».

– А ты чего молчишь, господин волшебник? – снова заговорил тот, кого звали Дариушем. – След взять сможешь?

– Не моя специальность, – равнодушно ответил тот. – Я выполнил все, для чего меня нанимали. Есть еще работа? Платите, готов выполнить.

– Не для тебя. Карп, прирежь этих двоих. Да так, чтобы остальные подумали, будто сын убил мамашу, а потом себя.

«А вот здесь фиг вы угадали, господа нехорошие. Врываться в чужой дом и убивать хозяев – вообще верх хамства, а таким образом – и подавно. У меня слишком мало знакомых в этом мире, чтобы позволить кому-то их порешить».

Раздался скрип двери шкафа. Стоявший справа толстяк начал поворачиваться на звук, направляя револьвер, но Еремеев выстрелил первым. Заметив кровавую отметину на лбу цели, он сразу нашел вторую мишень – высокого мужчину в плаще. Снова грохот, и мага отбросило к стене. У него явно имелась какая-то защита, правда, она не спасла. Массивная полка от удара сорвалась со стены и рухнула вниз, угодив углом прямо в висок пострадавшего. Оставался еще один бандит. Он сразу ринулся на стрелка, отметив, что пальбы пока не предвидится.

Александр постарался быстрее выскочить из тесной коморки. Швырнул в бандита пистоль и даже угодил в лоб, но это дало всего пару секунд.

– Да я тебя сейчас зарою! – взревел Карп. Расставив руки, он начал грозно надвигаться на противника.

«Карпика надо оставить в живых. У меня накопилось очень много вопросов, – подумал Еремеев. Увы, этим планам не суждено было исполниться. – Ты куда?»

Здоровяк неожиданно остановился, повернул голову, замахнулся и начал оседать на пол – за ним стоял Радим с окровавленным кинжалом в руке.

«Да, местные долго не думают, пускать ли в ход оружие. А ведь только-только лежал, уткнувшись носом в тарелку».

– Зря ты. Хотел сначала побеседовать с ним.

– Так упредил бы, – развел руками спаситель. Когда в одной из них зажат окровавленный кинжал, смотрится это особенно впечатляюще.

– Не заметил, как ты очнулся.

– Я подумал – хана тебе, вон он какой здоровый.

– Ладно, чего теперь толковать? Ты бы мать отвел в соседнюю комнату, пока мы тут приберем.

Женщина выглядела испуганной, но не паниковала. Радим проводил ее и вернулся:

– Трофеи собрал? – первым делом спросил парень.

«Во дает! Будто здесь не трупы, а киндер-сюрпризы валяются, и ему интересно, что у них внутри».

– Нет еще, – поморщился Александр.

– Хорошо, я сам. Добро этих двоих – тебе, а здоровяка – мне.

– Как скажешь.

Еремеева так и порывало отказаться от добытого в схватке, но приходилось привыкать к правилам нового для него мира. Не зря говорят, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

– Ух ты, а толстяк из богатых будет! – радостно воскликнул сборщик трофеев. – У него в кошеле даже золото имеется, да и маг не из бедных. Какие-то амулеты и серебра на полсотни монет.

«Богатый – это плохо! – размышлял Еремеев. – Раз такого сюда занесло, мое дело дрянь. Вот же ирония судьбы! И тут я кому-то сильно насолил! В своей реальности выдалось узнать, что мой работодатель обкрадывает благотворительный фонд, попытался устранить несправедливость. А они, сволочи, решили устранить меня. Теперь и здесь ситуация ничуть не лучше. Никита наверняка разнюхал нечто, с чем жить непозволительно. Его выманивают на окраину и – будьте любезны пожаловать на съедение шакалам. А утром, видать, еще и проверить решили, хороший ли аппетит был у зверюг. Костей Никиты не обнаружили, расстроились, принялись искать пропажу и, что самое обидное, нашли. Хорошо, у меня пистоль с секретом, а то бы…»

– Ты гляди! – прервал раздумья Радим. – Настоящий револьвер. Такой, поди, не меньше дюжины монет золотом потянет. Вот это добыча! Держи. – Парень передал оружие, словно шкатулку с драгоценностями.

– Замечательная вещь! – Револьвер удобно лег в ладонь.

«Вот уж не ожидал, что здесь дошли до такого уровня. Тут у них и луки, и дубины, и пистоли. Может, и пулемет можно отыскать? Монет, эдак, за сотню?»

Радим складывал трофеи на столе в две кучки. В большой оказалось два кошелька, расшитый блестками пояс, жезл, несколько амулетов и парочка добротных кинжалов.

– Никита, слушай, а у того чужака, что под полкой валяется, неплохая обувка. И вроде как на твою ногу. Давай примерь. Твои башмаки, того и гляди, развалятся.

Александр не успел возразить, как собиратель трофеев уже стаскивал с трупа обувь. Раздался звон монет.

– Ого! Сам бы ни за что не догадался, где маги золото прячут. Пять злотых в доход! А тут еще и пластинка зеленая припрятана, глянь!

Еремеев взял ее в руки.

«Малахит, что ли? Очень похоже, но переливы странные, словно сияние изнутри исходит. И я опять понятия не имею, что это такое. Сколько же всего придется прояснять?»

– Слушай, тебе слуга, случайно, не нужен? – Радим пересчитал свою добычу. – Суток еще не минуло, а в кармане –

двадцать монет серебром. За такие деньги на мертвых болотах три месяца батрачить нужно.

Мертвыми считались пересохшие болота, где добывали торф, про это парень раньше рассказывал.

– Зато там не пытаются убить по два раза на дню.

– Это где ты такое слыхал? Там зверюги в пасмурный день даже днем нападают. А после дождей, наоборот, чуть зазеваешься – или болотник в жиже утопит, или русалка зачарует, там все с амулетами работают. А ежели сама хозяйка болот пожалует, тогда и амулеты не помогут.

– Что еще за хозяйка?

– Кикимора, знамо дело. Ты и этого не помнишь?

Еремеев только головой покачал.

«Значит, говорите, Смоленск?! С колдунами, зверюгами, болотниками, русалками и кикиморами? И полагаю, это еще не худшие создания здешнего мира».

– Радим, а у вас тут, случайно, гномов или эльфов нет? – с сарказмом в голосе спросил Еремеев.

– Эльфов точно нет. Они в Смоленск не заглядывают, а гномы – те даже представительство банка открыли и оружейную мастерскую. Револьверы – их работа, больше никто делать не научился.

«Так, спокойствие, только спокойствие! Про орков и гоблинов пока даже спрашивать не буду. Что же здесь произошло? Почему все не так? Ладно, разберемся чуть позже. А вот помощник мне, пожалуй, пригодится. Только нужно будет его отучить убивать всех подряд, кто на меня замахивается. Хотя бы через одного».

– Хочешь служить? А ты сможешь провести меня в город, минуя ворота?

– Смогу.

– А мать есть на кого оставить?

– Я иногда неделями пропадаю. Да и сестрена завтра переехать собиралась, дядьки моего дочь. Это ее бандюки поминали. Гады думали, она моя девка.

– Хорошо. Ты принят на службу. Теперь давай здесь приберемся.

– А это моя забота, господин. Сейчас позову наших. Одежда чужаков нужна?

– Нет, – поспешил ответить Еремеев.

– Вот и с оплатой заморачиваться не надо. Добротный наряд дорого стоит, даже если кровью запачкан.

Радим не особо интересовался прошлым, поэтому узнать у него хоть что-то о странном повороте событий в истории

оказалось крайне сложно. Единственное, что смог понять «потерявший память», – кардинальные перемены произошли в Европе во времена Черной смерти, когда чума косила народ миллионами.

Из разрозненных обрывков Еремеев, который очень старался воспринимать себя Никитой Ниловым, узнал, что в те годы нашелся «спаситель», взявшийся лечить больных с помощью колдовской книги. Где он ее отыскал и что за ритуал провел, Радим рассказать не мог, но народу в один день полегло столько… Причем скосили неизвестные чары по большей части люд знатный и зажиточный.

А потом неизвестно откуда появились кровожадные и прожорливые четвероногие существа. Они неплохо поработали санитарами, очистив местность от трупов, но, когда те закончились, принялись за живых людей.

Вот тут и пришли на помощь ранее не виданные разумные расы. Эльфы начали продавать саженцы, отпугивающие тварей, гномы создали алтарные камни, открыли торговлю многозарядным оружием. Если бы не эти пришельцы, человечество было бы обречено. А так оно лишь застопорилось в развитии.

Урон после ритуала был нанесен такой, что потребовалась пара веков, чтобы просто вернуться к уровню развития, имевшемуся до пандемии. Магия и отток материальных ресурсов к чужакам сильно затормозили технический прогресс. Здесь также шел двадцать первый век от Рождества Христова, но пока гость из другой реальности даже простенького аэроплана не видел.

Рассказал смолянин и о многочисленной нежити, которая обитала в лесах и на болотах, изредка наведываясь в гости к людям. Правда, исконные обитатели здешних мест – вурдалаки, нетопыри, лешие и кикиморы не ладили с ночными тварями, вступая в ожесточенные схватки в борьбе за место под луной.

– В первые дни новолуния из зверюг к стенам города подбираются только шакалы, остальные пребывают в полудреме. Из нежити можно наткнуться на упыря, если зазеваешься. – Радим вел своего хозяина к городской стене, а заодно рассказывал о здешних обитателях. – Но нам с тобой кровосос не страшен – они волшебников за версту чуют и стараются обходить стороной.

«Так, плюсы в моем непонятном чародействе все-таки имеются, уже хорошо. Правда, за любое благо цена обычно оказывается такой, что и сам рад не будешь».

– Хочешь сказать, чародеям можно по ночам гулять, никого не опасаясь? – Еремеев говорил еще тише своего слуги, а идти

старался вообще бесшумно, как ни странно, новая обувь этому способствовала.

– Не угадал. Нежить с вашим братом и взаправду не жаждет встречаться, а зверюги – те наоборот. Им маги – как лакомое блюдо, хотя и обычными людьми не брезгуют.

«Вот почему вчерашние волки, или как их там, так долго за мной топали, даже на трупы отвлекаться не стали», – отметил про себя Александр.

– Ты сказал, мы войдем внутрь через пролом в стене? И много таких прорех в городе?

– На юге-западе с десяток имеется, но не через каждую взрослый муж сможет прошмыгнуть. Когда я мальцом был… – Радим внезапно остановился и замолчал.

– Что? – дернул его за руку хозяин.

– Там кто-то есть, – ответил молодой человек.

Снова завибрировал пистоль, Еремеев подножкой свалил слугу на землю и распростерся рядом. Над головой пролетело нечто огненное, обдав затылок жаром.

«У них что, навигатор на меня настроен? Опять колдуна натравили? И не надоело? Так ведь и до нервного срыва человека довести недолго».

Сзади раздался едва различимый скулеж. Точно такой же Александр слышал вчера, когда убегал от невидимых хищников. Его, оказывается, выслеживали не только люди.

– Радим, есть идеи, куда нам дальше двигать? Впереди волшебники, сзади зверюги, и немелкие. Прямо не знаю, кому лучше отдаться на съедение.

– Зверюги? Откуда знаешь?

– Скулеж слышал. Похоже, те самые, что людей Матвея сожрали.

– Волчары! – радостно отозвался парень. – Повезло нам, господин. – И он прикрыл хозяина своим телом, вжав того в землю.

«Лицом в грязь? И он называет это везением? Как-то меня все больше и больше напрягает новый мир. Оно, конечно, можно плюнуть на все и считать происходящее бредом сумасшедшего – с нормальными мозгами тут точно не выжить. Но хоть какая-то логика быть должна?! В одном случае, когда тебя желают сожрать, это плохо, в другом – удача? Или быть съеденным хищниками гораздо почетнее, чем поджаренным колдунами? Начинаю думать, что инквизиция, наверное, не такими уж плохими делами занималась в Средние века. Там, у нас, они не проморгали ни одного чернокнижника, а здесь к порученному делу отнеслись безответственно, и вот результат – лежу мордой

вниз с полным ртом земли, а слуга, заставивший ее жрать, утверждает, что мне следует считать себя баловнем судьбы».

Наконец Радим откатился в сторону:

– Волчары тебя не учуяли и кинулись к тем, кто колдовал. От чародеев сейчас магией разит, как из нужника дерьмом.

– Тьфу! Скажи, а обязательно было меня лицом в землю втаптывать или можно было как-то обойтись?

– Видит бог, я не нарочно.

– Хоть кто-то это видит! Некалорийная здесь почва и на вкус – так себе. Веди дальше, пока наши враги заняты друг другом.

Ко второму пролому пришлось пробираться почти четверть часа. Все время Еремеева не покидала мысль о колдовском «жучке», который указывал врагам его местонахождение.

«Может, одежда? Надо было ее все-таки сменить. Хотя прежний Никита сразу бы догадался, если бы со шмотками что-то было не так. Старую обувь я выбросил. – Александр подключил прихваченные с собой навыки из другого мира, просчитывая вероятность событий. – Пистоль? Если вещь именная, да еще со знаками… Нет, не подходит. Тут нечто полученное не так давно, над которым враг мог хорошо потрудиться, и уверен, что Нилов вещицу не выбросит. Минуточку…. Если неприятности начались вместе с увольнением, то пропуск… И ведь действительно не выбросишь – по возвращении в казарму его следует сдать. Час от часу не легче! Выходит, и там затаились недруги?! И все – на несведущего меня? Одно немного утешает – толстяк очень не хотел, чтобы я вернулся в город. Может, там у них возможностей меньше? Хотелось бы в это верить».

– Лезь за мной, господин. – Радим начал карабкаться прямо по стене, цепляясь за выступы кладки.

«Нашел альпиниста. Я должен это уметь?» – мысленно бурчал Еремеев, но за проводником последовал.

Через пять минут оба протиснулись в щель, дальше пришлось двигаться на четвереньках, потом – согнувшись в три погибели. Наконец, удалось распрямиться и вдохнуть полной грудью.

«Не думал, что попаду в Смоленск столь экстравагантным способом, да еще в *такой* Смоленск».

До казарм ополчения они добрались под утро. Здесь вышла заминка – стражники отказались пропускать слугу и отправили Александра к главному.

– Ты должен оплатить его проживание за полгода, – нагло заявил комендант.

– Сколько?

– У тебя нет таких денег, Никита. Разве что пистоль

продашь…

«Здесь тоже любят считать чужие деньги? Ничего не меняется!»

– Прошу назвать сумму, господин комендант, – стараясь сохранять спокойствие, произнес Еремеев.

– Да уж, поди, на злотый набежало.

– Где оплатить?

– Можно подумать, у тебя…

Александр положил перед комендантом желтый кругляш, и тот сразу умолк.

– Не подскажешь, где мне слугу разместить, а то я давеча башкой треснулся здорово, с памятью большие проблемы.

Обращение на «вы», как он уже понял, тут было не принято, разве что князей так величали, поскольку в их лице часто обращались ко всему роду.

– Дык тут недалече. Вон прямо по дорожке до пруда, а там слева казармы белокаменные, справа деревянная клеть для прислуги.

– Благодарствую. Пропуск тебе оставить?

– Да хоть себе забери, он больше негож. Держи другую бумагу, пусть ее твой слуга сторожу покажет.

Александр собрался уходить, но комендант его остановил:

– Ты куда с пистолем, забыл? Дуй в каморку к Фролу, сдашь ему под охрану. Дай вам волю, вы тут все друг дружку за день перестреляете.

Фролом оказался беззубый старик.

– Никитка? Здрав будь, паря. Я думал, ты деру дал. Чего возвернулся-то?

– Здравствуй, Фрол. Так получилось.

– Зазря, ох зазря. Вацлав со вчерашнего дня злой ходит, тебя дожидается. Какие-то дорогие амулеты достал. Ты уж побереги себя. Лучше все ж гонор умерить, но живота не лишиться.

– Спасибо за предупреждение.

– Земляки друг другу помогать должны. Одного не втолкую, ты нынче сам не свой. – Старик, прищурившись, взглянул на Еремеева. – Один кинжал, раз им обзавелся, на пояс привесь, – посоветовал Фрол.

– Головой ушибся сильно, когда очнулся, память отшибло. Надеюсь, скоро вернется. – Александр собрал трофеи на кусок плотной ткани, выданный стариком, и завязал тугим узлом. Вместе с узлом передал пару серебряных монеток.

– Это чересчур, – замотал головой пожилой мужчина.

– Сам говорил, земляки помогать друг другу должны. Скажи, кто еще на меня зуб имеет, а кому можно довериться? Пока мои

мозги на место не встанут, любое содействие будет впрок.

– Ну, так Георг любит над тобой потешаться, но до рукоприкладства не доходило. Еще Пахома стоит остерегаться, мутный он. А сдружиться лучше с Гаврилой, вроде мужик нормальный и силенкой Бог не обидел. Только нелюдимый он.

– Еще раз благодарствую. – Еремеев собрался достать еще одну монету, но старик одарил его осуждающим взглядом.

– Лишнее это. Ты поспешай, а то скоро завтрак.

«И здесь у Никиты не все славно. Опять терки с каким-то паном? Может, Нилов собирался дезертировать? Хоть бы записку оставил в кармане. Ну да, самому себе? Представляю, насколько нужно не дружить с головой, чтобы до такого додуматься!»

Еремеев вместе с Радимом оказались внутри огороженной забором территории. Дорожка здесь была одна, поэтому заблудиться даже при большом желании не вышло бы.

– Сходить с тобой или сам устроишься? – спросил Александр.

– Бумажка есть, справлюсь, – бодро ответил парень. – Ты-то хоть припомнил что?

– Пока нет. Но мир не без добрых людей – надеюсь, подскажут. Вон пара мужичков возле казармы ошивается, с них и начну свою память восстанавливать.

Глава 3
Знакомство с сослуживцами

Еремеев отметил, что при его появлении мужички сразу оживились.

«Как-то нехорошо они улыбаются, не по-доброму… Чует мое сердце – с этими Никита точно дружбы не водил. Ну и как мне поступить? Кинуться обниматься – дескать, соскучился за три дня, и пусть встречающие ломают голову, что со мной стряслось? Или, наоборот, сразу драку устроить? Старик предлагал поубавить гонор. Видать, мой предшественник слыл шумным малым. Ну да, помнится, что те двое, приготовившие пирушку шакалам, успели хорошенько получить от него по роже, прежде чем уже меня отдубасили, – от раздвоения личности голова пошла кругом. Приближаясь, Александр внимательно изучал стоявших возле длинного двухэтажного здания. – Хлопцы не из мелких будут и, пожалуй, постарше семнадцатилетнего Нилова, у которого только-только начала растительность под носом пробиваться. А у этих вон уже и бородка почти оформилась. К бабке не ходи – сейчас цепляться начнут. И мне их пристальное внимание заранее не по нутру».

– Никитка, явился-таки? А мы уж и не чаяли свидеться, нежная твоя душа.

«Не нравится мне такое ласковое обращение. Нет, когда к женщинам клинья подбиваешь, можно и намекнуть, что душа у тебя как цветок, но, если мужики так говорят, негоже это, ей-богу, негоже!»

– А ты меня ни с кем не спутал, уважаемый? Давеча от избытка нежности я уже парочку ребяток «приголубил», земля им пухом. И, самое паршивое, не помню, чего мы не поделили?

Ответ обладателя нежной души удивил говорливого мужчину, которого Александру еще следовало «вспомнить». Тем не менее он ехидно продолжил:

– Неужели дела любовные?! Видать, ты не токмо амулеты заряжать можешь, еще и баб научился? Поздравляю!

Рядом собралось еще несколько парней, они громко загоготали.

«Хорошо тут ребятки кушают – самый мелкий, хоть и ростом с меня, но раза в полтора тяжелее. Может, их от магии так разнесло? А меня почему стороной обошло? Не та специализация?»

– Я-то научился, а ты так и не сподобился? Сходил бы к

лекарю, может, не все еще безнадежно? – Александр решил не гадать, как бы на его месте ответил Никита. Ведь теперь им был он и имел полное право поступать по-своему.

Белобрысый разговорчивый мужчина явно косил под хохмача, видимо, не в первый раз выбирая объектом нападок Никиту. Похоже, до сегодняшнего дня тот был удобной мишенью. Однако нынче шутки не слишком получались. Раньше у парня и взгляд был другой, и слова не столь складные.

– Смотри, как бы лекарь тебе самому вскорости не понадобился. Если ты все три дня одну бабу уламывал, небось устал шибко. Поди, всю магию на нее извел – кто ж на тебя без приворота-то глянет? Ну? Хоть чем-то удалось ее удивить?

«Вот же заклинило его на бабах. Проблемы, что ли? Ну да, по документам я энергомаг второго кольца, и, судя по оценке этого типа, мои способности не самые престижные. Может, руку ему сломать, чтобы надолго пропало желание насмехаться? Или?..»

Поскольку волшебниками мечтали стать почти все парни здешнего мира, о магах они знали многое. Тот же Радим упомянул, что с ростом мастерства чародеям на каждой ступени надевали костяные кольца. Сначала – на мизинец левой руки, потом – на безымянный палец, средний и так далее. Шестая ступень начиналась с мизинца правой, и кольцо уже было непростым.

– Ага, удивил. Как рассказал про тебя, так ее чуть родимчик не хватил от смеха.

– И чего же ты ей эдакого рассказал? – купился остряк.

«Вот так инициативу в беседе и отбирают. Теперь ты задаешь вопросы, которые я тебе навязываю. Ну что ж, начнем…»

– Истинную правду. Как ты из штанов готов выпрыгнуть, только бы рассмешить публику.

– Во как подметил! А ведь и взаправду, – раздался голос из толпы.

Народ все прибывал и прибывал.

– Так я, по-твоему, скоморох?! – С лица белобрысого слетела насмешливая ухмылка.

– Скоморохи за потеху деньги получают, а ты задарма надрываешься. Может, кинуть тебе монетку для большего рвения?

– Побереги их для девок, ведь бесплатно с тобой ни одна нормальная точно не пойдет, – попытался перехватить нить разговора хохмач.

– Если мои похождения с девками тебя так волнуют, можешь в следующий раз свечку подержать да поучиться, мне не жалко.

Теперь после слов Нилова усмехнулись сразу несколько человек, перепалка вызвала немалый интерес. Один из парней

даже произнес с ехидцей:

– Во как он тебя, Георг!

Еремеев отметил вспышку гнева в глазах хохмача, увидел, как сжались его кулаки. Однако белобрысый сумел себя сдержать:

– Свечку? Это для того, чтобы краля тебя впотьмах не потеряла?

– Ну, ежели ты от женщин прячешься, это не значит, что так поступают и все остальные.

– По-моему, ты нарываешься, Никитка. – Георг вплотную придвинулся к Еремееву.

– Не я первый начал плеваться словами, но, если у тебя морда лица чешется, можем и кости размять. Обещаю очень постараться и не покалечить. – Ответ прозвучал абсолютно спокойно, но в голосе чувствовалась некоторая издевка.

В это время сзади раздались тяжелые шаги. Александр по взглядам зевак понял – появился некто, кого не слишком уважали, но побаивались.

– Тебе и без меня их сейчас разомнут, – злобно прошептал забияка, после чего отступил на пару шагов назад.

– О, кого я вижу! Недоделанный волшебник! Небось скучал без моих тумаков? Могу тебя утешить – есть работенка. Зарядишь несколько амулетов – и бить буду несильно.

Еремеев развернулся и, уклонившись от подзатыльника, разорвал дистанцию. Толстяк немного удивился, но не особо расстроился.

– Ты гляди, какой он нонче ловкий… Ладно, на первый раз прощаю, добрый сегодня, а в следующий учти: я махать рукой даром не привык. Ежели второй раз увернешься, сразу в морду получишь.

«Вот и Вацлав нарисовался. Крупный детина и наглый. Если с первым его качеством ничего не поделаешь, то над вторым следует поработать».

– Насчет морды – вопрос спорный. Твоя харя вдвое больше, мимо нее промахнуться сложно. А что касается амулетов… За хорошие деньги могу и зарядить, ежели в цене сойдемся.

Гомон мгновенно смолк. Подобного дерзкого ответа никто и представить не мог, все ждали продолжения.

– Георг, потрогай малышу лобик, может, у него горячка? – Вацлав слегка нахмурился.

– Его, похоже, бешеный пес покусал, даже подходить к заразному не хочу, – отказался хохмач.

«Так, одного я вроде напугал. Хорошо. Теперь стоит проучить второго, и на ближайшее время меня должны оставить в покое, если не конченые отморозки».

– Придется лечить бедолагу. Не оставлять же его в таком убогом состоянии, – заулыбался толстяк, лениво направляясь к Никите.

Еремеев не знал, сумеет ли новое тело правильно выполнить приемы, которыми он владел в другом мире, поэтому решил воспользоваться простейшими. Собрался внутренне, оставаясь снаружи спокойным и расслабленным. Но только до того момента, когда здоровяк без замаха попытался ударить.

Снова уклонение, подсечка под ту ногу, на которую противник сейчас опирался, и зацеп за вторую. Земля буквально вздрогнула от падения громоздкой туши.

Толпа оцепенела. Присутствующие не ожидали столь стремительной развязки. Хлипкий, по сравнению с Вацлавом, парнишка за секунду уложил громилу, практически не сходя с места.

– Ах ты, пся крев! – взревел Вацлав, вскочив на ноги. – Башку вырву!

«Везет мне на поляков. То самого шляхтичем назвали, то явился пан с револьвером, теперь вот даритель тумаков пожаловал. И, чувствую, задолжал я ему…»

– Ты бы свою поберег. Хотя зачем человеку голова, ежели мозгов в ней нет?

– Сейчас не будет в твоей.

На сей раз он двинулся осторожней. Подсобрался. Чувствовалось, что чему-то его обучали.

«Боксер, что ли?» – успел подумать Никита, и сразу пришлось смещаться в сторону, пропуская выпад правой.

Скорость удара у Вацлава была недостаточной, и особенно – возвращение руки назад. Нилов успел произвести захват и, подставив предплечье под локоть, проверить на прочность связки соперника.

– А-а-а! – взвыл толстый.

Боль заставила его устремиться вперед, а выставленная на пути нога – рухнуть во второй раз.

– Ну все, Никитка, сейчас кровью умоешься! – Толстяк опять поднялся и выхватил кинжал.

Почти такой же висел на поясе и у Еремеева, но он даже не попытался сравнять шансы. Когда Вацлав подскочил на опасное расстояние, Александр произвел захват кисти и вывернул ее до хруста в суставе.

– А-а-а! – Противник снова завалился на бок, выронив клинок.

«Какие мы, однако, свирепые! Сейчас зубами в глотку вцепится. Этот тип, похоже, не умеет проигрывать! А ведь весьма

полезная наука для тех, кто с головой не дружит».

Александр не обратил внимания на движение губ соперника и странное шевеление пальцами. Зато другой человек среагировал сразу: щелчок кнута – и Вацлаву тут же досталось по рукам.

– Отста-а-вить! Команды творить волшбу не было. Пан Вацлав сегодня отправляется чистить общественный нужник. Остальным завтракать – и на плац. Вопросы имеются? Раз-з-зойдись!

Спорить с мужчиной в синем кафтане и высоких сафьяновых сапогах не посмел никто. Когда и как он появился, для многих осталось загадкой. Толпа поспешила покинуть место стычки. Направился за остальными и Еремеев.

– Как же, будет он дерьмо выгребать, – пробурчал шагавший рядом молодой человек комплекции Нилова. – У него трое слуг. И ты, Никита, про них не забывай, сержант не всегда окажется рядом. Так что в городе будь начеку.

– Благодарствую за предупреждение. – Александр приостановился, чтобы отстать от основной толпы.

Задержался и попутчик.

– Слушай, ты меня не просветишь немного? Я в увольнении по башке сильно получил, теперь огромные нелады с памятью. Представляешь, свое имя только по бумажке смог восстановить, а уж про других… Ничего не помню.

– То-то я дивлюсь, речь у тебя корявая стала. Видать, сильно по мозгам хлопнули. Может, еще и магией огрели?

– Вполне возможно, но я и этого не помню. Скажи хоть, как тебя зовут?

– Ларион я, из ремесленников буду. Могу из дерева любую тварь божью вырезать.

– Знать бы еще, из каких я? – задумчиво произнес Еремеев.

– Твой отец – сельский поп. Как прознал, что в тебе колдовские силы зреют, погнал со двора. Ты у кузнеца батрачил, потом явились вербовщики и тебя в магическое ополчение загребли, – сообщил новый знакомый.

– Ну хоть какая-то биография.

– Чего? – Ларион нахмурил брови, пытаясь понять неведомое слово.

– Спасибо, что рассказал хоть что-то о моем прошлом. Вацлав часто надо мной издевается?

– Не только над тобой. Мне тоже перепадает, но в тебе он нуждается. Никто не умеет так быстро заряжать амулеты, как твои ладони. Действительно не помнишь, как тебе доставалось?

– Нет. – Еремеев покачал головой.

– Может, оно и к лучшему? Зато как ты его нынче отделал!

Это надолго запомнят.

– Лиха беда начало. А слуги у него действительно хваткие ребята?

– Такие же наглые, как и Вацлав, но действуют всегда исподтишка. Могут в городе подкараулить, избить до полусмерти. И ведь не докажешь ничего. Не пойман – не вор.

– А сержанта как звать?

– Не сообщал. Говорит, не заслужили мы еще по имени его называть. Он лихой мужик и маг неслабый. Его слово тут – закон.

Новый день принес Еремееву немало новых сильных впечатлений. После завтрака их муштровали на плацу, затем сержант объяснял каждому волшебнику, где его место в бою, если таковой начнется.

Магов в полку насчитывалось до полусотни, половина из них обладала боевыми атакующими специальностями. С помощью чар огня, воды и воздуха можно было создавать стены пламени и ледяные стрелы, вызывать крупный град, смерчи и ураганы. Дальность действия составляла примерно полверсты в зависимости от силы колдуна. Такие специалисты считали себя элитой. Еще дюжина занималась обороной, это были волшебники земли и развеиватели чар. Первые сооружали преграды на пути противника, вторые уничтожали колдовство врага. Еще пятеро являлись мозгоправами, способными овладеть разумом противника и заставить его сражаться против своих. Правда, только на близком расстоянии. Остальные – целители, и отдельно – Никита.

Нилову достался дар быстрого восстановления собственных магических ресурсов. Вот только сам он ими пользоваться не мог, поэтому ему и отводилась весьма непрестижная роль – сидеть возле полковых амулетов и подзаряжать их во время боя.

Полсотни магов составляли стандартное количество для пехотного полка, включавшего десять рот, артиллерийскую батарею и разведывательный взвод. Все это Александру рассказал Ларион. Он умел работать с чужими мозгами, но сразу предупредил – вернуть память не сможет, а вот свести с ума – запросто.

Ларион заинтересовал Еремеева тем, что моментально подмечал любые мелочи. Он был единственным, кто заметил появление сержанта до того, как тот воспользовался кнутом, да и о прошлом Никиты знал не потому, что водил с ним дружбу, – просто мимоходом слышал обрывки разговоров и сложил их в единое целое.

«Шпион бы из него получился славный, – рассуждал

Александр, направляясь к строению, где обитали слуги. – Выходит, каждое оброненное слово здесь не пропадает даром. Ведь Ларион не один владеет магией разума, другие тоже имеются. И одного из них зовут Пахомом».

– Никита, привет! – Радим улыбался во все свои тридцать два зуба. Но даже ослепительная улыбка не могла скрыть крупный фингал под глазом. Утром кровоподтека не было.

– И я рад тебя видеть. Откуда синяк?

– Ерунда, – отмахнулся парень. – Тут некоторые посчитали, что я за них должен дерьмо убирать. Постарался втолковать, что они не правы.

– Втолковал?

– Не мог же я отстать от своего господина? Ты, кажут, здоровяка Вацлава заставил землю жрать?

– Уже знаешь?

– Почти полдня минуло. Слуги должны ведать про все, дабы господину помощь оказать, ежели понадобится. Кстати, у слуг выход в город свободный в любое время, а у колдунов – только опосля занятий. Будет надобность послать по делу – завсегда готов.

– Радим, а слуг в клети много?

– Почитай, у каждого второго мага имеется хотя бы один, у некоторых по два, а у Вацлава – трое.

– С этими будь особо настороже.

– Да их все сторонятся. Несколько раз били по ночам, дабы не задавались. Подумаешь, господин у них из купцов, велика невидаль.

– А у Пахома и Гаврилы слуги имеются?

– У Пахома двое. Парни себе на уме, но никого не цепляют. У Гаврилы слуга на вид невзрачный, но явно из боевых холопов. Такой взглянет – и мурашки по коже. Я бы с ним силушкой мериться не рискнул. Зашибет и не вспотеет.

– Кто синяком-то наградил?

– Есть там один, он у Вацлава главный на службе. И я в долгу не остался – зуб ему, гаду, выбил.

– Молодец. – Александр похвалил улыбчивого парня. – После ужина сходим в город.

– Господин, тут через Фрола, старика, которому оружие сдают, одна дама записку передала. Он меня вызвал и просил срочно доставить. Вот. – Радим протянул конверт. – Видать, дамочка не из бедных – такой конверт денег стоит.

«А Никита, оказывается, был не промах! Если ему небедные барышни письма шлют…»

Еремеев прочитал послание. Потом еще раз. Знакомые буквы,

понятные слова, но само письмо было абсолютно бессмысленным.

«Можно, конечно, допустить, что девушка мозгами не блещет, вон какой почерк корявый, и накропала несколько строк от нечего делать. Но почему-то мне в это упорно не верится. Что не так в этом послании?»

Он перевернул листок обратной стороной – ни одной строчки там не увидел, зато приметил нечто иное.

«Забавно. Некоторые слова так сильно продавлены, словно их другой ручкой писали. Чует мое сердце, неспроста это».

Когда прочитал только их, получилась совсем короткая записка:

«Срочно топай в кабак «Потьма». Не испытывай моего терпения».

У Еремеева как-то сразу возникли большие сомнения, что писала женщина.

– Что-то не так? – заволновался слуга.

– Ужин отменяется. Прямо сейчас идем в кабак «Потьма», разузнай у Фрола, где он находится. Я подойду через минуту.

Александр решил все-таки заглянуть в комнату, номер которой был отчеканен на выданном комендантом ключе. За дверью оказалась крохотная клетушка, где умещалась кровать, тумбочка, стул и стол. Даже одежного шкафа или полок внутри не наблюдалось.

«А вот это я возьму с собой! – Он несказанно обрадовался, заметив на столе открытый блокнот с записями. – Надеюсь, записи прояснят хоть что-то из «моей» прежней жизни».

– Кабак «Потьма» тут неподалеку, – объяснил Радим, когда парни вышли за ворота. – Фрол сказал, что поужинать там обойдется в десять грошей. Лучше заказывать блюда из мяса, рыбу готовить не умеют. Пиво хорошее, а белое вино – так себе.

– И все это ты сумел вытянуть из старика за минуту? – Удивился Еремеев.

– Фрол правильный мужик, с ним легко калякать.

«Надо поскорее наплечной кобурой обзавестись, таскать револьвер в штанах неудобно, – размышлял по пути Александр. Ему казалось, что брюки так и норовят упасть под тяжестью оружия и кошелька. – И дотянуться до карманов непросто – сперва надо полы зипуна поднять, потом… В общем, пока доберешься до оружия, тебя трижды пристрелят. Одежду тоже под себя сделаю, как только время появится».

Еремеев не забывал про висевший за поясом пистоль, но ему казалось, что два выстрела – это слишком мало для решения тех проблем, которые его ждут.

В пути Радим не умолкал, рассказывая новости города,

которые ему пересказали сегодня. Из них получалось, что Смоленская республика, куда помимо столичного города входили и обширные территории вокруг, переживает не лучшие времена и готовится к нападению Швеции.

Король Швеции Карл Семнадцатый недавно потеснил войска Московии, но увяз в русской обороне где-то неподалеку от Пскова. Ему была необходима легкая победа, чтобы поднять дух войска, и Смоленская республика подходила для этого как нельзя лучше.

Самим смолянам справиться с врагом было сложно, а помощь им предлагали как с востока, так и с запада. И, конечно, не задаром.

«Помню, наш Смоленск входил в состав Речи Посполитой где-то веке в шестнадцатом или семнадцатом, со Швецией воевал Петр Первый уже в начале восемнадцатого. Короля тоже звали Карлом, но Двенадцатым. Была Полтавская битва, шведам наваляли по самое не могу… А тут как? Трудно ориентироваться, не зная расклада».

– Я снаружи покараулю. – Радим остался у входа в кабак.

– Хорошо, – кивнул Еремеев перед тем, как войти.

«Двадцать четыре столика. Думаю, нетерпеливый должен уже быть тут. Если учитывать, что пришел он, скорее всего, один, то вариантов немного. Либо тот полный, с осоловевшими глазами, либо… – закончить с предположениями ему не дали – мужчина в красном кафтане поднял руку, стоило встретиться с ним взглядами. – Непростой тип. Явно не из последних в городе и уверен, что я его знаю. Как бы мне его не сильно огорчить».

Александр направился к важной персоне. Сел за стол, хотя ему не предлагали, да еще и спросил небрежно:

– Чего звал?

Мужик от неслыханной наглости подавился куском свинины и долго не мог прокашляться. Наконец он успокоил дыхание:

– Пороли тебя мало в детстве, Никитка, но это несложно исправить. Ты почему исчез из города, не предупредив?

Мужчина напоминал Еремееву атамана с картины «Казаки пишут письмо турецкому султану». Длинные свисающие усы, курительная трубка, которую незнакомец не выпускал из рук даже во время еды…

– Значит, на то были причины.

– Как ты запел, малыш! Сказывай, узнал чего? Если нет, я буду сильно огорчен. А когда я огорчаюсь, некоторые наглецы плачут горючими слезами.

– Определенно я что-то пронюхал. Трижды меня за это «что-то» пытались убить. Видать, сведения были важными.

– Что значит – были? – «Казак» наклонился над столом. Он понизил голос до шепота. – Ты со мной шутить вздумал?

– Какие шутки? Мне в увольнении мозги до мозолей отбили. Пару часов имени своего вспомнить не мог, тут уж не до смеха.

«По-моему, мужик сейчас вскипит. А что ему еще сказать? Начну плакаться – так и слушать не станет, вон два пистоля за поясом. Бабахнет разок – и нет Никиты Нилова, который на самом деле Сашка Еремеев».

– Ты все забыл?

– Да. Но знаю, у кого спросить…

– Достал ты меня, Никитка. Больше нянчиться с тобой не буду. Пора платить по счетам. – Он положил ладонь на рукоять пистоля.

Дзиньк!

Когда в груди собеседника появился металлический стержень, Александр упал на пол. Второй стержень пробил спинку стула. Еремеев понимал, что стрелять здесь нельзя, но успел заметить, откуда летят болты. Выхватил пистоль и пальнул в большую картину, висевшую на противоположной стене.

В обеденном зале тут же поднялась суматоха. Полупьяные посетители заорали и начали разряжать оружие в воздух. Какой-то тип, прорвав холст, вывалился из ниши, находившейся за картиной, и угодил на лысого посетителя. Тот вскочил и врезал уже покойнику в морду. Полет трупа закончился приземлением на соседнем столе, из-за которого сразу поднялись недовольные испорченным ужином…

«У меня всего две минуты, которые нельзя тратить попусту. Пора осваивать науку Радима – он умеет быстро шарить по карманам трупа. Чем я хуже?»

Александр обыскал собеседника. Забрал бумаги, кошелек, какие-то побрякушки, а когда заметил походную сумку, стоявшую возле ног «казака», сгрузил все внутрь. Подумав, засунул туда еще и пистоли.

«Не пропадать же! Этому точно не пригодятся, а мне будет нелишним».

– Там человека важного убили! – заорал Еремеев, когда столкнулся с вышибалами у выхода. – Стражу вызвать догадались?!

Те покачали головой.

– Так чего тут торчите? Один за хозяином, другой за стражей. Бегом!

За порогом подскочил Радим:

– Никита, что там?

– Опять пытались пристрелить. Не дался. Держи торбу,

и делаем отсюда ноги. Быстрее!

Они успели отойти всего на полсотни шагов, когда Радим свернул в ближайший проулок, заметив вдали городской патруль.

– Ну что, Никитка, добегался? Конец тебе пришел, малыш.

В подворотне стояло шестеро. Трое с огнестрелом, остальные – с саблями наголо. Обращался к нему безбородый тип в зеленом доломане и отороченной мехом шапке с пером.

«Нет, ну вконец достали местные! Куда ни глянешь – везде припасен негодяй со стволом в руке, который так и норовит проделать во мне дырку. Этот вообще вырядился как на парад! Не иначе – главарь. Может, хоть он скажет, чего им от Никиты надо? Забодали в край! И ведь фиг чего сделаешь. Под прицелом держат, сволочи. Никогда не ходил по ресторанам без дамы, один раз изменил привычке – и вот результат. Обидно».

– Ежели конец, то чего медлишь? Удовольствие растягиваешь? Смотри, как бы оно тебе боком не вышло, – не скрывая раздражения, огрызнулся Александр.

– А куда ты денешься? Хочешь сгинуть легко – поведай, о чем с Кузьмой балакал?

«Хоть какая-то информация. Выходит, мужика Кузьмой звали?»

– Про жизнь говорили, про погоду. Денег он мне пообещал, когда тебя грохну.

– И чё, грохнул? – рассмеялся тот, поправив шапку.

– Так он задаток не успел выдать, а я задарма не работаю, дураков нет. Все вы одним миром мазаны – так и норовите объегорить простого человека.

– Это ты у нас простой?! – Враги немного расслабились, двое даже опустили пистоли.

«Успею или нет? Хоть бы одного подстрелить перед смертью. Эх, жаль подарок! Дали второй шанс, а его только на пару дней и хватило! Надо Радима предупредить. Он малый сообразительный, умеет кинжал в цель бросать, должен бы и понять».

– А ведь я говорил тебе, Радимка, – не надо в этот проулок сворачивать. Вот из-за таких теперь приходится живота лишаться. А ну, иди сюда, морда твоя поганая! – сказал Еремеев.

Тот съежился, но подошел:

– Господин, так откуда же я знал?

Подмигнув, Александр мощно врезал слугу по скуле. Так, что парень не устоял.

– Я тебе деньги плачу, значит, должен знать, куда хозяина ведешь. – Еремеев для натуральности пару раз наподдал ногой. Тот защищался сумкой, с ней и укатился после второго удара. – Фух, отвел душу. В наше время так сложно найти хорошего слугу.

– Твоя правда, слуги нынче ленивы и неповоротливы. Уж, казалось бы, чего легче прибить такого заморыша, как ты? Так нет – самому пришлось за дело браться.

– Ладно, ты хотел услышать про разговор с Кузьмой? Уверяю, в нем ничего интересного не было. Он все важное на бумаге излагает, только бумагу эту лишь я прочитать и могу. Ежели веры нет, могу показать.

– Давай.

Никита полез было в карман рубахи, но тут же был остановлен.

– Не так быстро, малыш, – на него снова направили пистолеты. – Лех, Вит, видите – пан слуги лишился, подсобить нужно.

Два молодца направились к Нилову. Один сунул руку за пазуху и, вытащив блокнот, направился к вожаку, другой остался рядом и саблей перерезал пояс. Пистоль упал на землю, но Еремеев сделал вид, что на ногу. Он выругался, запрыгал на одном месте, споткнулся и умудрился свалиться. Противники заржали в голос.

«Негоже смеяться над чужим горем, господа нехорошие».

Александр выхватил револьвер и открыл стрельбу сначала по вооруженным огнестрелом. Двоих поразил сразу, а вот с главарем получилась заминка – пули от него отскакивали.

«Фокус не удался! Но я хотя бы попытался»

Он уже видел направленные на него глазки стволов, затем пороховой выхлоп и почувствовал дикую боль в груди. В глазах потемнело. Кто-то еще стрелял, доносились крики, стоны. Потом его понесли.

«Обещали ведь прикончить! Никому в этом мире нельзя верить!»

Глава 4
Нежить болотная

– Хорош прохлаждаться, времени в обрез! – Громкий голос и толчок в плечо заставили Александра очнуться. Он открыл глаза.

– Сержант? – удивился Еремеев. – А ты что здесь делаешь?

– Я-то? У себя дома? Живу.

– А я? – спросил пришедший в себя и принялся ощупывать грудную клетку, пытаясь найти рану.

– Ты здесь теряешь драгоценное время. А лишней дыры в теле не ищи. Амулет тебе добрый перепал.

«Время теряю? – мысленно пробурчал Никита. – Тут едва ребра не проломило, а я, оказывается, прохлаждаюсь. Сержант-то как на меня вышел? Радим его позвал? А сам куда подевался?»

– Какой амулет? – Еремеев приподнялся на локтях.

– Вот этот. – Сержант взял со стола малахитовую пластину. – Не скажешь, где добыл?

– У одного чародея забрал. Он пытался меня сонным дурманом взять – не получилось. Я стрельнул, однако башку ему раскроило полкой.

– Какой полкой?

– Тяжелой, похоже, кованой. Мага выстрелом отбросило в стену, там висела полка, она сорвалась…

– Понял. – Сержант остановил объяснения. – Что ж ты пластину не подзарядил? Если б хоть на полмощности вывел, глядишь – обошлось бы даже без синяков. – Он рассматривал малахит со всех сторон, явно пытаясь найти недостающую деталь.

– Что-то не так? – спросил Александр.

– Мой наставник говорил, что подобные вещи имеют важную надпись, только я ничего не вижу. Может, подделка?

– Меня от пули спас, – напомнил Еремеев.

– Ладно, все едино вещь полезная, владей. – Сержант передал амулет.

Александр положил пластину в карман рубахи и осмотрелся. Комната с невысоким потолком, кровать, большой сундук, стол, парочка простых кресел и широкая лавка, на которой он «прохлаждался».

– А где Радим?

– Скоро вернется, я отправил его за снаряжением. Поутру в Крашен пойдете. В Смоленске тебе не выжить, раз уж сам Тадеуш тобой заинтересовался! – покачал головой сержант.

– Это тот мужик в шапке с пером? – спросил Еремеев, заодно

пытаясь понять, что такое Крашен.

– Тебе что, тоже полкой по башке досталось? Неужто великого пана не знаешь? В ловушку тебя заманил Матеуш, один из ближников супостата. Где-то еще Дариуш крутится, тоже опасный тип.

«Тадеуш, Матеуш, Дариуш… тройняшки или как? Что же я им всем плохого сделал? На какую больную мозоль наступил? Ведь проходу не дают паны, чтоб им…»

– Про Дариуша можно забыть, он был вместе с тем колдуном, который раньше владел пластинкой.

– Так это у тебя его револьвер? – Брови сержанта полезли на лоб. – Плотненько паны тебя обложили. А ведь я бы так и не узнал ничего, если бы за Лехом мой человек не присматривал.

– Лех? Это который у меня блокнот отнял?

– Да что с тобой? Три дня беспробудно пил или дураком решил прикинуться? Лех значился слугой Пахома, но откликался на другое имя.

– Как же здесь все запущено. Надеюсь, Матеуша схватили?

– Не успели – Радим к нему со спины подкрался и вогнал кинжал в шею, когда тот в тебя стрелять начал.

– Узнаю своего слугу: только наметишь кого-нибудь взять живым, Радим тут как тут.

– А я не уверен, что они с моим парнем его бы одолели. Шляхтич был неплохим рубакой, да еще при двух пистолях.

«Выходит, самого сержанта в той подворотне не было? И мы втроем одолели шестерых?» – Еремеев остался доволен результатом схватки. Хотя бы потому, что в ней выжил.

– Эх, столько трофеев пропало! – Александр присел на лавку. – Чует мое сердце, Радим сильно расстроился.

– О трофеях поговорим позже, а сейчас расскажи, почему пан Тадеуш так тебя боится.

«И этот туда же! И какую версию ему выдать? Как там… Если не знаешь, что соврать, говори правду? Попробовать, что ли?»

– Тут такое дело, господин сержант… Я не пил, под полку не попадал, а дурости и своей девать некуда, чтобы еще кем-то прикидываться. Просто в увольнении меня жутко избили четверо мужиков, да так справно, что даже имя пришлось по пропуску вспоминать, а свое прошлое – по рассказам сослуживцев. И до сих пор понятия не имею, за какие подвиги меня пытаются убить! В четвертый раз за двое суток.

Сержант долго смотрел на собеседника, словно пытаясь по лицу прочесть, насколько правдив его рассказ. Потом отвел взгляд и пару минут размышлял.

– Говоришь, память отшибло? А откуда вдруг сноровка

появилась, что пособила Вацлава осадить?

– Еще бы я знал. Вот умею – и все. Такое ощущение, что умел всю жизнь.

– Из детства что-нибудь помнишь?

– Ни отца, ни матери припомнить не могу.

И снова Никита, который являлся Александром Еремеевым, не врал. Он был детдомовским и родителей действительно не помнил.

– Не врешь?

– Да вот тебе крест! – Александр перекрестился, хотя к верующим его можно было отнести с большим натягом.

– Скорее всего, не врешь, – задумчиво произнес сержант. – Магам креститься запрещено, и ты, как сын церковника, лучше других об этом помнить обязан.

– Сержант, скажи, а Крашен – это где? – решил выяснить Еремеев.

– Городок на западе, верст пятьдесят отсюда, – машинально ответил собеседник. – Но вернемся к Тадеушу: пан уверен, будто ты знаешь нечто для него опасное.

– Да кто такой этот Тадеуш?

– Важный тип, шляхтич по происхождению, с недавних пор – член вече. Раскинул паутину по всей Смоленщине, а прихватить его не на чем. Думаю, он вознамерился Смоленск Речи Посполитой сдать.

– Но мы же русские! – вырвалось у Еремеева.

– Хорошо, что ты это понимаешь. – Сержант на пару секунд задумался. – Ладно, рано еще с тобой о том говорить. Давай о трофеях. Твой Радим – хозяйственный малый. Ему говорят: драпать отсюда надо, а он, пока не пошарил по карманам всех убиенных, не ушел. Парни с тобой на плечах из-за этого чуть на глаза патрулю не попались.

– Радим своего не упустит, – согласился Александр. – Скажи, а кого в кабаке порешили?

– Так ты же сам с ним встречался. Что, и его не помнишь? А как тогда узнал?

– Тут ничего сложного: записку получил, пришел. Начал рассматривать, кто из посетителей без компании, а когда дошел до усатого с трубкой, он сам подал знак.

– Умен, не по годам умен. Как же я раньше этого не замечал? Хотя иначе, думаю, тебя бы давно прикончили. И что ты ему сказал, если ничего не помнишь?

– Хотел рассказать правду, да не успел. Стрелок занял очень удобную позицию – прямо за холстом. Пришлось стрелять. Хорошо, суматоха поднялась, удалось из кабака выскочить.

Дальше ты знаешь.

– Кузьма – личность здесь известная. Всегда собирал слухи и сплетни, отбирал важные и проверял их достоверность, чтобы выгодно продать. Полагаю, он направил тебя на нужный след, а ты нашел *нечто*. И сразу стал опасен для Тадеуша. После убийства Матеуша за тебя наверняка возьмутся профи.

– Это еще кто?

– Наемники ада. Живут за счет чужих смертей. За очень большие деньги.

– Киллеры? – вырвалось у Александра.

– Как?

– Не важно. А в этом Крашене они меня не достанут?

– Полной гарантии нет, но Крашен – вотчина Тадеуша. Вряд ли тебя станут искать в той стороне.

– Наши люди-то там есть?

– Это русский город. Правда, до границы республики оттуда рукой подать.

– И что мне там делать? Затаиться и ждать?

– Нет, такой роскоши мы себе позволить не можем. Будет задание. Человечка важного требуется тайно оттудова вывезти.

– А он сопротивляться не будет?

– Только если напугается сильно. По слухам, его сейчас ищут на границе Смоленской республики, но поиски расширяются. Через пару дней и до Крашена доберутся.

– А как же ополчение? – заволновался Еремеев. – Меня в дезертиры не запишут?

– Человека, который по моему приказу отбыл в Витебск, неделю никто и вспоминать не станет. Пропуск на тебя будет выписан поутру.

– А с ним я могу и в Крашен?

– По документам в Крашен едет другой человек – Данила Ревин, начинающий купец, реальный паренек с восточной окраины республики. Ему немного не повезло, он не добрался до Смоленска, всю семью вместе с караваном степняки вырезали, но об этом никто не знает. – Сержант передал пакет. – Тут торговая лицензия и документы.

«В здешнем мире надо мной издеваются все – и враги и сочувствующие. Только стал привыкать к имени Никита, так нате, будьте любезны – ты уже Данила. Что дальше будет? Может, послать сержанта куда подальше и… Попасть в лапы Тадеуша? Неохота до зубной боли. Тогда в Крашен? Сержант хотя бы за наших. Я надеюсь…»

– Когда выходить и с кем? К кому обращаться на месте? – спросил Александр, пряча пакет за пазуху.

– Выйдешь перед самым рассветом. Куда идти, знает Радим. Доберетесь, найдешь мастера Евсея Карпова. Там всего три кузнеца, нужный на севере проживает. Передашь ему привет от Никанора, спросишь, нет ли казацкой шашки на продажу. Он должен ответить, что три дня назад последнюю продал. Только после этого передашь записку.

Сержант начал писать.

«Ну да, пароль – отзыв, ничего не меняется. А вот ручка у него интересная, думал, тут пером пишут. Не угадал. Больше похоже на карандаш с необычным грифелем».

– Что делать, если кузнеца на месте не окажется?

– Подождать пару дней, не привлекая внимания, потом уничтожить записку и возвращаться назад.

«Не судьба мне в этом мире выспаться. Третья ночь псу под хвост! Посмотреть Смоленск так и не удалось – пробежка от казарм до кабака, потом в предутренних сумерках – от дома сержанта до южных ворот, вот и все мои хождения по городу. Вместо осмотра достопримечательностей – перестрелки и потасовки. Хорошо еще, в Москве тир был недалеко от моего дома, хоть руку набить успел, – размышлял новоиспеченный купец, шагая за помощником. – В данном случае фраза как раз про меня: «Лучше набить себе руку, чем тебе набьют морду». Не помню, кто сказал, но удивительно верно».

Радим теперь значился младшим помощником купца. Для него это было привычным занятием, поскольку еще пять лет назад отец парня занимался торговлей. Ходил с караванами в Московию, деньжат скопил и уже собирался перебираться за стены Смоленска, но три года назад не вернулся из очередного похода: на караван напали татары.

– Сержант сказывал, дороги лучше обходить. Если за нами кто и сунется, то как раз по тракту двинет, а мы лесом мимо болота прошмыгнем.

– А как же болотные духи, русалки, прочая нечисть?

– Мы же в болото соваться не будем, обойдем по тропке между топями и лесом, чтобы ни леший, ни кикимора свою власть над нами не проявили.

– Может, ну его к… – У Никиты чуть не вырвалось «лешему», но сдержался, чтобы не накликать беду. – Давай по тракту? С ляхами я кое-как научился справляться, а вот с нечистью…

– Ежели на след выйдут профи, нам край. Я слыхивал, они за работу не меньше полусотни золотом берут. Всю свою жизнь только тем и занимаются, что натаскивают себя на смертоубийства.

«Ниндзя, что ли, доморощенные? Если так, то плохи наши дела. Невольно хочется спросить у господина Тадеуша: если я так дорого ему обхожусь, нельзя ли получить часть наличными? Тогда я точно никому не расскажу того, чего не знаю. Кстати, о наличных…»

– Радим, а как наши успехи на финансовом поприще?

– Чего? – Тот даже остановился, пытаясь понять слова приятеля.

– Денег у нас сколько?

– Двадцать шесть золотом, сто сорок семь серебром и медью две сотни. Это твоя доля. Моя поменьше. Плюс к этому – пять пистолей. Я оставил только с нарезными стволами, остальные продал. Зато патронов для револьвера у тебя полсотни и зарядов для пистолей по десятку на ствол.

Радим упорно не желал называть золотые монеты злотыми, а серебряные – грошами, хотя именно они являлись основным платежным средством в республике.

– Про еду не забыл?

– А как же! На два дня хватит и еды, и питья. Я даже одежку для тебя сменную прихватил. Ты же купец – человек уважаемый.

– Радим, а если мы с тобой купцы, чем торг ведем? – Александр усмехнулся.

– Так у нас амулетов десятка два имеется. Я у сержанта про каждый спросил и названия записал. Цены он мне тоже назвал. Там товара на тридцать монет золотом. В Крашен много торговцев из-за кордона захаживает, магические побрякушки должны их завлечь.

– Ого! Выходит, резон нас грабить имеется?

– Теперь сие не каждому по силам. У меня на шее амулет висит того пана, которому я шею проткнул, твоя пластинка…

– Кстати, ее же зарядить нужно, – спохватился Никита. Он вытащил амулет и обхватил его ладонями. Его дернуло, словно током шарахнуло. – Вот, теперь можно идти дальше.

Радим продолжил рассказывать о нечисти лесной и болотной. Открыто между собой те не враждовали, но мелкие пакости старались друг другу устраивать при малейшей возможности.

– Ежели лесовка близко к болоту подойдет, русалка обязательно постарается жабу прислать покрупнее, чтобы та грязью забрызгала. Вурдалаки – те мимо болота тоже не пройдут, обязательно мелкую нужду справят. Вот так и живут.

– Ну да, хоть какое-то веселье. А как они к людям?

– Тут от настроения зависит. Болотные русалки так и норовят в топь увести, анчибал страху нагоняет, но этот на край болота нечасто выбирается – ленив не в меру…

Чем дольше говорил Радим, тем сильнее не хотелось идти избранным путем.

«Хорош труса праздновать! – мысленно одернул себя Александр. – В конце концов, это их мир, и им виднее, по каким дорогам безопаснее ходить. Опять же есть надежда – если и встретимся с какой нежитью, то попадем под хорошее настроение. Нам главное с тропки не сворачивать, и все будет тип-топ! Без вариантов!»

Легко сказать «не сворачивать». А когда на этой самой дорожке появляется лохматый медведь и явно собирается опробовать тебя на вкус, как-то сразу забываешь, чего можно, а чего нельзя. Оба путника и не заметили, как оказались на высокой елке далеко в стороне от края болота.

– Чего ему надо было? – задал дурацкий вопрос Александр, когда удалось унять дрожь.

– Сожрать нас хотел, наверное.

– А почему он на дерево не полез? Медведи вроде неплохо умеют по деревьям лазать.

– Никита, ты чем недоволен?

– Всем доволен, только яблок очень хочется. Свежих. – Александр Еремеев вспомнил анекдот из прежней жизни и громко расхохотался. По-видимому, так на нем сказался стресс. Только через пару минут безудержного хохота он смог успокоиться.

– Яблок я в дорогу не прихватил. Что с тобой, чего шумишь? Медведь ведь и передумать может.

– Так вроде убежал. Или, думаешь, он за лестницей пошел? – Новый приступ смеха удалось подавить в зародыше.

– Вряд ли. А ты чего про пистоль забыл? – поинтересовался Радим, хотя у самого за поясом был такой же.

«Какой пистоль? Тут чуть штаны не обмочил с перепугу. Вот бы точно сменная одежка пригодилась. Но приятелю об этом знать не надо. В его глазах я смелый и рассудительный человек. В данном случае – больше рассудительный, чем смелый».

– Впопыхах и промахнуться недолго, а раненый зверь в сотни раз опаснее, он бы нас точно порвал, – выдал более-менее правдоподобную версию Еремеев.

– Мне такое даже в голову не пришло. Увидел зубастую пасть, и… ноги сами понесли. Как на елку взбирался – не помню.

«Рефлексы у нас одинаковые, – отметил про себя Нилов. – Хорошо еще, Радим озаботился заплечными торбами, иначе потеряли бы свой скарб».

– Хорошо взбирался, быстро. Я еле за тобой поспевал. Как думаешь, нам тут долго сидеть?

– Надо возвернуться на тропку поскорее. Ежели леший сюда

забредет, может долго по лесу кругами водить, а ночью тут лучше не оставаться.

Тропку искали часа два. Помощник нервничал все больше и больше. Александр всматривался в окружавшие деревья и никак не мог понять, по каким ориентирам ведет его приятель.

– Ура, болото! – почему-то обрадовался Радим, заметив заросли камыша. Правда, в следующую секунду радость сменилась страхом. – Ой… – Лицо парня уподобилось мелу.

– Два века тут обитаю, а не припомню, чтобы моей обители так бурно радовались. – Скрипучий голос заставил вздрогнуть и Еремеева. – Добрый день, соколики.

– Кикимора, – прошептал бледный молодой человек.

Обстановка вокруг резко изменилась. Деревьев теперь даже вдалеке не наблюдалось, а островок суши, где путники оказались, был с трех сторон окружен жидкими порослями камыша, словно забором. За ним начиналось казавшееся бесконечным болото.

Посреди участка суши на корявом пне восседала лохматая старушенция весьма отталкивающей наружности. Она злорадно улыбалась, демонстрируя почерневшие зубы.

«Хороша, ничего не скажешь, – уставился на нее Еремеев. – Российский кинематограф явно сгладил сей незабываемый образ. Ну да, фильмы-то для детей, а если малышам такую показать, они три ночи спать не будут. Может, Баба-яга местная покрасивее будет? В лесу ведь живет – там и климат лучше, и воздух чище!»

– Чего морщишься, милок? Али не нравлюсь? – Бабка повернула свой крючковатый нос в сторону Александра.

– Почему же, восхищаюсь твоей естественной… непосредственностью.

«Сказать «красотой» язык не повернулся. Может, зря? Женщины ведь ушами любят. Брр. – Еремеев вздрогнул, представив на миг любовь с подобной «гламуркой». – Упаси меня…»

– Не по чего? – Старушка равнодушно оторвала от щеки пиявку и бросила в воду.

– Есть такое выражение: жить не по средствам. Это когда обстановка – так себе, а ты на ее фоне смотришься королевой!

«Ну да, среди королев уроды тоже иногда встречаются, так что ни капли лжи в моих словах нет».

– Что значит – «так себе»? Мое болото, между прочим, одно из лучших в округе!

«Как же с вами сложно, мадам. Что ни скажешь – все поперек. С такой-то внешностью могла бы быть чуть посговорчивей. Или власть любых портит? Ладно, попробуем другой подход».

– А я говорю, обстановочку можно было бы и приукрасить! –

Александр повысил голос. – Вот представь: тут молочного туману напустить с переливами, здесь лилии высадить, там – фонтан. И русалок вокруг него на потеху танцевать заставить.

– Русалок, этих бездельниц? А что, мысль здравая, а то сидишь колодой в своей тоске несусветной… Хорошо, коли леший заглянет, одно развлечение – в картишки с ним перекинуться. Но ведь обленился, черт лесной, все у него дела неотложные. За месяц только один раз вчера и навестил, проклятущий.

– Потому и заходит редко, что ничего у тебя не меняется. А как прослышит, что здесь творится, сразу прибежит. Мужики – они такие, по себе знаю.

Еремеев вошел в раж. Желание выйти от кикиморы живым и максимально невредимым добавило красноречия и отогнало страх. А вот Радим так и стоял, застыв на месте, не в силах даже пошевелиться.

– Кто ж ему, милок, обскажет, чего у меня в болоте творится? Мои-то двух слов нормально не свяжут, а мне гордость девичья не позволит.

«Девичья? Я, конечно, не раз о старых девах слышал, но тут вообще случай запущенный запредельно. У такой наверняка бо-о-ольшие проблемы с хорошим настроением».

– А мы на что? Сходим и в красках все обрисуем.

– Не-э-э, так не пойдет. Я вчерась пятерых путников в карты выиграла. Он, – бабка указала на онемевшего Радима, – четвертый, ты пятый. С каких это пор я добычу из рук выпускать стану?

– Прошу прощения, госпожа, но ради выгоды иногда лучше пожертвовать малым, чтобы получить большое.

– Чего? Как это? – не поняла ни слова хозяйка болота. Когда кикимора хмурила брови, ее крючковатый нос еще сильнее загибался, едва не упираясь в рот.

– Посуди сама: чем чаще будет наведываться леший, тем чаще можно выиграть у него в карты, тем больше путников забредет на этот остров. Или я не прав?

– Прав-то ты прав, соколик, но уж больно гладко стелешь. Я тебя отпущу, а ты удерешь. Не верю, что станешь лешего по лесу искать. И ничего ему не донесешь. А я буду, как последняя дура, сидеть тут посреди тумана, пялиться на пляшущих русалок и ждать у фонтана неизвестно чего.

«А ума ей не занимать. Видать, дух болотный не всем мозги дурманит. Как выкручиваться, леший ее забери?!»

– А зачем его искать? Сама говоришь, что добычу из рук не выпускаешь. Вот представь: леший узнает, что сразу двое от тебя

вышли невредимыми. Разве он не удивится?

– Знамо дело, удивится. – Старуха закивала головой.

– Наверняка захочет расспросить, почему так случилось?

– Он мужик любопытный, непременно выпытает!

«Уж не от слова ли «пытать»? – промелькнуло в голове Никиты. – Ладно, до встречи с лешим еще дожить надо. А сейчас пора ей небольшую ложку дегтя в бочку меда добавить. Радим говорил, нежить магов побаивается. Попробую проверить, так ли это».

– Вот тут я ему и скажу, что милосердная госпожа занята изменением облика своей резиденции. И ей не до нас – простого мага и его слуги.

– Милосердная – это какая такая? – снова насторожилась кикимора, пропустив мимо ушей упоминание мага.

– Милая сердцу, – поспешил объяснить Еремеев, а про себя мысленно добавил крылатую фразу: «Кому и кобыла невеста». – Такие обычно дела добрые делают.

– Добрые? Не слыхала про такие. Это как?

– Например, напоить и накормить гостя, в баньке попарить, – припомнил слова из сказки словоблуд.

– Эй, гостья, слыхала, чего я с тобой должна сотворить? – Старуха пнула ногой комок грязи возле пня. Тот застонал и зашевелился. – Оказывается, надо было тебе в рот лягушек с пиявками напихать, залить туда болотной жижи и в котле тебя сварить.

– Не надо! – закричал комок женским голосом. – Лучше убейте.

– И взаправду лучше, но ты же назвалась гостьей, а я сегодня милосердная. Не то что ты. – Кикимора снова перевела взгляд на Еремеева. – Эта девка с двумя подельниками шла по следу. Собиралась предать смерти одного слугу и одного мага. А не тебя ли, часом? – Старушка улыбнулась умопомрачительной улыбкой, от чего Радим даже икнул и рухнул без чувств.

«Не видел он наших фильмов ужасов, никакой подготовки у парня. Хотя бы живой, раз звуки издавать способен».

– Меня убить пытаются по два раза на дню. Причем понятия не имею, за что.

– Небось за добрые дела, – быстро сообразила болотная старуха. – К тебе часто гости заходят?

– Бывает. Правда, пока только те, кто живота лишить хочет.

– А ты их милосердием по темечку? Чтобы долго не мучились?

«Далось ей новое слово! Однако взгляд карги явно изменился, как узнала, что я волшебник. Если опасается, надо

этим воспользоваться. Вот только просчитать женщин гораздо сложнее, у меня редко получалось».

– Иногда приходится, – ответил Александр, нахмурив брови.

– Погоди, а ты, случаем, не в гости ко мне заглянул?

– Я в милосердии не нуждаюсь.

– А он? – Старуха указала пальцем на Радима.

– Он со мной.

Еремеев почувствовал, как под ногами заколыхалась почва, и увидел выскочивший из травы темно-зеленый жгут. Коснувшись штанов волшебника, он со свистом скрылся.

– Давай так, – после небольшой паузы заговорила кикимора. – Пусть твой слуга остается у меня. Ты сходи, расскажи все лешему и вместе с ним приходи назад.

«Ну да, а вместе с лешим вы меня и одолеете, – усмехнулся Александр. – Как бы не так».

– Нельзя его тут оставлять. По двум причинам.

– А что ж не по трем-то? – Старушка сощурила глазки до размера щелок.

– Во-первых, чем больше народу отсюда выйдет, тем большее удивление испытает леший, а во-вторых, представь: заглянет к тебе ухажер, а у тебя в доме молодой мужчина. Как бы обиды не случилось, он ведь может решить, что все приукрасы не для него сделаны.

Кикимора сделала вид, что задумалась. Она не собиралась отпускать наглого волшебника без каверзы, однако опасалась, что тот успеет натворить бед. Предварительное прощупывание показало – опасной энергии у него много.

– Просто так я тебя все равно не выпущу. Возьмете с собой еще и эту. – Старуха взмахнула рукой, и из недр островка выплюнуло покрытую грязью человеческую фигуру, которая еле держалась на ногах. – Удивлять – так удивлять. Но это не все. Я вижу, язык у тебя подвешен славно. Так вот… Сумеешь рассказать историю, что меня саму удивит, – тут же все свободны, ну а нет – тогда назначу гостями и буду творить над вами добрые дела.

«Вот привязалась! Никак уступать не желает, прямо хоть дерись. Чем же тебя удивить, карга старая? Во влип – прямо анекдот какой-то, да почему-то смеяться не хочется. Анекдот? – Александр Еремеев вспомнил свою недавнюю истерику на елке. – А почему бы и нет? Только персонажей слегка поменять надо. Радим говорил – болотные не слишком лесных уважают…»

– Нужно только правдивую или выдуманная тоже подойдет? – решил уточнить он.

– Сказывай любую. – Кикимора махнула костлявой рукой.

– Хорошо, слушай. Идет медведь по лесу, видит: лосиха изо всех сил на дерево забирается, копытами в ветки упирается. Он спрашивает: «Лосиха, ты куда лезешь?» Та отвечает: «Да вот, яблочек свежих захотелось». Медведь посмотрел внимательно и говорит: «Так это же елка!» – «Ну и что, яблочки у меня с собой».

Сначала засмеялся очнувшийся Радим. Потом беззвучно затряслась измазанная грязью.

– Ступай! – указала рукой старуха. – И никуда не сворачивай.

Через полминуты раздался гогот за спиной уходивших путников.

– Гы-гы-гы… Лосиха, гы-гы-гы… эта дура безрогая, гы-гы-гы… на елку?! Своими копытами? Точно, мозгов ни капли.

«Это она еще до яблок не дошла, – размышлял Еремеев. – Никогда не думал, что нечисть может так громко смеяться».

– За яблоками – на елку? Гы-гы-гы!

Потом случилась продолжительная пауза, после чего последовал такой заряд хохота, что Александр начал беспокоиться за здоровье старухи.

Когда показался лес и они увидели спасительную тропку, мимо троицы пронеслась какая-то тень.

– А ведь это был леший, – чуть дыша, произнес Радим.

– Нам бы поскорее с болот убраться, – заметил Еремеев. – Боюсь, как бы старушке не захотелось новую историю услыхать.

– А ты еще знаешь? – Грязнуля и помощник задали вопрос одновременно.

Глава 5
Троицкое

Радим, отвечавший за маршрут следования, по дороге в Крашен не собирался нигде останавливаться, но из-за трех часов, потерянных на болоте, им пришлось свернуть к деревне Троицкое, не пройдя и половины пути. Судя по каменным развалинам в стороне, некогда здесь стояла небольшая крепость, однако сейчас от нее остались только груды камней.

– Там, – указал на руины парень, – наверняка днем скрываются зверюги.

– Почему не в лесу? – спросил Еремеев.

– Пришлые твари не ладят с местной нечистью, а для наших лес – дом родной.

«Конкуренция, чтоб ее! У каждого – свой ареал. Только людям от этого не легче. Куда ни сунься – хоть в лес, хоть в развалины – сожрут, и не подавятся. А мне по большому счету без разницы, кому на ужин попаду. Зубастая пасть косолапого до сих пор перед глазами, стоит их закрыть».

– Почему их называют зверюгами? – Этот вопрос давно мучал Александра.

– А как еще? Страшные, лучшим блюдом считают человечину, и сладить с ними не можем. Зверюги и есть.

– Ап-чхи! – звонко чихнула девушка.

– Будь здорова, – пожелал Еремеев. – Надо бы тебя подлечить после болота, как бы не простыла.

– Благодарствую. Я не больна.

– В деревню лучше войти со стороны пруда, – предложил Радим. – Там на самом краю постоялый двор стоит. Можно и поесть, и заночевать. Лада, ты есть хочешь?

Грязнуля после купания в ручье превратилась в стройную девушку. Она оказалась профи, которую послали в составе тройки на первое задание. На поиски и уничтожение цели по всем возможным дорожкам, ведущим от Смоленска, было отправлено сразу семь троек.

Лада вместе с двумя опытными бойцами тоже сбилась с пути из-за медведя, но дорогу они отыскали гораздо быстрее. И в гости к кикиморе попали на час раньше. Мужчины сразу схватились за стволы и попробовали решить возникшую проблему наиболее эффективным способом. Вот только в горячке забыли, что у нежити отнять жизнь пулей невозможно. Зато у старухи с этим проблем не возникло. Из болота выползли зеленые жгуты и,

скрутив мужиков по рукам и ногам, просто разорвали их на части прямо на глазах у начинающей убийцы.

Затем был недолгий разговор с болотной хозяйкой, как называла себя кикимора. Лада так и не смогла отойти от ужаса, а потому отвечала невпопад и вскоре наскучила крючконосой. Старуха чисто для развлечения несколько раз окунула ее с головой в болотную жижу и, не добившись желаемого, оставила у своих ног, утопив по подбородок.

Отмыть одежду от въевшейся тины и ила не удалось, и Еремееву пришлось отдать свою сменную. Теперь они шагали втроем: два парня и отрок, если не приглядываться.

Оружие Ладе не дали – вдруг она вспомнит о задании? Однако и прогонять ее не торопились.

«Пусть лучше будет на виду. Вроде клялась, что готова служить мне до гроба за избавление от кикиморы, так что теперь у меня есть и помощник, и слуга. Почти экспедиция. А ведь не сыграй кикимора в карты с лешим, и – как знать? Возможно, эта самая девица перешагнула бы через мой труп».

– Я не голодна, – скороговоркой ответила Лада. Похоже, мыслями она была где-то очень далеко.

– Ты у нас вместо проводника, вот и веди туда, куда считаешь нужным, – сказал Еремеев приятелю.

– Данила, только в деревню заходить не стоит. – Паренек напустил в голос таинственности. – Нам не надобно привлекать лишнего внимания.

После того как бывшая профи умылась и сменила одежду, Радим приосанился, расправил плечи и даже говорить стал степеннее.

– Как скажешь, – кивнул тот, которого теперь договорились называть Данилой Ревиным, торговцем амулетами. – Но мне всегда казалось, что о любом чужаке через минуту будет знать все деревня. Или в Троицком по другим законам живут?

– Я давно тут не был, не знаю.

– Ладно, веди уже.

Они зашли на постоялый двор сразу после полудня, обойдя деревню по большому кругу.

Двухэтажное бревенчатое здание было обнесено частоколом, словно крепость. Внутри оказался небольшой дворик, коновязь с кормушкой для лошадей и одноэтажная пристройка, из которой доносилось хрюканье свиньи. На крыльце под навесом сидел бородатый мужик в синей жилетке поверх домотканой рубахи и серых штанах, снизу запачканных грязью.

– Хозяин, троих на постой примешь ночку скоротать? – спросил Радим.

– Есть две комнаты по три гроша за ночь, еда за отдельную плату. Устроит?

– Чего так дорого? – возмутился прижимистый помощник.

– Времена тяжелые для нашей деревни наступили, господа путники. И рад бы взять меньше, да не могу. Того и гляди – по миру пойду.

– Мы заплатим, – вмешался Александр. Ему хотелось скорее отдохнуть.

– Тогда устраивайтесь. Варька! Покажи гостям комнаты.

Из сарая выскочила крупная девица с толстой косой, вытерла руки о фартук, который тут же скинула и повесила на гвоздь, окинула прибывших оценивающим взглядом, поздоровалась и направилась в дом. Постояльцы двинулись за ней, и уже через четверть часа торговец амулетами спустился в обеденный зал.

«Мне одному после пережитого жрать охота или эти двое занялись более приятным занятием, чем обед? Вроде рановато. Девчонка – та чуть с катушек не съехала, вряд ли сейчас о сексе думать способна. – Еремеев по просьбе попутчиков рассказал еще один анекдот, после чего дамочка хихикала чересчур долго, а ему не сразу стало понятно, что так проявилась ее истерика. Пришлось успокаивать Ладу пощечинами. Тогда она и произнесла ту страшную клятву. – И чем тут кормят, интересно?» Изголодавшийся заметил вышедшую в зал Варвару.

В это же время в зал спустился Радим. Один.

– А где… Лад? – спросил Александр.

– Я думал, он к тебе пошел.

Имя сократили на последнюю букву – все-таки отрок привлекает гораздо меньше внимания, чем смазливая девица.

– Сбежал, что ли? Так вроде силком его никто не держал.

– Мальчонку потеряли? – спросила Варвара. – Так он недавно пытал, где в деревне пояс купить можно. Чего кушать будете?

– Радим, организуй. – «Купец» кивнул помощнику.

«Какой, к лешему, пояс? Чтобы мои штаны с нее не сползали? Так уже веревку приспособили. Сказано же было – в деревню не ходить! Или это повод? Неужели своим весточку вздумала передать? Хотя при желании уже сто раз могла бы нас убить. Подумаешь, дала клятву, что ни одного душегубства не совершит, дескать, ей сам Господь знак такой подал. Правда, Радим говорил, будто такой обет нарушать нельзя, но она же профи. Вряд ли для них… И чего я вообще рассуждаю о мире, которого не знаю?»

Лада поклялась спасением своей души, и это Еремееву показалось очень странным, ведь дамочка собиралась заниматься такими делами, в которых о спасении и думать нельзя. Однако

Радим подтвердил, что клятва верная, да еще добавил: «Это все равно что кикимора своим болотом поклянется или леший – угодьями лесными».

Варвара отправилась на кухню выполнять заказ единственных клиентов.

– Чем нас сегодня порадуют?

– Скудновато у них здесь – только рыба из местного пруда да зелень и овощи с огорода. Заказал ухи и жареных карасей с картошкой. Запивать будем квасом.

– Нежирно, – вынес вердикт Еремеев.

– Варвара говорит, в деревне дела совсем плохи, урожая в этом году нет.

– Как думаешь, Лад не к своим побежал? Сам он заказ выполнить не может, но что ему мешает позвать подельников?

– Мы же его от лютой смерти спасли. Неужели?.. – Глаза Радима вспыхнули праведным гневом, а ладонь легла на рукоять пистоля. Он даже курки взвел. – Да я его собственными…

– Не торопись судить, может, он просто сбежал? Сам понимаешь: с нами гулять – дело весьма опасное, а человек такое пережил…

«Скор мой помощник на расправу. Чуть что – сразу за оружие, а девчонка, может быть, просто животом мается после болотной-то жижи. Вот так выйдет из уборной, а ей: «Сознавайся, куда бегала, а то стрелять буду?» Да и я хорош, сразу подвох ищу».

– А вон и мальчонка ваш, – раздался голос подошедшей с плошками Варвары. – Ему тоже ушицы нести?

– Будь любезна, – кивнул «купец».

– Я… это… – Лада остановилась перед столом и засунула руку за пазуху.

Радим тут же выхватил пистоль и положил его перед собой, направив стволами в сторону девушки.

– Чего это он? – тут же застыла Лада.

– Не обращай внимания, Радим у нас всегда перед едой оружие на стол кладет, чтобы не прострелить себе ничего ценного во время обеда. И носит его постоянно готовым к бою. Видишь, курки взведены?

– Да, к опасности нужно ежеминутно быть готовым, – степенно подтвердил тот.

Лада успокоилась и вытащила пояс.

– Мне его за двадцать медяков продали. Я столько…

Договорить она не успела – дверь скрипнула, и в зал ввалились четыре мужичка лихой внешности. Двое из них держали арбалеты, целясь в клиентов постоялого двора.

– О, как я удачно заглянул! – заговорил самый мелкий из

вошедших. – Тут, значится, гости пируют. И мне надобно спешно проверить, насколько они нам дороги. Денежки в карманах водятся? Ась? Не слышу вашего радостного «да».

«Сержант говорил, что малахитовая пластинка при полном заряде способна и арбалетный болт выдержать. А вот амулет Радима… Не уверен. Пистоля на столе они не видят, это плюс. Но я его смогу схватить только левой – это минус. Точно промахнусь».

– Упаду – валишь стрелков, – прошептал Александр и поднялся. – Денег немного, может, лучше оружием возьмете? Пистоль у меня справный, пять золотых выручить можно. Только патронов нет, давеча два последних в лесу растратил. – Он обошел стол и приблизился к Ладе.

Еремеев припомнил коварные знаки на собственном оружии, те должны были поразить любого, кто позарится на пистоль. Оставалось только выяснить, знает ли о них наглый гость постоялого двора.

У главаря разбойников чуть слюни не побежали, когда он заметил оружие на поясе незнакомца. Он тут же направился к желанному сокровищу. Когда схватился за рукоять, мужичка словно током ударило. И в тот же миг Еремеев метнулся к Ладе. Падая, обхватил ее за плечи, прикрывая спиной. Почти сразу прогремели два выстрела. Последний разбойник понял, что остался в меньшинстве, и хотел дать деру, но впопыхах запутался в собственных ногах и растянулся на полу.

– Данила, ты жив? – В голосе Радима звучали нотки отчаяния.

– А чего мне станется? – ответил «купец». – Спиной только приложился обо что-то. Теперь точно синяк будет.

– Эта сволочь успела в тебя пальнуть! – объяснил свое волнение парень.

«Значит, пластинка действительно держит арбалетный болт. Правда, я не собирался это проверять», – подумал Еремеев, а сам произнес:

– Какая у тебя полезная привычка – класть заряженный пистоль на стол перед едой. Лад, ты как?

– Со мной все в порядке. Ты бы отпустил меня, а то сжал в объятиях, словно девку.

«Ну да! – подумал Александр, убирая руки с груди «отрока». – Эдак и до греха недалеко. Вроде за плечи хватал, а руки сами нашли что помягче». – Он поднялся и отряхнул зипун.

В зале появились хозяин с дочерью.

– Слава Господу! – воскликнул мужчина. – Наконец услышаны мои молитвы! Полгода этот лиходей обирал меня и моих гостей. Я из-за него всех клиентов лишился – и вот оно,

возмездие! Спасибо, господин, век за вас буду Богу молиться.

– Погоди благодарить, давай-ка вон того типа немного попытаем.

«Хозяин ведь мог и сам лиходеев нанять. А чего? Кабак у него на отшибе, частоколом огорожен, что мешает калитку закрытой держать? Небось увидел, что гости не бедствуют… Определенно моя подозрительность зашкаливает, но пусть лучше я ошибусь. Как там говорится? Доверчивые долго не живут? А мне жить теперь еще больше хочется».

– Ну что, недорогой гость, рассказывай, как ты дошел до жизни неправедной. – Еремеев размышлял, как лучше напугать негодяя, чтобы скорее вызвать его на откровенность.

– А как тут не дойти, – бойко начал говорить бандит. – Я сам из Крашена буду. Бедствовал долго, а тут Видан привалил, кажет: айда в Троицкое, там местный колдун работенку сулит. Вот мы и подвязались. Нынче уж домой собирались, а тут глядим – трое в кабак идут, вот и пожадничали напоследок. – Он даже слезу пустил.

– Чертов колдун! – выругался владелец. – То-то я удивился, что он перестал пытать, сколько мой постоялый двор стоит.

Видан, который был у них за главного, вскоре очухался и подтвердил слова подельника. Главарь также развеял подозрения Александра по поводу незапертой калитки. Оказывается, бандит пригрозил хозяину харчевни гибелью дочери, если днем не сможет свободно попасть на постоялый двор.

Радим, не мешкая, собрал трофеи и отнес к себе в комнату. Тем временем владелец связал выживших бандитов и увел в холодный погреб.

– Видишь, как здесь опасно, а ты по деревне разгуливаешь. – Еремеев погрозил Ладе пальцем и принялся есть остывшую уху.

– Зато я столько новостей узнал. У них суд сегодня днем. Собираются десять парней за долги к ляхам увести, а эти парни тут – основная сила супротив зверюг. Местный колдун без денег не хочет алтарные камни заряжать, грозится уйти из деревни. Староста в отчаянии.

«У них тут рабство? В параллельном двадцать первом веке, почти в центре Европы? Впрочем, чего я накинулся, будто его у нас нет. А волшебник здешний, похоже, тот еще стервец. Мало того что на постоялый двор бандитов навел, так еще и шантажом промышляет».

Хозяин заведения вернулся в зал, чтобы убрать трупы.

– И куда ты их? – спросил Еремеев.

– Сейчас мужиков кликну и батюшку, отойдем дальше от деревни да похороним.

– До вечера это не подождет? – задумчиво произнес Александр.

– Ежели для дела нужно, погожу малость.

– Для дела. – Еремеев кивнул и обратился к Ладе: – И много местные задолжали?

– Поговаривают о пяти злотых либо полгода работы батраками на пана Тадеуша.

«Тадеуш?! И здесь этот гад людям жизнь портит! Ну уж нет, мы своих в обиду не даем!»

– Когда у них суд?

– Через час.

– Суд, в справедливости которого никто не может сомневаться, постановляет: немедленно выплатить представителю пана Тадеуша пять злотых либо передать в подчинение сему уважаемому мужу десять мужчин в возрасте от пятнадцати до двадцати лет для отработки долга.

Еремеев стараниями Лады узнал, что в должниках оказались именно те семьи, у кого имелись молодцы указанного возраста. Специально им «по доброте душевной» помощник Тадеуша ссудил денег на два месяца под мизерный процент. Урожай на тот момент обещал быть богатым, и люди решили воспользоваться приступом щедрости заезжего господина, не вчитываясь в долговую расписку. Кто же знал, что перед самым покосом пшеницы грянет сильная гроза без дождя, а молнии подожгут крестьянские поля.

«Классика! – размышлял Александр, слушая приговор. – Выдали кредит и создали все условия, чтобы его нельзя было вовремя вернуть, а на третий месяц накрутили такие проценты, что долг утроился. И теперь лишь один путь – в кабалу. Чует мое сердце: местный колдун приложил к этому свою мерзкую лапу. Вон стоит с довольной физиономией. Ничего, ухмылочку мы с его лица быстро сотрем!»

– Справедливый суд, господа, – обратился к присутствующим Еремеев. Он вышел из толпы и подошел к широкому столу, за которым восседали прибывшие участники процесса. – Учитывая обстоятельства, я готов выдать старосте нужную сумму в погашение долга. Люди не виноваты, что стихия сожгла урожай.

Площадь в самом центре Троицкого являлась местом сбора жителей деревушки. Здесь они обсуждали главные новости, молились, глядя на крохотную часовню, которую поставили на месте разрушенной церкви, а по вечерам устраивали гулянья.

Помимо судьи, прокурора и адвоката за столом находился еще и ксендз, который тут же принялся пристально изучать купца,

стоило тому заговорить.

– Сын мой, все, что ни делается, делается по воле Божьей. Как знать, может, молния небесная – это наказание грешным за их деяния? И нам негоже вмешиваться в промысел Божий, если не являемся отступниками.

– Как знать, как знать, собрат мой. – Из часовни вышел мужчина в рясе. – Бог карает стрелами огненными дьявольские отродия, коих в округе нашей немало. Достается и людям, допустившим это безобразие, но за карой следует милость, ибо Бог милостив и любит чад своих, а потому мог ниспослать нам этого молодого человека как прощение за грехи наши. Так почему же мы должны отталкивать его, вмешиваясь в промысел Божий?

– Под какой процент ты собираешься выдать этим грешникам деньги? – Судья решил прекратить религиозный диспут в зародыше, поскольку торопился.

– Хочу построить домик в Троицком, – ответил Александр.

– Зачем тебе дом в этой глуши? Уж не из беглых ли будешь, купец? Скрываться вздумал?

– Тебе документ показать, коли купеческому слову веры нет?

Толпа загудела, и служитель закона решил не обострять ситуацию.

«Как-то опять начинаю ощущать себя Робин Гудом. В моем мире это закончилось очень плохо, и здесь, чувствую, господа заседатели уже готовы с меня живьем шкуру содрать. Но не менять же из-за них своих вредных привычек?»

– Я тебя пока ни в чем не обвиняю, и документы твои без надобности.

– Господин судья! – раздался хриплый голос местного колдуна. – Тут еще одно дело разобрать надобно. Мне третий месяц за тяжкую работу денег не плачено.

– И много задолжали? – воодушевился судья.

– Да, поди, уже три злотых наберется, ежели с процентами. Вот бумаги. – Волшебник положил на стол несколько исписанных листов.

Названная сумма возмутила селян, и те загудели, выражая недовольство.

– Суд во всем разберется, а вздумаете бунтовать – применим силу, – оборвал недовольных прокурор.

– Требование уважаемого чародея признано справедливым! – бегло просмотрев бумаги, вынес вердикт служитель закона.

Толпа снова загудела. Такого коварства, похоже, от мага никто не ожидал.

– А думаете, легко заряжать алтарные камни? Кто-то хочет попробовать сам?

– Купец, не желаешь еще и этот долг оплатить, раз уж тебя Господь послал здешним грешникам? – снова подал голос ксендз.

– А вот тут еще разобраться нужно, кто кому больше должен, – парировал Александр.

– Э-э-э, чужак, ты говори, да не заговаривайся. Справедливому суду лучше видно, – разразился праведным гневом колдун.

– Я нисколько не сомневаюсь в беспристрастности высокого суда, но для принятия решения нужно представить все факты по делу. Разве я не прав? Предлагаю вызвать свидетелей.

– Какие факты, какие свидетели?! – Судья не скрывал раздражения.

Из толпы вышел хозяин постоялого двора и рассказал о своих бедах.

– Вы напрасно тратите мое время. Свидетель хочет подать в суд на лиходеев? Пусть правильно составит бумаги… – начал было служитель закона.

– Лиходеев поймали. Давайте послушаем, кто их подтолкнул к неправедным поступкам.

Когда заговорил Видан, колдун начал опасливо озираться, а потом закричал:

– Сдохнет тот, кто хоть пальцем меня тронет! – и кинулся прочь с площади.

Народ опешил и не стал его преследовать. В наступившей тишине снова заговорил Еремеев:

– Почему-то мне кажется, господа, что молния, спалившая урожай, тоже не сама по себе вспыхнула. Одного не пойму – кто надоумил мага колдовать против своих? Ведь он кормится с ваших доходов. Неужели кто-то заплатил больше?

Жители Троицкого как-то разом посмотрели на помощника пана Тадеуша.

– Ты на что намекаешь, купец?! Хочешь запятнать светлое имя одного из честнейших шляхтичей?

– У кого совесть не запачкана, того не запятнаешь…

– Да ты, никак, бунтовщик! Воду мутить вздумал? У нас длинные руки – враз укорот дадим! – опять подключился прокурор.

– Какой бунт, господа? Сами не дослушаете, но сразу обвинениями бросаетесь. Я говорю – не запятнаешь человека кристальной честности, коим, несомненно, является благородный пан Тадеуш, а вот колдун явно продал душу дьяволу. Он непременно затаил злобу на справедливый суд и может своими чарами нанести вред вам, господа хорошие.

– То не твоя забота, купец. И не с такими справлялись! –

злобно произнес судья, собирая свои бумаги.

Выездной суд прибыл в Троицкое в сопровождении шести вооруженных всадников. Один из них точно был колдуном. По крайней мере, пару раз Еремеев чувствовал легкое дрожание пистоля, уловив на себе пристальный взгляд лысого воина, стоявшего по левую руку от судьи.

Чужаки, так и не добившись желаемого, отправились в Смоленск за четыре часа до заката. Они выбрали проторенный путь в объезд болота. Крюк небольшой, и дотемна они могли успеть не только доехать на лошадях до окраины города, но и назад вернуться при большом желании.

После отъезда справедливого суда Александра пригласил к себе староста. Разговор он начал не со строительства избы.

– Благодарствую, добрый человек, что из пропасти нас вытащил. Однако кривить душой не смею. Ежели ты торговлю в нашей деревне открыть задумал, то занятие это пустое. Сам понимать должен – денег у нас нет. И мало того, алтарные камни теперь заряжать некому, а значит, скоро сюда хлынут твари. Сначала скотину изведут, потом и за нас примутся. А потому ежели за пару дней не решим проблему, нам все одно придется либо уходить с насиженных мест, либо топать на поклон к ляху.

– С камнями решим нынче же – зарядим на полную, я способ хороший знаю.

– На полную? Так это же на целый месяц! Такая работа огромных денег стоит, мы с тобой вовек не расплатимся.

– Мы, русские люди, друг другу помогать должны. Будем вместе держаться – глядишь, и благородного Тадеуша переживем. Уж очень поганый он тип, как выяснилось. И планы его мне не нравятся. Скажи, а кому принадлежит Троицкое? Или вы сами по себе?

– Почему же… Был у нас боярин, Данила Ярилович Рачинский, да поди уж год как сгинул в сече с татарами. Где-то у господина нашего сынок должен быть малолетний, но он на свою вотчину не заглядывал и где обитает, нам неведомо. А по закону, если господин или его доверенный год не появляются, считается, что и нет хозяина. Потому Тадеуш и бесится, чтобы нас под себя подмять.

– Когда срок подходит? – спросил Еремеев.

– Через полтора месяца.

– А избу когда мне поставите?

– Навалимся – так и за три недели готова будет.

– Завтра я еду в Крашен. Как судьба сложится – не знаю, но через три недели загляну дом посмотреть. – Александр достал кошель с медью и положил на стол, а из второго отсчитал сотню

серебряных монеток. – Вот эти деньги даю взаймы. На год. Твоя задача – не допустить, чтобы Троицкое попало под Тадеуша.

Деньги весили не меньше того самого револьвера, и вместе они так и норовили спустить штаны с Еремеева. Поэтому он мечтал поскорее избавиться от тяжелой ноши.

– Да как же… – растерялся староста.

– Учти – спрошу тебя за каждый потраченный грош. Если на благо деревни, – никаких процентов платить не потребуется.

– Да я…

– Деньги спрячь, скажешь, что купец дал взаймы полсотни грошей на покупку зерна для посева, или сам чего придумаешь. Все понятно?

– А ты, часом, не родственник нашего боярина? – с надеждой в голосе спросил староста.

– Нет.

– Жаль, очень жаль.

Александр вспомнил о желании сделать кобуру для револьвера:

– Скажи, а в Троицком, случаем, нет мастера дел кожевенных?

– Как не быть, имеется.

– Тогда пойдем сначала камнями займемся, а потом к мастеру проводишь, есть у меня для него один срочный заказ.

Глава 6
Крашен

«Оно, конечно, проще не встревать в местные дрязги и без лишних хлопот выполнить задание сержанта, но стоять в стороне, когда прохиндеи гнобят простых работяг, чувствуя полную безнаказанность… Это не по мне. Жаль, не было возможности втолковать тем типам, что Троицкое теперь лучше стороной обходить, наверняка ведь новую гнусность придумают». Еремеев сидел за столом и не торопясь потягивал квас из большой кружки.

В его комнате разместилась Лада, которая к вечеру еле держалась на ногах. Радим отправился спать четверть часа назад, а вот Еремееву не спалось, хотя в этом мире у него еще не было ни одной спокойной ночи. Сегодня его встряхнула зарядка двух алтарных камней. Булыжники вытянули из Александра практически всю энергию, однако вместо упадка сил он ощущал нечто вроде удара током.

«Прямо чувствую себя «Энерджайзером» нового поколения. Работаю аккумулятором устройств, в которых ничего не смыслю. Староста говорил, что сбежавший чародей тратил по часу на зарядку каждого камня, а энергии едва хватало на пару дней. Выходит, я хоть в чем-то крут? Старик возле алтаря смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Небось теперь считает могучим волшебником. А что, кикимора – та, видать, тоже струхнула. Иначе бы ни за что не выпустила с болота, да еще с пленницей в придачу. В общем, могу считать себя непомерно крутым, только нужно следить, чтобы от этой крутости не слишком заносило».

– Господин желает еще кваску? – ласково спросила Варвара.

После судебного заседания она смотрела на заезжего гостя совсем другими глазами. А что – молодой, при деньгах, да еще труса не празднует. Мало того что от разбойников спас, так вдобавок с господами из Крашена разговаривал на равных. Теперь вот выяснилось, что чародей.

– Спасибо, Варвара, не надо.

– Может, на площадь сходим? Там сегодня знатная гулянка будет.

«Вот и первые плоды моей крутости, утром она не особо меня жаловала, а теперь прямо ест глазами. Так и хочется ответить взаимностью, но вдруг заставят жениться, а я как-то не готов морально».

– С удовольствием бы, но мне завтра рано вставать.

– Дочка, отстань от гостя! – цыкнул на Варвару хозяин постоялого двора, и та поспешила убраться.

«Ну да, осталось только с местными девками шашни завести. Вон Ладу сегодня чуть в объятиях не задушил. Тело-то мне досталось молодое, а гормоны в этом мире никто не отменял, вот они и играют в свои игры. – Еремеев припомнил, с какой неохотой выпустил Ладу из объятий. – А она молодец! За несколько минут все про деревню выведала. Прямо шпион в юбке, точнее – в моих штанах. Видать, ее учили не только убивать. Надо будет в пути расспросить, что еще она умеет».

Александр заметил, как в зал вошел крепкий мужчина средних лет. Кивнул хозяину и направился к единственному занятому столику.

«Не помню, чтоб этот человек был на площади. Чужак? Вряд ли, хозяин его знает».

– Приветствую тебя, молодой купец! Не помешаю? – спросил подошедший.

– И тебе здравствовать. Присаживайся.

– Ты, говорят, в Крашен собираешься? – Незнакомец остался стоять.

– Завтра чуть свет туда и направимся. А что?

– А ведомо ли тебе, что Крашен под Тадеушем? Там его людей – что мух в нужнике.

– Ведомо. Только дела у меня в тех краях весьма важные, так что откладывать их из-за пана Тадеуша и его прихвостней не стану.

– Добре, – усмехнулся мужчина и присел за стол. – Меня Буяном кличут, служил воем у Данилы Яриловича. Полтора года назад перебрался сюда.

– Я – Данила, чем могу помочь?

– Староста поведал, ты давеча пану Тадеушу дорогу перешел?

– Скорее – он мне, но это не важно. У тебя есть что предложить?

«Воин, похоже, опытный, – размышлял Александр, – сила от этого человека исходит немалая. А взгляд будто внутрь тебя проникает».

– Могу предложить свою службу, купец, – после недолгой паузы произнес ветеран. – Я хоть и немолод, но мечом, копьем и кинжалом владею лучше многих. Могу стрелять хоть из лука, хоть из арбалета. Из пистоля не промахнусь с полусотни шагов.

– А почему ко мне с этим пришел?

– Больно смотреть, как холуи Тадеуша пытаются прибрать к рукам вотчину моего господина. Они наверняка попробуют

отомстить тебе за неудачу. А ежели я рядом окажусь, у них будет меньше шансов на успех.

«Опытный боец под рукой – всегда хорошо, но ему за службу платить надо, а в случае гибели еще и перед родными ответ держать…» – В голове «купца» пронесся рой мыслей, прежде чем он задал следующий вопрос:

– Ты не пытался найти наследника господина Рачинского?

– Ходил несколько раз в Смоленск, расспрашивал разных людей, потом понял – за мной пригляд установили. Убрался восвояси ни с чем.

– Чем здесь занимаешься?

– По ночам деревню от ночных тварей оберегаем. Парней на это натаскиваю. Но раз теперь алтарные камни заработали на полную мощь, в моих услугах надобность пропала.

«Вот почему его на площади не было – отсыпался после ночной вахты. Мужик, похоже, тертый».

– Семья здесь проживает?

– Один я. Уж лет десять как, – нахмурился Буян.

Еремеев сообразил, что данную тему лучше не затрагивать, и увел разговор в сторону:

– Сколько за службу хочешь?

– Три гроша в день будет достаточно.

– Договорились. Три гроша плюс двадцатая часть от трофеев. С сегодняшнего дня работаешь у меня охранником. С восходом солнца отправляемся в Крашен. – Еремеев положил на стол три серебряные монетки.

– Добре. – Боец сгреб монеты.

– Оружие при себе имеешь?

– Меч, кинжал и рогатина.

– Завтра арбалет получишь. Только не знаю, насколько он хорош, у бандитов отобрали.

– Разберусь. Я ведь и починить могу, ежели надобно. Мы надолго в Крашен?

– Дня на три, потом в Смоленск надо возвращаться.

– Пойду соберу вещи в дорогу.

Утром Еремеев познакомил остальных с новым членом команды, которому сразу сообщили, что Лад – на самом деле девушка, спасенная из лап кикиморы. О ее сомнительном прошлом рассказывать не стали.

«Теперь у меня еще и охранник появился. Обрастаю людьми и сильно сомневаюсь, хорошо ли это. Одному все-таки проще. Тут себя уберечь не всегда получается, а надо и за других ответ держать. Ладно, прорвемся».

Идти прежней тропой через лес не рискнули, поскольку ветеран утром явился со старой лошадью и телегой. Пораскинув мозгами, решили выбираться на тракт и двигать по нему налегке, сложив пожитки в повозку.

«Замечательная вещь эта наплечная кобура! – не мог нарадоваться Александр, ощущая под мышкой револьвер. – Да и ремень на штанах тоже к месту. Теперь нет постоянного ощущения, что портки вот-вот упадут».

Кобылу и телегу Буяну дали на время в счет оплаты за подготовку молодых парней. Он пообещал вернуть имущество на обратной дороге, о чем и сообщил нанимателю.

– Даже не знаю, каким он будет, наш обратный путь, но, в случае чего, отдадим деньгами.

На тракте то и дело попадались конные разъезды смоленской дружины, перед въездом в Крашен даже потребовали предъявить документы.

– Чей пацан? – строго спросил служивый.

– Племяш мой, – не мешкая, откликнулся Буян. – Родители его сгинули, вот и таскаю за собой.

Других вопросов не последовало, и «караван» пропустили в город.

Крашен разительно отличался от Смоленска, и не только размерами. Вместо каменных стен здесь были бревенчатые, дома сплошь из дерева и не выше двух этажей. Лишь в самом центре виднелись купола церкви и нескольких высоких строений из камня.

– Тут есть две гостиницы и постоялый двор, – сообщил ветеран. – Где остановимся?

– В Крашен по тракту была выслана еще одна тройка профи, – тихо произнесла Лада. – Они будут искать тебя там. Ой! Уже нашли. Только не оглядывайся. Он думает, что мы его не заметили.

– Один или здесь все трое? – спросил Еремеев.

– Вижу одного. Небось остальные караулят на других въездах в город.

– Какое у него оружие?

– Очень много разного. Метательные клинки, пружинный арбалет, кинжал, пистоль ближнего боя, удавка. Может, и еще чего-нибудь. Меня он учил удавкой пользоваться.

– Тонкая бечевка с двумя камешками по краям? – уточнил Александр.

– Ага.

– Амулеты?

– Наверняка имеются. Их только у новичков нет.

– Чего там шушукаетесь? – обратил внимание ветеран.

– Интересуюсь у твоего племяша, где тут малую нужду справить можно?

Все четверо продолжали идти по главной улице города, следуя за телегой.

– А чего тут спрашивать? Вон проулок, наверняка во двор выведет, там уборную и увидишь.

– Мужики, – Еремеев обратился к бойцам, – слушайте, но удивления не выказывайте и не оглядывайтесь. – Я скоро сверну в проулок. За мной должен направиться следом один тип. Если это случится, Буян, взведи арбалет. Как только он выскочит, вали его.

– Лях? – одними губами спросил ветеран.

– Хуже. Лад, громко позовешь дядю, когда тип скроется в проулке.

– Сделаю.

– Далеко не уходите, сейчас вернусь, – произнес Еремеев и направился к проулку.

Отряд чуть замедлился, но останавливаться не стал.

«А почему я решил, что он обязательно воспользуется удавкой? Нож для таких дел куда удобнее и надежней. Но, по словам Лады, убийца явно тащится именно от такого способа лишения жизни, а тут ему вроде никто не должен помешать. Кроме моего револьвера. Какой бы амулет он ни носил, с близкого расстояния выстрел будет болезненный, а я патронов жалеть не собираюсь».

– Дядя, посмотри какой дом! – донеслось сзади.

Ладонь нащупала револьвер, палец лег на спусковой крючок.

«Бесшумно движется, сволочь! Может, он совсем рядом?»

Проулок хоть и казался узким, но два человека могли там разойтись без проблем, поэтому стрелять наугад Александр не собирался. Требовалось точно знать, когда профи окажется прямо за спиной.

«Думаю, начнет действовать в середине проулка, как раз между теми избами».

По обе стороны вплотную стояли бревенчатые дома, соединенные между собой глухим забором из штакетин, поэтому свернуть было негде. Место действительно удобное, и ближе к вечеру прогуливаться тут никто не рисковал, разве что заезжие недотепы.

Еремеев зашагал чуть быстрее, чтобы сбить преследователя с темпа, а потом, не доходя до выбранной точки пути, резко остановился. Как результат – столкновение с наступавшим на пятки и… Прозвучало сразу два выстрела. Преследователя отбросило. Развернувшись, «купец» выпустил еще три пули, но

амулет врага выдержал и их действие. Александр потянулся за пистолем, и тут профи кинулся наутек.

Боль, похоже, дала о себе знать, и убийца вместо того, чтобы перепрыгнуть через забор между домами, рванул назад к главной улице. Пытаясь сбить прицел, он метался из стороны в сторону, не предполагая, что на выходе его ждут. Арбалетный болт пробил остатки магической защиты и пронзил грудь душегуба.

– Кто стрелял?! – через несколько секунд рядом оказались местные стражники.

– Тут один лиходей на моего нанимателя напал, пришлось укорот дать.

Когда стражники начали обыскивать убитого, они сразу поняли, кем он являлся, и остановились. Старший караульный, с сожалением посмотрев на Александра, отвел его в сторонку.

– Заплатишь нам два золотых, и будем считать, что тут ничего не было. Надеюсь, понимаешь, кого завалил и что еще два подельника наверняка в городе. Начальству не проболтаемся. Тебе повезло, что наша смена в дозоре, мы своих не сдаем. Но из Крашена тебе надо как можно быстрее уходить.

– Благодарствую за совет. – Еремеев не стал жадничать. Ему нельзя было светиться перед властями города, считавшегося владениями Тадеуша.

– Ежели чего, моя смена на эти ворота послезавтра с утра заступает. – Стражник говорил негромко, но «купец» слышал каждое слово.

Он вернулся к своим и велел скорее убираться.

– Пожалуй, нам стоит заглянуть в гости к моему давнему знакомцу, – предложил Буян. – Никто не против?

– В кузне Карпова третий день не слышно звона наковальни, – доложила Лада утром следующего дня. – Его семью тоже давно не видели. Дом заперт, словно все уехали, но соседи не помнят, чтобы семья куда-то собиралась. Местная детвора сказывает, мальцы Карпова два дня на улице не показывались.

Еремеев с командой разместился в доме портного, отец которого когда-то служил вместе с Буяном. Хозяин жилища с радостью принял ветерана, но в глазах поселилась тревога: если купец при деньгах сторонится гостиниц, значит, скрывается, и за ним могут явиться местные паны. Буян успокоил знакомого, что они останутся всего на две ночи.

– Может, Карпова забрали ляхи? – предположил Александр. – Никаких судов в городе не проходило?

– Кузнеца судить – себе дороже, – возразил ветеран. – Он уважаемый человек, народ всегда за такого встанет горой. А вот

по-тихому увезти и попытать в укромном месте – это они могут. Да еще семью замучают, сволочи! – нахмурился Буян. Он, похоже, вспомнил что-то свое и крепко сжал кулаки.

– Можно узнать, где их держат? – спросил Ладу Еремеев.

– Тут одна тюрьма, больше прятать негде, – ответил за нее Буян.

– А давайте ее захватим? – предложил Радим.

В комнате повисла тишина. Все посмотрели на «купца», которого считали командиром.

– Нас слишком мало, чтобы штурмовать тюрьму, – ответил Александр. – Но руки чешутся. Кого бы в помощь взять?

– Сперва надо узнать, действительно ли кузнец там. Я этим займусь немедля, кой-какие связи остались. – Буян поднялся и направился в сени.

– Погоди, – остановил его командир. – Возьми пару злотых. Деньги иногда помогают быстро получать правдивые ответы.

– Добре. – Буян вернулся и взял монеты.

«Чует мое сердце – опять влезаем в авантюру. Надеюсь, тюрьма в городе небольшая и охраны там немного». – Еремеев понимал, что идет на поводу своих людей, их же самих и подвергая опасности. Но кузнеца было жалко, особенно его семью. Тем более задание требовало с ним встретиться.

– Лада, – после недолгих размышлений Александр снова обратился к Ладе, – как думаешь, если профи узнают, что я в тюрьме, пойдут туда?

– Они должны любой ценой настичь цель и принести доказательства выполненной работы.

– Какие?

– Голову жертвы.

– Значит, пойдут?

– Да. Ты хочешь, чтобы я им сказала… – Лада заулыбалась. – Чудесная идея! Точно побегут, особливо опосля того, как я им открою, что ты убил уже троих…

– Нет, нужно пустить слух по городу и позаботиться, чтобы он дошел до нужных ушей.

– Это слишком долго. Я сама отыщу их и скажу. Мне поверят и возьмут с собой. Ой, смотри, какая странная птица в окно стучится, – округлила глаза Лада.

Еремеев оглянулся.

– Отставить. Мало тебе приключений у кикиморы? – повернувшись, он понял, что говорил со стеной, поскольку Лада, обманув командира, бесшумно покинула комнату. – А ты чего лыбишься?! – «Купец» разозлился на Радима.

– Жду задания, командир.

– Ты Крашен хорошо знаешь?

– Бывал здесь с отцом раза три. С тех пор вроде ничего не изменилось.

– Тогда скажи, как к местной тюрьме лучше подобраться?

– Со стороны озера. Только нужна веревка с крюком, и стражу отвлечь неплохо бы.

– Вот и топай на базар, купи все необходимое, а то сидишь тут без дела, зубы скалишь.

– Уже убежал.

«А ведь утро обещало быть добрым. И вдруг – нате вам! Все пошло не так! На кого бы еще наехать? Прямо зла не хватает! А ведь собирался одежкой заняться, раз уж в доме у портного оказался. Плевать на все! Пойду и займусь. Хочу внутренние карманы на зипуне. Вроде хозяин дома».

К обеду вернулись все. Радим не только купил крюк и веревку, но и договорился об аренде лодки. Следом пришел ветеран. Знакомый сторож рассказал ему, что три дня назад ночью в местную каталажку действительно кого-то притащили, причем ему послышался детский плач. И последней вернулась Лада.

– Я их нашла. Злые, как зверюги. Когда услыхали, что ты сгубил не токмо двоих из моей тройки, но и их подельника, тотчас восхотели двигать к тюрьме. Что тебя там как самого опасного душегуба держат, уверовали с ходу. Высмеяли мою одежку, но с собой берут, чтобы стражников отвлекала.

– Кстати, русских в застенках много, поэтому в охране только люди Тадеуша, – добавил ветеран. – Боятся, сволочи, что наши не станут томить в неволе своих.

Поскольку выездной суд с охраной отбыл в Смоленск, стражников в тюрьме было чуть меньше, чем обычно. Как разузнал Буян, за неделю Тадеуш вызвал к себе двоих ближников, с каждым из которых отправилось по пять преданных бойцов. В результате в Крашене оставалось чуть больше двух десятков воинов-поляков. За тюрьмой присматривали шестеро из них.

«Неужели Тадеуш так жаждал моей смерти, что вызвал подмогу? Ну, Никита, ну молодец! Вроде простой парень, а как умудрился насолить важной персоне. Тадеуш даже в вече пролез, а на мне оступился». – Еремеев внутренне радовался наметившемуся раскладу, хотя не был уверен в успехе предстоящей операции.

На листе нарисовали упрощенную карту местности в районе тюрьмы и обсудили действия всех групп. Первыми шли Лада и профи, за ними издали должен был присматривать Буян. Последними подключались к операции Еремеев и Радим. Три часа

обсуждений пролетели незаметно.

– Мне пора, – первой оторвалась от бумаг Лада. – Нельзя опаздывать, это может их насторожить.

– На рожон не лезь! Узнаю, что начнешь геройствовать, – лично отшлепаю!

– Командир, я присмотрю за племяшом. – Ветеран ушел чуть позже.

– Ну что? Пора и нам на рыбалку? – проверил снаряжение Александр. – Интересно, тут ночью рыбу кто-нибудь ловит?

– После наступления темноты в озере просыпается такая рыбка, что я бы никому не советовал даже руку в воду опускать – откусит по локоть, – ответил Радим, пряча веревку с крюком в торбу.

– Тоже зверюги? – спросил Еремеев.

– Просто мутанты. Говорят, здешний колдун хотел новый вид рыбы вывести.

– И ему это удалось?

– Ага. Самого волшебника схарчили первым, позже – еще пару человек. С тех пор в озере никто не купается даже днем.

Глупость людская безгранична! Правда, всегда почему-то считаешь, что это относится к кому угодно, но не к тебе, умненькому-благоразумненькому. Ну с чего я решил, что разработанная операция безупречна?! Да, пока рисуешь на бумаге, кажется, учтено все, а как дойдет до дела…

Еремеев сидел на полу сырой камеры и клял себя последними словами. И было за что.

Подплыв со стороны озера к стене тюремного здания, они решили забросить веревку с крюком на зубчатые выступы крыши серого строения. Казалось бы – чего проще? Но нет, судьбе было угодно, чтобы крюк угодил в маленькое окошко, да еще проник сквозь решетку. Наверняка, если бы Радим специально целился, ни за что бы не смог повторить подобный трюк. А главное, требовалось освободить их единственное подъемное средство. Досадуя на себя, метатель дернул за веревку и вырвал решетку, которая прогрохотала по крыше и с оглушительным всплеском упала в воду.

«Надо было сразу давать сигнал отбоя и улепетывать со всех ног, так нет, положился на пресловутый «авось». Даже в голову не пришло, что враг мог затаиться и выжидать удобного момента, – продолжал заниматься самобичеванием Александр. – Мы еще и обрадовались, когда со второго раза удалось зацепиться за крышу. И ладно бы дождался, пока Радим взберется. Сразу вдвоем полезли, дабы время зря не терять. Вот тут нас и встретили».

Три человека высунулись из-за стены и начали стрелять. Амулеты не позволили пробить защиту, и тогда охранники принялись резать веревку. Пришлось срочно протискиваться в то самое окошко – попадать на корм местным рыбам очень не хотелось. Едва успели.

– Хороши мы с тобой. Хотели насолить негодяю Тадеушу – и так нелепо подставились. Остается лишь надеяться, что Ладе и Буяну повезет больше. Обидно будет преподнести подарок ляхам.

– Никита, пусть токмо попытаются войти! Перестреляем.

Еремеев не сразу понял, что обращаются к нему, поскольку уже начал привыкать к имени Данила.

– Думаешь, они дурни? Три дня еды не дадут – и нам крышка.

«Как ни странно, но рассчитывать приходится на профи, которым нужна лишь моя голова, причем отдельно от тела».

– Никита… – раздался сиплый голос от противоположной стены. – Подойди.

– Кто здесь? – Александр выхватил револьвер.

– Не бойся.

Еремеев двинулся на голос, стараясь в полумраке рассмотреть говорившего. Звон цепей подсказал, что он у цели.

– Извини, ничего не вижу, – остановился Александр.

– Тадеуш тебе враг?

– Да.

– Тогда поклянись спасением души, что выполнишь мою просьбу.

– Могу поклясться, что приложу для этого все силы.

– Хорошо, клянись.

Еремеев произнес почти такие же слова, что недавно говорила Лада. Хотя он и сам не понимал зачем. Почему-то сейчас это казалось важным.

– Наклонись. – Голос уже был едва различим.

Александр выполнил просьбу. Ему, наконец, удалось рассмотреть смутные очертания человеческого лица.

Закованный в цепи узник прошептал несколько слов.

Если бы Радим мог видеть в темноте, его бы поразило, как расширились глаза командира и отвисла челюсть. Несколько секунд Александр пытался осмыслить услышанное.

– А ты уверен? – попытался уточнить Еремеев, но до слуха лишь донесся тяжелый вздох незнакомца. Весьма подозрительный. Попробовал нащупать пульс. – Похоже, отмучился.

– Кто это был? – спросил Радим.

– Он не назвал своего имени, – рассеянно произнес командир.

Снаружи раздались выстрелы.

– Очень надеюсь, что это по нашу душу, – произнес Александр.

– Профи?

– А кто еще знает, что я сейчас в тюрьме? Даже наши считают, что мы с тобой на крыше. По-моему, идут.

Шаги затихли напротив их двери, и «пленники» заняли позиции по обе стороны от входа.

– Говоришь, здесь находится самый опасный душегуб? Ничего не путаешь?

– Вот вам крест, панове. С него приказано не снимать цепей.

– Мы и не будем, нам понадобится всего лишь его голова. А ты больше не нужен.

Раздался сдавленный крик, после чего в замочной скважине заскрежетал ключ.

– А девка неплохо со своей задачей управилась, не находишь? – спросил один из них.

– Все равно под нож. А то ведь нас на смех подымут – дескать, без помощи сопливой девчонки справиться не могли.

Дверь наконец-то открылась.

– И где он? – внутрь вошел мужчина с факелом. Он сделал пару шагов, а вот второй за ним не спешил.

Профи был уверен, что нужный человек прикован цепями и не несет угрозы, однако все равно держался настороже и быстро почувствовал опасность. Это едва заметное изменение в поведении уловил Еремеев и тут же открыл стрельбу из револьвера. К нему присоединился Радим.

Пару выстрелов амулет вошедшего выдержал, остальные пули угодили в цель.

«Надо второго валить, но как? Если стоит за дверью… Хотя драпает небось со всех ног. И это скверно. Теперь он будет вдвое осторожнее…»

– Командир? – раздался негромкий голос ветерана. – Ты здесь?

– Да.

– Можно выходить. Я тут одного поджидавшего приголубил.

В тюремном коридоре лежал пронзенный арбалетным болтом профи.

Глава 7
Двойной долг

К сожалению, не всегда можно заранее просчитать последствия своих действий, особенно в новом для тебя мире. Еремеев совершенно не ожидал, что освобожденных окажется так много и все они пожелают уйти из Крашена вместе с ним, даже несмотря на темень вокруг.

«Ну да, а куда им еще деваться? – размышлял Александр. – Кого-то посадили за долги, кого-то – за плохие слова в адрес пана Тадеуша, а некоторых вообще за измену, как того же Карпова. Мужик уже мысленно с жизнью простился, зная – что бы он ни рассказал ляхам, конец один. Да и семью бы не пожалели, в лучшем случае – увезли бы на запад в рабство к панам».

В заметно пополнившемся отряде Еремеев насчитал восемнадцать человек, включая двоих детей Карпова, его жену и двух девушек, которых записали в ведьмы и собирались сжечь, если только пан Тадеуш не помилует их лично.

«У них тут колдуны и маги разгуливают абсолютно спокойно, а ведьмам, значит, полный абзац?! Настоящая дискриминация по половому признаку. Да и не верится как-то, что эти юные дамочки умеют колдовать, – задумался Александр, остановив взгляд на стройных красавицах. – Наверняка приглянулись кому-то из стражников, да обломилось».

От тюрьмы до городских ворот прошли почти без происшествий. К освобожденным подходили местные, что-то тихо говорили, передавали какие-то вещи… Стража на выходе не стала чинить препятствий, когда заметила несколько стволов, направленных в их сторону.

За воротами отряд остановился. Дальше начинались опасности другого рода, и требовалось решить, как их преодолеть.

«Стоило бы научиться просчитывать свои действия хотя бы на несколько шагов вперед. – Еремеев почесал затылок. – Никакой подготовки к походу. Понятия не имею, как эти люди себя поведут, если какая напасть случится». Он осмотрел освещенных факелами «бойцов».

Хозяйство заметно разрослось. Две телеги – одна из Троицкого, вторая из тюремного – двора были загружены трофеями и пожитками, собранными на скорую руку жителями Крашена. Люди быстро узнали о нападении на тюрьму и освобождении родных и знакомых. Беглецам собрали кое-какую

еду и одежду. Теперь ко всему этому имуществу следовало приставить надежного и уважаемого человека.

Александр нашел кузнеца Евсея Карпова:

– Тебе привет от Никанора. Он сказывал, ты умелец казацкие шашки ковать. Нет одной на продажу?

– Вон оно как? – усмехнулся зрелый мужчина, оценивая взглядом семнадцатилетнего парня. Он, как и многие, считал, что командует здесь Буян. – Не успел ты, мил-человек, последнюю три дня назад продал.

– Ладно, обойдусь без нее. А дело, о котором Никанор мне говорил?

– Нет больше дела. Сгинуло, поди. Думаю, в Смоленске гнилой человек завелся. Наших за один день пятерых схватили, пытать собирались. Хорошо, палач неделю назад укатил за хозяином, видать, там он нужнее.

– Раз дел нет, тогда переходишь под мое начало. Ставлю тебя старшим над местными. Телеги и лошади тоже в твоем ведении. Вопросы есть?

– Нет.

– Тогда у меня будут. Как предлагаешь отсюда выбираться?

– Надобно идти по южному тракту, – предложил Карпов. – Он малохожен, и уж точно ляхи по нему из Смоленска двигать не будут. И крюк немалый, и дорога в разы хуже.

– А тут что, зверюг нет? – тихо спросил у него Еремеев.

– Немного. Пока до полной луны далече, вряд ли набросятся на большой отряд. И у нас есть чем их отпугнуть. – Он сжимал в руках двустволку. – Опять же лес тута близенько.

Александр с первого дня отметил пристрастие местных к двуствольному оружию. Пистоли, ружья… Даже пушки – и те почему-то имели два ствола. Орудие он увидел за оградой тюрьмы, где они наткнулись на небольшой арсенал. Очень хотелось взять пушку с собой, но Еремеев обуздал жадность, он ведь не собирался воевать. На складе оружия разжились тремя двустволками, пятью арбалетами да пистолей взяли шесть штук, обобрав убитых охранников. Ничего забирать не стали только у профи. Кроме денег.

– Ты собираешься всех вести в Смоленск? – спросил кузнеца Александр.

Еремеев принял на себя ответственность за людей, а потому хотелось быстрее вернуть их к нормальной жизни. Он понимал, что до сих пор ему несказанно везло, но накатывало стойкое ощущение, что удача вот-вот покинет, ведь она нужна не только ему.

– По пути будет несколько деревушек, думаю, кого-то из

горожан можно будет оставить там, а кто-то и до Смоленска отправится, – ответил Карпов. – Там на окраинах есть где спрятаться. Жизнь несладкая, но лучше, чем ожидать палача в тюрьме Крашена.

– Хорошо, показывай дорогу.

Пару раз к отряду подбегали небольшие стайки шакалов, но нескольких выстрелов хватило, чтобы их отпугнуть. Еремеев по-настоящему удивлялся тому страху, который испытывали местные перед так называемыми зверюгами. Ладно еще перед крупными, но чем могли угрожать мелкие?

Вскоре люди вошли в лес и там зажгли все факелы, которые успели прихватить. Света хватило, чтобы различить местами заросшую травой дорогу, по ней и двигались.

«Зверюги, зверюги… Подумаешь, мелочь зубастая. Замахнулся – и прочь побежала. А тут мало того что волк или медведь выскочить может, так еще и нежить лесная шастает». Александр мысленно бурчал, прислушиваясь к окружавшим его звукам. Близкое знакомство с медведем произвело на него неизгладимое впечатление.

Уханье совы, треск сучьев и глухое отдаленное рычание сопровождали путников с первых шагов по чащобе. Липкий страх медленно и уверенно заползал в души бывших узников, однако никто не просился обратно. И вдруг все факелы разом погасли, а прямо по курсу возник мерцающий огонек.

«Похоже, наша удача ушла в отпуск. Очень не вовремя. Как-то тоскливо тут без света. Пойти, что ли, взглянуть, кому там дома не сидится? – Александр двинулся дальше, отметив, что за ним никто не последовал. – И куда тебя, Сашка, к лешему несет? Уж местные-то наверняка знают, что впереди опасность. Хотя не торчать же здесь до утра?!»

Вскоре Еремеев разглядел длиннобородого невысокого старичка, сидевшего на большом камне у костра.

– Доброй ночи, дедушка.

– Для кого она действительно добрая, а для кого и последней стать может, – без каких бы то ни было эмоций произнес дедок.

«Намек явно недвусмысленный. Одно вселяет надежду: может стать, а может и нет…»

– Очень надеюсь, что сказанное не про моих людей. Они мне доверились, не хотелось бы огорчать.

Бородатый несколько секунд молча изучал парня. Потом так же равнодушно произнес:

– Может, речь и не о них, то от тебя зависит. Скажи, ты у моей подруги на болоте третьего дня был?

«Ну да, только вспомнил про лешего – и вот он, нарисовался.

Не стоило так громко думать в темном лесу».

– Заходил ненадолго, – ответил Александр. – Случайно.

– Случайно ты от нее живым ушел. И это меня малость занимает.

– Она сама попросила уйти. Не мог же я отказать в просьбе даме?

«Надеюсь, он не ревнует? Мне только для полного счастья не хватало оказаться в любовном треугольнике с лешим и кикиморой. Даже сказать ему опасаюсь, насколько леди не в моем вкусе».

– Про лосиху небылицу сказывал? – спросил старичок.

– Было дело.

– Зачем на животину напраслину возвел?

«Он ищет повод для наезда или действительно не терпит, когда его подопечных оскорбляют?»

– На то она и небылица, что в ней ни слова правды нет. Тут ведь главное – собеседнику приятное сотворить, настроение поднять.

– Ну да, ну да, – задумчиво произнес дедок. – Она потом целый день обхохатывалась. Даже забыла за тобой омутника послать.

– Это еще кто такой?

– Шутник тамошний. В любой болотной тверди способен омут создать. Я сам пару раз попадался. Вроде идешь по хорошему насту – и бах, с головой в жиже. Потом долго из ямы выбираешься, а она еще подкрадется и подглядывает, похихикивая.

«Хм… У каждого свои шутки и приколы, но живому человеку их точно не выдержать».

– Какая она у вас, однако, потешница! – вымолвил он.

– Во-во, потешница и есть, а я все слова не мог подобрать нужного, только бранные и выскакивали. А она сразу обижается – тонкая натура. Приходится ей в карты проигрывать для поднятия настроения.

– С женщинами всегда непросто.

– То верно. – Старичок тяжело вздохнул. – Так ты, говоришь, огорчать своих людей не желаешь? Что ж, в том помочь можно. Но сперва ты мне настроение улучшить должен. Небылицу хочу про болото. Ведаешь?

Вспомнить удалось только одну, про лягушек, но Александр тут же принялся менять персонажей.

– Про русалок пойдет?

– Валяй.

– Встречаются две хвостатые, – начал Еремеев. – Одна

говорит: «Вчера была на соседнем болоте. Там такой разврат, такой разврат, ужас!» – «Не может быть!» – восхищенно восклицает вторая. – «Точно тебе говорю! Сегодня опять пойду!»

– И где такое болото? – Старичок даже привстал – похоже, собирался немедля отправиться по нужному адресу.

– Так то ж небылица!

– Эх… – разочарованно вздохнул бородатый. – Это вроде грез? Чего хочется, а достичь неможно? – Он снова опустился на камень. – Сам небось ведаешь – русалки токмо с виду ладны, а как до дела дойдет… Рыба – она рыба и есть! – Старичок разочарованно махнул рукой. – Ладно, историей ты меня уважил, но этого маловато будет, чтобы позволять людям ночью по моим угодьям расхаживать. Сделаем так: по этой дороге я, так и быть, топать вам дозволяю. За то будешь моим должником значиться. Лады?

«Спрашивает, будто у меня есть выбор!» – мысленно возмутился Еремеев и ответил:

– Договорились.

– Вот и славно. – Дедок исчез вместе с костром и камнем, зато у людей, остававшихся за спиной Александра, снова загорелись факелы.

«Пообщались, называется. Чего он хотел? Сообщить, что я ему теперь должен? Что именно? Если он в лесу самый главный, то какого лешего… Так, спокойнее, а то еще подумает, будто я соскучился, и снова заявится», – размышлял Еремеев, возвращаясь к своим.

– Ну как? – не выдержал Радим.

– Он сказал, что нам дозволено идти по этой дороге.

– Я же говорил – наш командир с любой нежитью договориться сумеет.

Напряженная тишина моментально развеялась. Приготовившиеся к худшему люди облегченно загомонили и тронулись в путь.

«Безграничная вера в начальника – вещь, конечно, неплохая, но всему есть предел. Эдак он решит, что мне любая проблема по плечу, и сам ничего делать не станет. Надо будет втолковать: на начальника надейся, а сам не плошай».

– Радим, скажи, что значит быть должником у лешего? – Александр решил воспитательную беседу отложить на потом, а сейчас прояснить вопрос, терзавший после беседы с дедком.

– А какой долг он на тебя повесил?

– Просто объявил своим должником.

– Открытый долг? – задумчиво произнес парень. – Плохо. В любой час может появиться и заставит отдать.

– А вдруг у меня с собой денег не окажется?

– Думаешь, ему деньги нужны? Нет, потребует что-нибудь сделать эдакое… и лучше ему не перечить.

– Даже если прикажет повеситься? – грустно улыбнулся Александр.

– Зачем ему это? Убить тебя он и сам может. Есть кое-какие вещи, нежити недоступные.

До утра больше никто не тревожил. Уставшие люди шагали в полной тишине, нарушаемой только поскрипыванием колес да тяжелым топотом лошадей.

С первыми лучами проснулись птицы, и идти стало веселей.

Еремеев немного расслабился и припомнил свой разговор с узником. Его просьбу он запомнил хорошо, но поразило другое. Сначала выяснилось, что так и не представившийся пленник ждал человека по имени Никита, но, прощаясь, сказал: «Христом-Богом прошу, выполни мою просьбу, Еремеев-сан…»

«Я бы еще понял, если бы он назвал меня Еремеевым сыном. Хотя откуда ему знать имя отца Никиты, если даже я его не знаю? Но это его «сан»… Вообще показалось, что он хотел сказать Сан Саныч. Друзья в том мире меня так и звали. Это даже не колдовство, а мистика какая-то!»

Александр заметил, как вперед по дорожке убежала Лада. Хотел было остановить, но не стал кричать, опасаясь разбудить спящих в повозке детей. Опять же, вдруг она по нужде отлучилась?

«По-хорошему я бы сам должен был позаботиться о разведке. Все-таки идем по неизвестной местности. Мало ли кто здесь может шляться? Может, Буян позаботился? Повезло мне с ним, опытный воин. Да и Карпов не промах, умеет с людьми ладить. Выходит, у нас разделение? Ветеран занимается делами военными, кузнец – гражданскими, на Радиме финансы. А я? Раздаю команды? Неплохо устроился! Если учесть, что Никите всего семнадцать, то прекрасный карьерный рост получается: купец, специалист по разборкам с нежитью…»

Где-то через час-полтора вернулась Лада. Выглядела она встревоженной.

– Евсей, привал! – отдал приказ кузнецу Еремеев. – Буян, Радим, за мной!

Они направились к запыхавшейся разведчице.

– Там татары, восемь всадников. Полон за собой тащат – десять парней и три телеги добра.

– Что делать будем, соратники? – спросил Александр, заранее зная ответ.

– Татарам укорот, нашим свободу! – выпалил Радим, не

задумываясь.

– Их всего восемь? – недоверчиво переспросил ветеран, сдвинув брови к переносице. – Басурмане по нашим краям меньшим числом, чем с полсотни, не промышляют.

– Могли в деревне остаться, – задумчиво произнес Еремеев. – Лада, сколько им еще сюда топать?

– Минут десять.

– Укорот так укорот, но зарубите себе на носу: ни один враг уйти не должен и наших уберечь надо. Буян, твои предложения?

Заметив впереди две груженые телеги, всадники поспешили к легкой добыче. Как и предполагал Буян, с пленниками оставили всего двоих. Ветеран разрядил парочку арбалетов, и это послужило сигналом к стрельбе тем, кто притаился по обеим сторонам дороги.

Практически все пули и стрелы нашли свои цели, но одному степняку все-таки удалось выскочить невредимым из дымовой завесы, возникшей после выстрелов. Он понесся прямо на Александра, шедшего перед телегой.

Когда лошадь буквально выныривает из плотного облака и мчится на тебя, трудно сохранить хладнокровие и точно прицелиться в стремительно приближающуюся мишень. Александр видел большие глаза скакуна, перекошенный в злобе рот всадника, его занесенную саблю. Казалось, Еремеев застыл в ступоре и не может сдвинуться с места…

Три выстрела слились в один, когда до цели оставалось рукой подать. Всадник вздрогнул, его клинок так и не опустился на голову стрелка, а вставшая на дыбы лошадь сбросила тело на землю.

«И зачем я тянул время? Хотел, чтобы, как в голливудском фильме, спасение пришло за миг до смерти? Пришло. И кому это надо? Моим нервам? Ну да, теперь от подчиненных нужно скрыть дрожь, которая терзает, как последнего алкаша».

Дым развеялся, и мужчины принялись собирать трофеи. Особенно радовались лошадям, которых можно было хорошо продать в том же Смоленске.

– Стоять там! Не идти!.. – Визгливый вопль заставил вздрогнуть. – Шайтан вас всех забрать. Я ей горло резать! Не идти ко мне!

На последней повозке обоза, тянувшегося за пленниками, стоял длинноусый мужик в отороченном мехом колпаке и прижимал к себе связанную девушку, приставив к ее горлу кинжал.

«Что ж такое! Опять кого-то просмотрели. Ну да, только

уверуешь, что все обошлось, – и тут тебе подкинут нежданчик».

– Дядя Евсей, можно я с ним поговорю? – попросила одна из тех девушек, которых собирались сжечь на костре.

– Попробуй, Горислава, – кивнул он.

– Кузнец, с ума сошел? Что у нас, мужиков нет?! – возмутился было Еремеев, но Горислава уже начала разговор:

– Эй, басурманин, у вас все такие или токмо ты один за спины женщин прячешься?

– Глупый баба, языком болтать нет. Звать главный. Иначе она секир-башка.

– Ты меня дурой назвал? Я ведь и обидеться могу! – Девушка сказала это с явным вызовом.

– Мне на ты плевать. И на она плевать. Быстро звать сюда главный этот сброд, иначе я резать горло.

– Плевать на меня? Да кто ты такой, сморчок плюгавый?

– Я мурза Аббаз, правый рука хан Кичи. Ты быть моя раба уже сегодня.

– Меня в рабство? А не перебьешься, старый хрыч? Меня так просто не связать, а рука у меня тяжелая.

– Я терять терпений. Буду резать горло сначала она, потом ты.

– Заладил одно и то же! Да не сойти мне с этого места, ежели ты – Аббаз, правая рука хана Кичи. Сам себе горло сейчас и перережешь. Тьфу на тебя!

– Ты куда идти?! Я не все сказать, глупый баба. – Мурза подался вперед, не ведая, что одно колесо телеги зависло над рытвиной. Под весом басурманина оно стало опускаться, и он, пытаясь сохранить равновесие, замахал руками. Пленница, почувствовав, что кинжал ей больше не угрожает, сразу боднула Аббаза головой, и он свалился, умудрившись при приземлении проткнуть собственное горло.

– И что это было? – Александр переводил взгляд с кузнеца на Гориславу.

– Ему не стоило обзывать эту девушку, – спокойно ответил Карпов.

– Волшебница?

– Нет. Просто с небольшими особенностями.

– Это у нее дар такой? – не унимался Еремеев.

– Дар или проклятие – сложно понять, но девка хорошая. Зла от нее никто не помнит.

«Если это зло убивает, то кто же запомнит? Теперь хотя бы ясно, почему ее хотели сжечь».

Тем временем отряд занялся освобождением пленных. Ветеран подозвал к себе нескольких парней и принялся их

расспрашивать. Александр окинул взором поле недавней битвы. Решив, что его вмешательства не требуется, продолжил беседу:

– А вторая?

– Сестра ее? То Мирослава, вот у нее действительно дар, – сообщил Карпов. – Только для его проявления девушка должна быть счастлива.

– Тяжелая задачка. Особенно при нынешней «веселой» жизни. И что тому достанется, кто ей подарит счастье?

– В детстве Мирослава таким здоровье поправляла, удачу притягивала. Ребенка счастливым сделать легко: дал пряник, по головке погладил. А нынче… уж лет пять как ее дар не проявлял себя.

– Командир, этот Кичи повел полсотни всадников на Троицкое, – доложил подошедший Буян. – К вечеру они будут там. Степняки уже знают, что в деревне нет волшебника и им некого опасаться.

– Час от часу не легче! Откуда ты узнал?

– Парни поведали, коих мы из полона вызволили. Они из той деревни, куда мы шли, – ответил ветеран.

– А куда этот мурза тащил полон?

– В Крашен. Его хан давно с городскими властями дружбу водит. Рабов продает, награбленное сбывает.

«И здесь пан Тадеуш наследил. Прямо вездесущий лях получается. Куда не кинься, а он и тут место пометил! Как бы мне скорее понять, чем ему моя жизнь опасна? Может, ответ где-то рядом?»

– В деревне кто-нибудь из татар остался? – спросил Еремеев.

– Ушли все. Еще раньше, чем полон увели. Хорошо хоть избы жечь не стали и частокол не порушили, видимо, Тадеуш запретил. Хочет и эту деревеньку к рукам прибрать, – нахмурил брови Буян.

– Мы сможем в Троицкое попасть раньше степняков?

– Только напрямую через лес, верхом. Но тут заблудиться – раз плюнуть, даже ежели леший вмешиваться не станет. А ведь он только по дороге нам идти разрешил.

«Это не Тадеуш, а какое-то проклятие на мою голову! – мысленно возмутился Александр. – Проклятие?»

– Евсей, скажи, – обратился он к кузнецу. – Ежели Горислава пожелает, чтобы я немедля с лешим встретился, – сбудется?

– Ты хочешь ее обидеть? – Глаза кузнеца полезли на лоб.

– Нужно для дела. Собираюсь Тадеушу еще один сюрприз организовать. Совсем ведь гад распоясался, русскому люду проходу не дает.

– Ладно, переговорю с ней. – Кузнец отправился искать девушку.

– Буян, надо отобрать бойцов, кто может ездить верхом и стрелять. Ежели у меня все получится, прибудем в Троицкое раньше татар и устроим им горячую встречу.

– Добре, командир. – Ветеран усмехнулся в бороду. – Людей отберу лучших.

«А вдруг не справимся? И этих загублю, и тех не уберегу, – заполз в сознание червячок сомнения. – Ищу оправдание, чтобы не нестись сломя голову? Не стоит этого делать! Там ведь не только люди, а еще и моя будущая собственность в виде избы. А купец должен оберегать вложенный капитал, иначе по миру пойдет!» – Еремеев нашел «достойное» оправдание тому, что намеревался сделать.

– Это ты меня обижать задумал? – подошла Горислава. В ее глазах играли озорные огоньки.

– Есть такое желание.

– Тогда пойдем, ежели не боишься. – Ведьма усмехнулась, перекинув косу на другое плечо.

– Куда?

– В лес, знамо дело. Не на людях же.

«Интересно, как она мыслит процесс нанесения обиды?» – следуя за ней, пытался прикинуть Еремеев.

– Стой тут, – приказала Горислава. Сама отошла на пять шагов и тоже остановилась. – Теперь смотри мне в глаза и начинай. С места сходить не надо, а то накроет с лихвой.

– Чем?

– Проклятием.

«Легко сказать – обидеть. Вот стоит перед тобой черноокая красавица, смотришь ей в глаза, и они затягивают, как в болото. Про такую стихи слагать хочется, а мне нужно ей гадости говорить».

– А платьице у тебя не того… Полнит малость, – начал он.

– Так ведь это и хорошо, а то все худышкой зовут.

«Так, не угадал. Полнота здесь – признак здоровья. Чего еще?»

– Раз зовут, значит, так оно и есть. Скажи, а тебя за что сжечь хотели?

– Боятся меня люди. Наши хотя бы знают, что я лишь на худого человека могу проклятие наслать, а пришлые – те привыкли беду нести, а ответ держать не желают.

– А сестру тоже боятся? Она вроде краше тебя будет. – Александр попробовал прощупать другую обидную тему.

– Мира краше?! Да ты ее плохо рассмотрел! У сестры и нос длиннее, и губы бледнее, и грудь меньше.

«Похоже, наступил на больную мозоль… Ну да,

соперничество не только между братьями бывает, у женщин оно всегда гораздо жестче».

– Зря ты на нее наговариваешь. И ничуть ее грудь не меньше. Наоборот, я как на вас обеих глянул, так ее сразу выделил. Познакомишь?

– Еще чего! Если слепой и не видишь сам, то мне зачем утруждаться сводничеством?

– Завидуешь ее красоте? Оно и понятно.

«Чует мое сердце, Горислава обиделась. Только бы не перепутала чего в проклятии, а то пошлет к чертовой бабушке или еще куда подальше!»

– Да что тебе понятно?! Вы все только и ждете от нее дармового подарка, а меня и замечать не хотите из-за моего дара. Что, скажешь не так?

– Конечно не так, это я тебе говорю, как мужчина, повидавший немало красавиц на своем веку. Мирослава – она…

– Ни черта ты в женщинах не понимаешь, мужчина, повидавший на своем веку немало красавиц! Чтоб тебе с лешим повстречаться, не сойдя с этого места!

– Спасибо. – Еремеев поклонился. – Извини, ежели наговорил лишнего.

– Так ты… Ой, а я… Погоди, погоди. – Она остановила попытавшегося сдвинуться Александра. – Ни шагу. Дай мне уйти сначала.

– Хорошо. – Еремеев пожал плечами.

Ведьма удалилась, а он остался, глядя по сторонам в ожидании старичка. Тот на встречу не торопился.

«И где его носит? Или ее проклятие на меня не подействовало? Хотя оно ведь на лешего должно повлиять? Или меня к нему притащит, если сойду с места? Надо попробовать».

Еремеев поднял ногу.

– Опять ты? – раздался знакомый голос со спины. – Ты как тута оказался? Погодь, это не тебя, а меня занесло незнамо куда. А ведь подружка говорила, ты силен. Чего удумал, сознавайся?!

– Помощь нужна.

– Тебе? Да при такой силище…

– Мне требуется срочно перебросить отряд в Троицкое самой короткой дорогой. Без тебя никак.

Леший смотрел на Александра с явной опаской – не ожидал он, что человек с такой легкостью сможет притянуть хозяина леса к себе.

– Будто сам этого не можешь?

– Могу, но это твои владения, поэтому и прошу помощи.

– Допустим, я тебе помогу, а взамен чего? Неужто, думаешь,

задарма? – Старичок не желал упустить своего.

– Буду два раза тебе должен, – спокойно ответил Еремеев.

Раздумывал дедок недолго:

– На конях по лесу пойдете?

– Да. Нам бы к ужину поспеть, а лучше – еще раньше.

– Ладно, – кивнул леший. – Лошадок не понукай, сами путь найдут. Но с тебя теперь два долга.

– Договорились.

«Пожалуй, становлюсь крутым переговорщиком с местной нежитью. Свел знакомства с кикиморой, с лешим. Кто там у них еще на очереди?»

Глава 8
В наем

До Троицкого добрались часа за три.

Сначала Еремеев с интересом наблюдал, как скакуны сами находят дорогу среди зарослей и бурелома, попадавшихся на каждом шагу, потом все мысли сползли к тому месту, которое соприкасалось со спиной лошади.

«Это же пытка в самом изощренном виде! Я потом наверняка сесть не смогу – вместо пятой точки будет одна сплошная мозоль!»

Заметив наконец впереди знакомые дома, Александр мигом соскочил с коня. Его примеру последовало несколько человек. Если бы не сидевшая впереди Лада, он бы еще в лесу спешился и побежал следом. Впрочем, в этом случае наверняка бы стер ноги.

Буян собрал одиннадцать бойцов, которых лично разместил на конях, худых усадил по двое. Огнестрельного оружия взяли по максимуму, оставив Карпову одну двустволку и два пистоля. Кузнец по приказу Еремеева повел людей дальше в деревню, хотя и порывался отправиться сражаться с татарами.

«Какое счастье пройтись пешком по земле! Надо было Мирославе поехать с нами, а потом помочь ей слезть с коня. Она однозначно бы испытала блаженство и наверняка одарила первого встречного неимоверной удачей. Нам бы такая сейчас пригодилась, – размышлял Александр, наслаждаясь пешей прогулкой. – Степняки – искусные бойцы, они этим всю жизнь занимаются. Нам придется сильно постараться, дабы не пустить их в деревню. Еще б знать, кто из моих действительно умеет стрелять, а кто лишь думает, что умеет».

– Буян, сколько у нас хороших стрелков?

– За троих могу ручаться, они прошли подготовку. Еще двое неплохо держат оружие. Остальные – из охотников, им сподручнее стрелять из луков. Мы прихватили с собой татарские.

«А ведь я даже не подумал об этом, спасибо Буяну. Надо будет еще лучников в Троицком собрать».

Местные заметили всадников. В деревне поднялась суета, но вскоре кто-то опознал давешнего благодетеля, и к нему поспешил сам староста. Встретил с поклоном:

– Рады приветствовать тебя, Данила-купец. Ты, никак, лесом к нам добирался?

– Пришлось, Зван. С недобрыми вестями я пожаловал: к вечеру в Троицкое нагрянут татары, около полусотни

всадников. Нужно их достойно встретить. Со мной десять бойцов и много огнестрельного оружия, но мало хороших стрелков. В деревне сколько лучников наберется?

– Полтора десятка имеется. – Староста был встревожен, но не паниковал. Купец один раз помог деревне, и Зван не сомневался, что тот уже знает выход, ему только нужно немного помочь.

– Собери людей, надо успеть подготовить достойную встречу басурманам.

– Сейчас здесь будут все мужчины, способные держать оружие, – пообещал Зван.

«А мне надо с помощью Буяна правильно расставить людей. И почему я в свое время не изучал военное дело? Сейчас бы это сослужило хорошую службу. Ладно, стонать не будем. Книги читал, фильмы видел – должен суметь устроить засаду. Нам важно ошеломить противника и наподдать так, чтобы желание совать свой нос в эту деревушку пропало на долгие годы».

– Командир, – обратился к Еремееву Радим, – тут это… – Он дал понять, что лучше отойти в сторонку. Когда Александр выполнил просьбу, парень продолжил тихим голосом: – Лада опять куда-то умчалась. Она точно допрыгается со своей разведкой. Девчонка же совсем.

– Полностью с тобой согласен, война не женское дело. Но и ты пойми: лучше нее этого никто не сделает. Отправь я кого-то другого, он и предупредить вовремя не успеет, и сам погибнет, а чем это грозит, тебе объяснять не надо: поляжем все.

– Давай я буду разведчиком.

– Справишься лучше нее? Сомневаюсь – ее полжизни специально учили подкрадываться незаметно. А ты нужен на том месте, которое занимаешь.

– Деньги считать? Тоже мне, дело!

– Ты не представляешь, насколько оно важно. Войны выигрывают не только оружием, которое, между прочим, и само больших денег стоит, но и тугой мошной. Сколько у нас в казне?

Минувшей ночью Еремеев вверил Радиму все финансы отряда.

– Тридцать золотых, и трофеев на сотню наберется, если часть лошадей продать.

– Скажи, а сколько стоит наем хорошего воя?

– Отец как-то говорил, что опытный берет золотой в неделю. У нас таких денег не было, вот и нанимал плохоньких. А тем достаточно было по серебрушке в день.

В Смоленской республике ходили в основном польские деньги. Злотый приравнивался к пятидесяти грошам, а те, в свою очередь, менялись на тридцать медяков. В самой захудалой

харчевне за медяк можно было получить кружку квасу и миску овощной похлебки.

– Вот ты и покумекай на досуге, сколько нужно будет в день платить нашим бойцам, чтобы они на сторону не глядели.

– Ты дружину надумал собирать? Купцу сие запрещено. Только наем.

– А кому дозволено?

– Боярину или его доверенному лицу, – ответил Радим.

– Хорошо, пусть будет наем, потом разберемся.

«Надо бы узнать, как тут в бояре попадают. Может, пора в очередь записываться?»

К месту сбора начали подтягиваться мужики. Еремеев оставил задумавшегося помощника и поспешил к Буяну. Тому даже рогатину принесли, оставленную в деревне накануне.

Рогатинами были вооружены многие жители Троицкого – с ними селяне выходили против ночных тварей.

– Буян, пойдем совет держать, пока люди собираются. – Александр жестом подозвал и Радима, тревожно поглядывавшего на запад в ожидании разведчицы.

– Если не ошибаюсь, сильная сторона татарской конницы – осыпать стрелами и добить дезориентированного противника, – начал Еремеев.

– Это когда две армии в чистом поле сталкиваются. А тут набег. Незаметно подкрадутся и начнут грабить. Кто посмеет отпор дать, того убьют. Могут деревню спалить, ежели большие потери понесут, – стал объяснять ветеран.

– То есть всех налетчиков нужно уничтожить?

Буян молча кивнул в ответ.

– И засаду устраивать придется у них на пути. Ежели выйдут на открытую местность, у них все преимущества.

– С нашими бойцами так оно и есть. Я ведь парней на зверье натаскивал, против степняков они не готовы, – подтвердил ветеран.

«От леса до деревни метров триста будет. Как сказал кузнец, татары пойдут мимо болота. По той самой тропе, которой и мы добирались из Смоленска. И они-то вряд ли заглянут на огонек к кикиморе. Хотя леший мог бы и постараться для подруги своей ненаглядной, – размышлял Еремеев. – Тропа неширокая, пара всадников сможет рядом проехать, но не больше. Чует мое сердце – встречать их нужно там. Лес степняки не любят, а деревенские, наоборот, себя там вполне комфортно ощущают. Главное – в дебри не забираться и по ночам не гулять».

– Как думаешь, Буян, сумеем их в лесу подловить, как в прошлый раз? Я других вариантов не вижу.

– Если этот Кичи не дурак, он разъезд впереди себя пустит и боковым охранением озаботится. По крайней мере, когда болото закончится.

Александр помнил, что возле топей ни в коем случае нельзя сходить с тропки.

– Что предлагаешь?

– Наши хорошо по деревьям лазают. Имеем семь арбалетов, вот и отправим стрелков наверх по обе стороны от тропы. У кромки леса на лугу косарей поставим неподалеку от руин крепости, чтобы степняков разделить. Хан к парням наверняка отправит с десяток воинов. Трава нынче высокая, стрельнут пару раз и схоронятся. А в руинах можно пять мужичков разместить с пистолями, позиция справная. Опять же у косарей кроме луков и рогатины должны быть под рукой. Ну и заслон надо поставить перед деревней. Хан, когда поймет, что попал в засаду, скорее всего, рванет к домам.

– Почему так думаешь? Может и назад повернуть.

– Ежели ему время позволит. Коли явится перед самой темнотой, так ночевать в лесу не захочет. Им надобно засветло под защитой алтарных камней оказаться. И тут либо Троицкое, либо Смоленск.

Ветеран опять оказался прав. Примчавшаяся на взмыленной лошади Лада сообщила, что к деревне следует дозор из пяти всадников. Еремеев заметил обмотанные ветошью копыта ее скакуна, сообразив, что профи учат и конной разведке.

– Тебя не заметили?

– Я очень старалась, да они и не особо приглядывались. Уверены, что тут их не ждут.

Все люди уже были расставлены по местам. Староста, заметив косарей на лугу, усмехнулся:

– Кто же на закате траву косит?

– Те, кто не успел утром, – ответил ему Радим. – Степняки вообще не косят, так что не должны заподозрить подвох.

Прибытия незваных гостей ждали с нетерпением, и те оправдали ожидания.

Сначала на опушке леса показались пять всадников, но сразу поспешили спрятаться за деревьями. Татары спешились, и один, прячась в траве, пополз ближе к деревне, чтобы увидеть срежиссированную пастораль. Он вернулся к своим, и два всадника сразу двинулись обратно.

«Надо бы подзорной трубой где-то разжиться, или что тут у них вместо бинокля? Видимость из-за этого заборчика совсем слабенькая – щурясь, строил планы Еремеев. – Правда, я не

собираюсь все время в войну играть, но кому есть дело до моих чаяний!»

Наконец, пожаловал и сам хан с остальными бойцами. У кромки леса они сгрудились, о чем-то сговариваясь, после чего одна группа воинов направилась к косарям, вторая поскакала в деревню. Сам же главарь остался наблюдать за подчиненными вместе с десятком всадников. И тут настало время стрелков.

Почти сразу к ним подключились «косари» с татарскими луками и приданные им бойцы, вооруженные пистолями. Степняки изначально не собирались уничтожать живой товар, да и сопротивления совершенно не ожидали, а потому даже не успели воспользоваться своим главным оружием. Ни одной стрелы не полетело в сторону «сенозаготовителей».

Самым слабым звеном в обороне являлся заслон перед деревней, куда сейчас несся отряд из трех десятков всадников. Еще четверо во главе с ханом вырвались из-под обстрела в лесу и устремились следом.

Противостояли всадникам деревенские охотники, Еремеев и Радим. Степняки тут же осыпали защитников стрелами.

Невысокий деревянный забор, доселе припрятанный в траве, был поднят, как только степняки устремились к деревне, это уберегло защитников от первых залпов. Охотники также успели выстрелить по три-четыре раза, но поразили не больше десятка врагов.

– Рогатины к бою! – закричал Александр.

Забор ощетинился длинными двузубыми копьями, а это для лошадей было очень опасно. Враг попытался придержать скакунов и развернуть их. Несколько бедных животных не успели остановиться и с жалобным ржанием напоролись на рогатины. Всадники смешались в кучу, и можно было воспользоваться огнестрельным оружием ближнего боя. Радим и Еремеев не упустили такой шанс. Правда, помощник успел пальнуть лишь раз и получил стрелой в плечо. Александру повезло больше: он растратил все заряды и лишь после этого едва не угодил под вражескую лошадь.

«Неужели амулет Радима разрядился? – мысленно сокрушался он, судорожно пытаясь зарядить пистоль. Вот только стрелять больше не было необходимости: хан бросил саблю на землю, и трое оставшихся в живых всадников сразу прекратили отбиваться от наседавших крестьян.

К месту стычки подтянулись остальные участники засады. Показался староста.

– Зван, убитых похоронить, раненым оказать помощь. Радим, ты как?

– Навылет прошла. Ты посмотри: здесь вместо наконечника клык крылатого волка. – Он указал на пронзившую плечо стрелу. – А я еще удивился, почему амулет не сработал.

«У них тут вдобавок и волки летают?! Как же я мало знаю этот мир! Нужно поторопиться с ликвидацией пробелов в образовании, а то так и помру в неведении. Тьфу, не фиг на себя беду кликать, и так помощников и доброжелателей более чем достаточно!»

Очень не хотелось спрашивать о потерях, но Еремеев себя пересилил:

– Буян, скольких недосчитались?

– Одному не повезло, степняк саблей достал насмерть. Четверо ранены, должны выжить.

– Кто именно погиб?

– Один из тех, кого я против тварей натаскивал.

– Жаль парня. – Еремеев нахмурился.

– Войны без потерь не бывает, а у нас настоящая битва.

– Что татары говорят?

– Да кто же их поймет! Лопочут по-своему, слова словно выплевывают да злобно зыркают, будто это мы на них напали.

– Я понимаю по-татарски. – Лада возникла из ниоткуда. – А один из выживших знает русский. Он постоянно прислушивается к словам деревенских и переводит хану.

– А вот это негоже. Буян, есть надежное место, где пленников запереть можно?

– Найдем.

– Нужно такое, где Лада смогла бы слышать их разговоры.

– Добре, – кивнул ветеран, усмехнувшись. Он поторопился к пленникам, которых местные рвались нанизать на рогатины.

– И откуда ты знаешь татарский? – поинтересовался Еремеев.

– Так я с детства жила в лагере профи у старика-татарина. Его другие очень боялись, поэтому меня никто не трогал. У него языку и обучилась.

– Почему раньше не сказала?

– А была надобность? – Она округлила глазки.

– Нет, но командир обязан знать возможности подопечных. Что еще умеешь?

– Немного в травах разбираюсь, могу раны заговаривать, боль снимать. Убивать раньше могла. Пожалуй, все.

– Прямо сокровище, а не… – Александр перешел на шепот, – девка.

– Ты меня хочешь? – насторожилась она, по-своему истолковав шепот начальника.

– Мало ли кто чего хочет, – пробурчал он себе под нос.

– Другие никаких прав на меня не имеют, а ты жизнь спас, от кикиморы избавил, в болотной жиже утонуть не дал…

«Если сейчас не остановится, я и вправду поверю, что имею все права на нее. Потом – на другую, третью. К чему это приведет? К гарему? Но мы ведь не басурмане».

– Я просто тебя похвалил, Лада, и никаких прав на тебя не имею. Ты хорошо справляешься с заданиями. Иди к Буяну, он выдаст новое поручение.

Лада побежала в деревню.

«Я действительно много чего хочу в этой жизни, – почувствовав жар на щеках, мысленно проворчал Еремеев. – У Радима губа не дура. Сразу глаз на нее положил, вот только Лада, по-моему, среди прочих его особо не выделяет. Как бы она с ролью отрока не свыклась. Девушки должны оставаться девушками, а я ее к разведке припряг. Сволочь – что еще про себя сказать могу? Причем первостатейная, и оправдания мне нет. Поэтому даже не буду оправдываться и оставлю все как есть. Лошадей ведь на переправе не меняют? Хотя о чем это я?»

Мотнув головой, словно пытаясь вытрясти оттуда лишние мысли, Александр направился к своему помощнику. Тому уже вытащили стрелу и перевязали ветошью руку.

«А ведь у них тут даже спирта нет! Чем они раны обеззараживают? Перетянули – и все?»

– Радим, тебе кровь-то остановили?

– Приложили какую-то травку измельченную. Сказали, должно помочь. Еще женщина что-то побормотала над плечом, и боль стихла. Жаль, мне двое суток нельзя на лошади скакать.

– Придумаем что-нибудь, – успокоил помощника командир.

«Придется парня здесь оставить. А мне – как можно быстрее к Никанору. – Александру сержант так и не назвал своего имени, но в пароле прозвучало именно это. – И еще в одно место заглянуть надо, все-таки пообещал умирающему. Не выполнить последнюю просьбу человека – грех, тем более он меня Еремеевым назвал».

– Данила-купец, не побрезгуешь в моем доме заночевать? – обратился к Александру староста. Он закончил раздавать распоряжения и подошел к дорогому гостю. – Заодно и про жизнь погуторим.

– Почему бы и нет? Сейчас своих пристрою, и к тебе.

– То наша забота – твоих людей разместить и накормить. Уж второй раз нас из беды лютой выручаешь. Неужто думаешь, мы не позаботимся о спасителях?

«Да, людям доверие оказывать нужно, а не стремиться всех проверять и перепроверять. Эдак никаких сил не хватит, а они

еще точно понадобятся».

– Ты прав, Зван. Идем. Отправь кого-нибудь к Буяну, он должен знать, где командир.

– Уже отправил. Вой повел пленников в свою избу.

В доме старосты к их приходу накрыли стол. Похоже, Зван был на своем месте, он успевал везде.

Жена, две дочки и сын хозяина дома встретили гостя поклоном, Александру даже неудобно стало. Он ответил тем же. Здесь же оказались местный батюшка и мужчина, который справил купцу наплечную кобуру.

За стол сели только мужчины.

«Видать, серьезный разговор намечается, раз домочадцы отправились восвояси», – решил Еремеев.

– Угощайтесь, други, – произнес староста.

За неспешной трапезой обсудили дела крестьянские: постройку избы, добычу с лесных угодий… Лишь после того, как в доме появился Буян, заговорили о деле.

– Мы тут на сходе с людьми посовещались и решили тебя просить взять Троицкое в годовой наем.

– Это как? – Предложение стало для Александра полной неожиданностью.

– Батюшка, расскажи Даниле о праве найма обжитой земли с поселянами.

Мужчина в черной рясе отпил кваску и начал говорить:

– Закон этот не применялся со времен создания республики нашей, но его никто не отменял, и для наших бед он годен. А суть в том, что муж не из благородных может взять в наем на год поселение без церкви, ежели хозяин не объявлялся год, но проверенных вестей о его гибели и наследников нет. Городское вече вправе рассмотреть дело, если все жители поселения подпишут челобитную, а наниматель внесет взнос.

– И во сколько мне обойдется этот взнос? – спросил Еремеев.

– Когда закон составлялся, была большая нужда в боевых скакунах. Речь о пяти лошадях, – сообщил батюшка. – Они у нас теперь есть. В Смоленске у моих братьев из Белого храма знакомый стряпчий имеется, он даст ход делу да с нужными людьми переговорит. Церковь на вече челобитную поддержит. Дашь ли ты свое согласие, Данила-купец?

– А как же пан Тадеуш? Он ведь сам в вече состоит. Неужели противиться не станет? – высказал сомнения Александр.

– Он там один из многих. Станет против вещать, быстрее дело рассмотрят.

«Челобитная, взнос, поддержка церкви… Обрастаю связями? Представляю, как обрадуется господин Тадеуш, когда у него из-

под носа такой жирный куш утащат. Еще больше у него поднимется настроение, когда выяснит, кому он достался. Пусть и всего на год. Может, его от такой радости удар хватит? Было бы весьма кстати! Сколько уже из-за этой сволочи людей погибло!»

– Мое согласие у вас есть, – объявил Еремеев. – Я должен что-то подписать?

– К завтрашнему утру я подготовлю нужные бумаги, – сказал батюшка. Он встал из-за стола. – Посему разрешите откланяться. – Он покинул дом старосты.

– Зван, не возражаешь, если в деревне останется мой помощник и Лад? – спросил Александр.

– Который не отрок, а девка? – усмехнулся в бороду староста.

– Уже разглядели?

– Чай, не слепые.

– Они могут остаться? Радиму необходимо руку залечить, а девушка в случае опасности может быстро до Смоленска добраться и меня предупредить.

– Знамо дело, пусть остаются.

– Командир! – В комнату заглянула разведчица. – Там пленные…

– Прошу прощения, господа, у нас дела. – Еремеев и Буян поднялись разом.

– Данила-купец, на ночь жду тебя в своем доме, – напомнил Зван.

– Спасибо за приглашение, буду.

– Степняки побег удумали, – начала докладывать за порогом избы Лада. – У одного нож припрятан. Если не отобрать, скоро веревки порежут.

– Сбегать раньше утра им резону нет, – заметил ветеран, – а с первыми лучами могут и попытаться. Тогда их и постреляем.

– Что еще слышала? – Александр не удивился подобному сообщению.

– Кроют на чем свет стоит господина Тадеуша. Этот Кичи собирается с него большую сумму запросить, ведь они в западню угодили по его милости.

– Хан так уверен в успехе побега? – Еремеев покачал головой.

– Да. А вот тот, кто у него за толмача, уверяет, что Тадеуш специально все подстроил, решил избавиться от союзника и завел в ловушку.

– Какая интересная мысль! – воскликнул Александр. – Буян, как думаешь, ежели подтвердить подозрения толмача, что станет делать хан, оказавшись на свободе?

– Мстить. Вожди степняков такое не прощают, – поведал ветеран.

– Выходит, нам этих пленников держать взаперти не стоит, раз они на свободе больше пользы принести могут. Надобно только им про коварство пана Тадеуша сообщить некоторые подробности. Буян, если под окном той комнаты разговор вести, пленные его услышат?

– Обязательно, – кивнул мужчина.

– Тогда пойдем скорее секретные сведения обсуждать, пока они не уснули. А ты, – Александр обратился к Ладе, – потом вызнай, как они наши слова воспримут. И еще – местные говорят, что ты не шибко на отрока похожа. Распознали в тебе девку.

– Так что с завтрашнего дня считаешься племяшкой, – добавил Буян.

– Одежку не отдам! – тут же категорично заявила разоблаченная. – Я к ней привыкла.

Через пару минут мужчины стояли под окном и вели весьма интересный для степняков разговор…

– Тадеуш приказал всех под нож, а хана к нему доставить.

– Так чего мы их тут держим? Еще и кормить придется. Прирезать – и вся недолга.

– Пускай завтра малость потрудятся – трупы не успели убрать к ночи. Пущай своих зароют, ежели зверюги не всех сожрут.

– А хан пану Тадеушу на кой ляд сдался?

– Так ему ведь ранее немало денег плачено. Наверняка что-то припрятал, надо будет поспрашивать.

– А вдруг не скажет?

– В Крашене есть такой мастер языки развязывать, у него немой соловьем запоет…

Александр еще обсудил с командиром вопросы доставки важного пленника, после чего они отошли от дома.

Толмач перевел хану каждое услышанное слово, о чем чуть позже доложила Лада. Еще о том, что Кичи собирается утром отыскать своего коня, без которого уходить из деревни не хочет.

– Одни убытки с этими ханами. Буян, пусть его лошадь пасется вблизи твоего дома, и еще одну рядом оставь. Надеюсь, им двух скакунов будет достаточно.

– Добре, – кивнул ветеран.

Глава 9
Похищение нежити

Успешный набег на тюрьму и освобождение пленников в Крашене, схватка с татарами и разгром хана Кичи – по мнению самого Еремеева, ни одна из этих авантюр не имела шансов на успех, скорее наоборот. Однако он выжил сам и уберег своих спутников, хотя мало кто из них мог считаться воином, включая и самого Александра.

Однако молва разнесла совсем другое, да еще с такими подробностями… По словам «очевидцев», командир сам отдавал приказы лесной нежити, мог одной левой завалить с десяток профи, а разбойников вообще убивал взглядом.

Когда Буян объявил о наборе в отряд Данилы-купца, пришлось отбиваться от желающих. В ходе жесткого отбора отсеялось две трети, а «счастливчикам» дали ночь на сборы.

Из Троицкого поутру выдвинулся настоящий караван. Купец, начальник охраны, дюжина всадников, три телеги с трофеями и табун из двадцати пяти лошадей. Скакунов стреножили, поэтому отряд двигался медленно, благо до Смоленска было рукой подать.

«Вот и имуществом обрастать начал, – мысленно рассуждал Еремеев, глядя на внушительную процессию. – А что? Назвался купцом – будь любезен соответствовать. Жаль, Радима пришлось в деревне оставить, а по торговой части у меня только один специалист. Спасибо, староста помог, прикомандировал парочку ушлых мужичков, которые на этом деле собаку съели. Вот пусть они и пристраивают завоеванное добро, а мне еще бумаги в Белый храм передать нужно, с сержантом встретиться и в одно местечко заглянуть».

В состав отряда вошли пять мужиков из Крашена и семеро – из Троицкого. Троицких воевать учил Буян, специально натаскивая на зверюг. Некоторую боевую подготовку имели и крашенцы, поскольку прямо или косвенно работали на сержанта, потому и были в одночасье схвачены людьми Тадеуша.

Александр снова мучился в седле – задница болела со вчерашнего дня. Так и хотелось подложить подушку, однако приходилось держать марку и соответствовать занимаемой должности. Несмотря на возраст, подчиненные видели в нем не только торговца, но еще и удачливого воеводу, сумевшего почти без потерь со стороны одолеть воинственных степняков.

«Тоже мне, вояка! – Еремеев лучше других знал свои сильные

и слабые стороны и не собирался присваивать чужие лавры. – Мое участие свелось к разговору с лешим, который вывел нас короткой дорогой к Троицкому, а вся остальная заслуга Буяна, план был его. Оно, конечно, без той беседы с бородатым старичком все для деревни могло закончиться плачевно, так что и я молодец, но становиться полководцем желания нет. Лучше уж торговую стезю освоить. А что? Считать я умею, никак мехмат за плечами. Опять же, работал в конторе, которая в том числе и торговлей занималась. Как у нас говорят, хватит работать на чужого дядю, пора свое дело организовывать. Ну не в геологи же, в самом деле, идти? Хотя точно помню: где-то в Смоленской области есть речушка Выпь, а там иногда алмазы в нашем мире находили. Может?..»

В Смоленск отряд двигался по главному тракту, поэтому навстречу часто попадались другие проезжие и разъезды Смоленской дружины. Многие из них с нескрываемой завистью поглядывали на растянувшуюся вдоль дороги процессию. Некоторые задерживались, дабы перекинуться парой слов с Буяном, возглавлявшим отряд.

– О чем толкуют? – Еремеев подъехал к ветерану.

– Пытают, в каком набеге мы столько добра нахапали? Сказал правду, что в татарском. Дескать, они напали, а мы их ограбили.

– Поверили?

– А как тут не верить, ежели табун с собой ведем. Один из купцов тут сокрушался, что мы их в Смоленске продавать собираемся. В Московии, мол, за таких вдвое больше дают.

– Так туда долго ехать, а у нас дел невпроворот! – Еремеев решительно замотал головой. – Кстати, а кто нынче на московском троне восседает?

– А то ты не ведаешь?

– После того как мне неделю назад по башке настучали, я многое подзабыл. Смоленск до сих пор припомнить так и не смог, хотя говорят, что я в нем месяц провел.

– А самому не кажется, что та драка тебе годков двадцать добавила? Я не про облик сужу.

– Неужто речь веду, как старик? – спросил Александр, при этом подумав: «Пожалуй, я в свои настоящие семнадцать был наивнее и глупее, но, если начну прикидываться юнцом, точно запутаюсь. Пусть все идет, как идет! Сотрясение мозгов – вещь до конца не изученная. Вдруг у Никиты Нилова после такой встряски извилин добавилось?»

– Я бы сказал, как зрелый муж.

– Придется быть осторожнее, а то если еще раз по голове дадут, могу начать шамкать, как старый дед. И все-таки, кто

царем в Московии?

– Григорий Второй правит. Уж пятый год пошел.

«Интересно, он из Рюриковичей или из Романовых? Григория возле трона я только одного помню – Распутина. Может, он и был первым?»

– А этот из каких будет?

– Знамо дело, из Пожарских. Третий век династия на троне.

«О как! Еще одна знакомая фамилия. Видать, их род уцелел после того адского ритуала. Насколько помню, семейка была знатная, а во время Смуты особо отметилась».

– И как жизнь в Московии?

– Да уж получше нашей будет. Степняков они давно приструнили, да и шведа недавно остановить сумели. Еще бы с турками совладать…

– Османская империя?

– Нет, сейчас это просто Турецкий султанат, который не может смириться с тем, что Московия получила доступ к Черному морю.

– Надо же, какие молодцы!

– А еще мне по душе, что тамошняя знать перед гномами спину не гнет. Пришлые всю Европу под себя прогнули, нам дышать в полную грудь не дают, считают, что за золото все продается! – Буян разошелся не на шутку.

– А зверюги?

– Этих везде хватает, но Московия – страна богатая, могут позволить себе не только алтарные камни поставить, но и пирамиды возвести.

– И чем пирамида от алтарного камня отличается?

– К ней не надо головы зверюг приносить, заряда на полгода хватает, и одна такая от ночных чудовищ целый город оборонить может. Правда, пирамиду только гномы и умеют питать энергией. Нашим магам сие пока недоступно.

«А гномы тут, смотрю, неплохо устроились! И ведь никаких антимонопольных служб на них нет. Какую хочу цену, такую и устанавливаю. Не желаешь платить – пожалуй на ужин ночным монстрам. Только почему монстрам? Шакалы – те вообще выглядят безобидными. Ну, хотел один такой мне руку отгрызть, так я замахнулся, и он отстал».

– Неужели зверюг так сложно извести? Лесов они не любят, на открытых местах вроде и спрятаться негде. Помнишь Крашен? Я так и не понял, куда они там днем деваются?

– Говорят, в землю зарываются, да так справно… Ни одному следопыту еще не удалось найти.

– А чего их так боятся? Видел вблизи шакалов – от собаки не

отличишь. Почему бы их ночью не перестрелять, раз при свете найти нельзя?

– Добре ты головой стукнулся, Данила. Пытались их изничтожить, но тут дивные дела происходят. Ежели ты зверюге голову отсек и на алтарный камень положил, то ее труп и днем не исчезает. А пристрели просто так, днем лишь пулю отыщешь. Только когда тварь станет костяным монстром, ее и без алтарного камня убить получается.

– Кем станет? – нахмурил брови Еремеев.

– Неужто не помнишь, какими они ближе к полнолунию становятся?

– Нет.

– Даст бог – и не увидишь, хотя при твоей бурной жизни скорее наоборот. Что касаемо шакалов, те… Как бы лучше объяснить? Представь собачью морду, коя вдвое удлинилась, шерсть костяными пластинами стала, клыки подросли, да так, что в пасти не умещаются, глаза красным огнем полыхают… Ты в него палишь, а он и не чешется, меч от него тоже отскакивает. Токмо добрым топором и можно пронять, ежели кровь в жилах не застынет. Потому охотников за зверюгами так мало.

– Ты вроде с десяток в Троицком подготовил?

– Они годятся токмо супротив тех тварей, кто не успел сменить мех на панцирь. Ближе к полной луне все мои ученики по домам сидят да на алтарные камни надеются.

Тракт пролегал среди полей и лугов, но встречались и лесистые места, где охранники внимательно вглядывались, не притаился ли кто за деревом. Караван подъехал к опушке леса. Буян подал сигнал – отряд перестроился, при этом Александр вместе с начальником охраны оказался в центре процессии.

«А ведь я самый защищенный среди них», – подумал Еремеев. Практически сразу с придорожной ели на его плечо спрыгнула белка и ухватила за ухо своими крохотными лапками.

– Эй, тебе чего? – От подобной наглости он опешил.

– Сойди с дороги, разговор имеется, – голосом лешего ответил зверек.

– Мне в лесок отлучиться надобно, – сказал Александр и соскочил с лошади. Похоже, голос услышал он один.

– Вот и настал черед первый долг возвернуть. – Хозяин леса начал без предисловий. – Там лихие люди мою подругу хитростью из болота выманили и везут к городу в клетке. Надо бы вызволить.

– А сам чего?

– Да поцапались мы малость. Я и брякнул: дескать, палец о палец не ударю, ежели с ней чего случится. Накаркал, а теперь

слова не могу нарушить. Хорошо, про тебя вспомнил. Вызволяй ее скорее, а то ведь сожгут бабку, и не к кому будет на болото хаживать, на танцующих русалок глядеть.

«Неужели вняла моим словам? Молодец, старушка, ничто прогрессивное ей не чуждо. Глядишь, скоро дискотеки на болоте организует».

– И где ее искать?

– Зайца видишь? – Леший указал на ушастого, выскочившего из ближайшего кустарника. – Он самой короткой дорогой ответет. Поторопись, времени осталось совсем мало.

– Погоди, надо своих предупредить.

– Они знают. Беги уже.

«А что делать? С хозяином леса лучше не спорить. Только не верится мне, что он слово свое нарушить боится. Скорее всего, тут что-то другое, но пока не увидишь, фиг догадаешься».

Заяц несся с такой скоростью, что человек едва за ним поспевал, мысленно проклиная и лес, и его обитателей:

«Может, пальнуть в него, чтобы притормозил немного? Что я ему, бегун на дальние дистанции? Да и сколько можно по бездорожью нестись как угорелому? Как-то эти светские знакомства с местной нежитью мне боком выходят. Ведь удумал же, стервец, – ночью на дороге остановить только для того, чтобы в должники записать. У них тут не лес, а сплошной лохотрон получается. Чуть зазевался – плати по счетам. И ведь самое обидное: ни у кого ничего не брал. В следующий раз увижу старичка – сам ему счет предъявлю. Эй, заяц, ты куда делся?»

Бегун услышал голоса и сразу забыл про ушастого.

– Это, видать, леший нам козни строит. Близко подойти не смеет, вот и гадит издали. Но ничего у него не выйдет. Скоро лес закончится, и больше ему не удастся устроить завалы. А там до Смоленска всего пара верст. Запрем старую каргу в подземелье и сожжем к чертям.

– Так, может, прямо тут и спалим? Я много веревок прихватил, да и дровишек нам леший подкинул. Хороший костер получится.

Еремеев подкрался поближе, чтобы рассмотреть собеседников. На стволе вывороченного с корнем дерева сидели двое мужиков в голубых жупанах. Еще несколько сваленных деревьев лежало поперек дороги. Мужики выглядели уставшими, похоже, сели слегка передохнуть. Их арбалеты, сумки с боезапасом и снедью лежали чуть в стороне.

«А вон и кикимора в карете. – Александр заметил знакомую чуть поодаль. – Старушка явно не в себе, а какой у нее эскорт!»

– Бестолочь ты, Гавел! – продолжили разговор мужики. –

К месту, где будет предана огню высшая нежить, со всей округи начнет по ночам стекаться нечистая сила. И ее алтарными камнями не остановишь, она будет люто набрасываться на людишек тамошних, пока пепел кикиморы в болото не доставить. Вот и представь, как того человека вознесут, кто местных от напасти избавит.

– Так наш пан удумал…

– Про то мы с тобой ничего не ведаем.

«Пан? Не Тадеуш ли? С него станется такую подлость организовать!» – мысленно возмущался Александр, сжав кулаки.

– Хватит рассиживаться! – к ним подошел боец с двустволкой на плече, и работа продолжилась.

Еремеев пересчитал противников.

«Двое с арбалетами здесь, четверо с ружьями перед каретой – хотя чего это я телегу с клеткой возвысил? Наверное, из-за кикиморы. Надо же, хозяйку болота, как последнюю воровку… Так, а вот те двое лысых возле клетки мне особенно не нравятся. Наверняка колдуны: ни сабли, ни огнестрела при себе. Да еще какой-то сундук сразу за клеткой стоит. – Александр преодолел несколько метров вдоль дороги, чтобы рассмотреть заинтересовавшую вещь. – Коробочка непростая, а поскольку ее везут открытой, значит, это кому-нибудь нужно. И явно не пленнице. Вон как она вжалась в решетку. И корежит ее не по-детски. Наверняка и лешему бы на ее месте поплохело. Вот же дельце подкинул! Ладно бы еще людей из беды вытаскивать, а тут… Впрочем, если сейчас кикимору из клетки не вызволить, достанется именно людям, да еще на радость собаке Тадеушу».

Еремеев достал из внутреннего нагрудного кармана зипуна малахитовую пластину. Ладонь лишь слегка вздрогнула, подзарядив амулет.

«Что дальше? – Он принялся составлять план освобождения. – Выйти на дорогу и объяснить, что дам постпенсионного возраста негоже перевозить в клетках? Не поймут. Здесь уважают только грубую силу. Сил у меня немного, зато грубости на всех хватит! Если правильно наехать на служивых, те стушуются. А вот волшебники… С ними могут возникнуть сложности».

Александр решительно вышел на дорогу и сразу направился к обладателям огнестрела.

– Какого дьявола стоим? Ручки боимся запачкать?! Пан Тадеуш ждет прибытия, а они прохлаждаются. Ты, ты и ты бегом завалы разбирать, или желаете пану Тадеушу объяснять, почему заставили его ждать?!

– А ты сам кто? – Один из бойцов попытался выяснить личность незнакомца.

– Служишь пану Тадеушу и меня не знаешь? – Александр выхватил пистоль из-за пояса и направил на солдата. – Удивляюсь, что ты до сих пор жив, но это можно быстро исправить. Господин Тадеуш давно хотел заменить охранников, а мой прямой долг – ему во всем помогать.

Никого из четверых подобная перспектива принудительной ротации кадров не устраивала, поэтому они сразу поспешили к завалу.

Оставалось самое трудное – нейтрализовать лысых колдунов. Александр приблизился к телеге.

– Какая, однако, потешница у нас за решеткой, – произнес он.

Кикимора перевела на Еремеева отрешенный взгляд, в котором затеплилась надежда.

– Отвали от клетки! – грубо пробасил один из колдунов. – Мы отвечаем за пленницу лично перед господином Тадеушом.

«А ведь крышку с наскока не закроешь, вон как веревкой закрепили ко дну. Пока не перережешь…»

– Только не надо мне угрожать и указывать! Почему сундук не прикрыт?! – Александр попытался подойти к телеге, но его тут же отбросило невидимой силой.

– Не шали, паря. Так надобно! А тебе лучше вернуться в Смоленск.

– А то что? – Еремеев присел, согнув ногу в коленке, и положил на нее ствол, как на опору. Ему только и оставалось, что наглеть дальше. – В лягушку меня превратите? Да пан Тадеуш вас самих… – понимая, что к сундуку его не пустят, Александр выбрал единственный остававшийся способ. Раздался выстрел, второй.

– Идиот! – заорал один из колдунов, кода разорванная веревка отпустила подпружиненные петли, захлопнув крышку.

Однако Еремеев не собирался подпускать его к сундуку. Теперь в дело пошел револьвер, каждая пуля которого хоть на мгновение, но задерживала волшебника.

Он успел выпустить пять пуль, прежде чем его резко ударило в грудь, подбросив в воздух и шмякнув о стоявший поблизости дуб.

«Да чтоб вас всех!»

Боль отключила сознание.

– Эй, соколик, ты там как? Жить собираешься или тебя из милосердия в болото окунуть на пару часиков? – Скрипучий голос проник в сознание и сразу заставил очнуться.

– Я же говорил, что в твоем милосердии не нуждаюсь. – У Еремеева болела спина и грудь, словно его положили на

наковальню и пристукнули большим молотом.

– Чего тогда стонешь, будто смертушку в гости кличешь?

– Устал малость, пока через весь лес сюда добирался, вот и прикорнул на минутку.

– Минутку? Да я, почитай, полчаса тебя добудиться не могу. Докладывай, зачем сюда притащился?

«Ох, как же мне… не подумайте, что хорошо. Ощущение, будто ребра в обратную сторону выгнуло. Чем же они меня так приложили?» Александр осмотрелся. Лошадь и телега стояли на месте, людей и клетки не наблюдалось. Сундук остался в телеге.

– Пробежку я совершал по свежему воздуху, а тут вижу – тебя везут в клетке прямо как воровку. Непорядок! Всякие чужаки приходят на болото, хозяйку за решетку – и ходу? Они хоть обвинение выдвинули, права зачитали?

– Молча схватили, ироды коварные! Прикинулись в моем болоте тонущими. Я к ним с добрыми делами – помочь хотела, чтоб, значит, не мучились, тут они свой сундук и открыли.

«Ну да, на каждого кощея имеется свой сундук с зайцем, уткой, яйцом и иглой. Глянуть бы, что в этом? Нет, кикимора еще волноваться начнет, да и леший наверняка где-то поблизости бродит. Да что же дышать-то так тяжело?»

– Теперь не мучаются? – не без труда задал вопрос Еремеев.

– Шестеро – нет, – сообщила хозяйка болота. – Я их к русалкам пешком отправила, девкам танцевать не с кем, а с блестящими на голову малость помилосердствую. Уж очень гады напрашивались.

– Они того заслужили. – Шаги давались Александру с трудом, он еле сдерживал рвущийся из легких кашель.

«Такое ощущение, что мне изнутри все отбили. Как теперь до Смоленска добираться – ума не приложу».

– А ты знаешь, парень, что жить тебе осталось от силы неделю? – вдруг огорошила кикимора.

– Это кто же мне такой диагноз поставил?

– Не ведаю про дигноз, – исковеркала незнакомое слово старуха, – но, когда ребра сломаны внутрь тела, дело гиблое. Ни один еще не выжил.

– Разве с такими переломами ходят?

– Нет. Если бы не леший, и ты бы не смог. Мимо проходил, скока мог, добавил жизненных сил. Но сказал, надолго не хватит.

«Неужели все так плохо?! – подумал Александр. – Дыхания нет, живого места нет, перспектив – тоже. Жутковато». Он бросил взгляд на зипун, и ему стало еще хуже. Раньше думал, что взмок от пота, однако вся одежда была в крови и, скорее всего, в его собственной. В голове слегка помутилось.

– Но беде этой помочь можно. Выполнишь работенку – поправишь здоровьице.

– На твою работу моих сил хватит?

– Да тут делов-то: сундучок до места довезти да припрятать его понадежнее, чтоб уж точно никто не отыскал.

– Поехали, чего время зря терять?

«А то ведь недолго и коньки отбросить. Как-то я очень себе не нравлюсь, прямо до дрожи в коленях. В палате помирать было комфортнее. И стоило менять декорации ради нескольких дней бесконечных стычек с тварями всех родов и мастей? А ведь стоило! По крайней мере, скука не одолевала…»

Размышления прервала кикимора:

– Садись в телегу и двигай за мной. Токмо не приближайся – сундучок хоть и запертый, а меня все одно с него тошнит.

Кикимора отправилась в топи, оставляя после себя твердый наст на поверхности болота шириной в полторы телеги. Лошадка неохотно двинула следом.

«Если леший – нежить, то откуда у него жизненная сила? И как он сумел ее в меня влить? – задал самому себе вопрос Александр. – Допустим, я узнаю, и что это даст? Пойму, как с ними дела вести? Вряд ли. До сих пор ума не приложу, зачем он вообще со мной возился? Чтобы было, с кого второй долг стребовать? Да и болотная леди тоже ведет себя странно… Вот не верю, что она по доброте… Так, не стоит только ей про добрые дела напоминать. Оно, конечно, добро побеждает зло, и кикимора сие доказала на шестерых солдатах и двух волшебниках, но проверять на себе широту ее души не хочется».

Так в тишине они и добрались до участка суши, на котором росли три невысокие березки. Лошадка, завидев островок с ярко-зеленой травой, сама прибавила шагу.

– Слазь, парень. – Кикимора на островок заходить не стала, остановившись в трех шагах. – Видишь моих красавиц? – Она указала на деревца. – Одной ладонью коснись ствола левой березы, другой погладь ту, что в середке.

Еремеев так и сделал, и сразу почувствовал, как внутрь бурным потоком хлынуло ласковое тепло, заполняя каждую клеточку тела. Боль, терзавшая тело, постепенно уходила, задержавшись лишь в ладони, касавшейся среднего деревца. Александру показалось, что через ствол и она ушла в землю.

«А ведь я действительно был приплюснутым. Хорошо, что только сейчас это понял, иначе бы точно в обморок рухнул. Теперь вот благодаря березкам грудь в нужную сторону расправило. Пожалуй, с волшебниками лучше не связываться, пока не найду надежного средства».

– Вот это да! – не скрывая радости, воскликнул Еремеев. – Огромное тебе спасибо!

«Прямо хоть начинай третий день рождения справлять!»

– Благодарностью не отделаешься, соколик. Теперь за работу. Видишь, вон у бережка круг водицы черной?

– Его трудно не заметить.

– Вот туда и бросай клятый сундук.

– Зачем же сам сундук? Смотри, какая вещь добротная! Давай я просто содержимое из него вытряхну? – Александр спросил с умыслом, чтобы подтвердить собственную догадку.

– Совсем ума нет?! – взвыла кикимора. – Хочешь, чтобы та гадость мое болото сгубила?

«Упаковка – экран для убойного средства против нежити. Представляю, сколько оно может стоить! Видать, Тадеуш деньги лопатой загребает», – утвердился в своих предположениях Еремеев.

– Тогда я лучше крышку веревкой перетяну, чтобы она ненароком в воде не открылась.

– Это другое дело, – согласилась старуха.

Когда сундук скрылся под водой, хозяйка болот выждала несколько секунд, после чего двинулась прочь от острова. Еремеев заметил, что наст, по которому они сюда приехали, исчез вслед за ней.

– Эй, любезная, а как же я? Мы так не договаривались!

– А что не так? Здоровьице поправил? Поправил. Работу выполнил. У меня к тебе притязаний нет.

– И зачем мне здоровье, если тут помирать придется?

– С какой стати, соколик? Жить будешь лучше многих. Харчи будут доставлять исправно, развлечения устрою, девка понадобится – отыщу. Живи и радуйся!

– Да я на твоем болоте с тоски помру. Виданное ли дело – молодого парня на клочке суши держать. У меня, между прочим, дела важные остались, и сами они не сделаются!

– Тут вот что… Березки эти помимо здоровья наделили тебя еще и даром, для меня опасным. А с таким отпускать негоже. Но ты не горюй, скоро русалки приплывут, будут тебе в угоду пляски устраивать. Тумана тоже напущу, а фонтаны – не обессудь, токмо ежели историю смешливую расскажешь.

«Ах ты, леди… Думаешь, по-твоему будет? Не дождешься! Веревочка-то длинная, а конец ее – вот он. Не зря его ботинком придавил».

– Историю хочешь?! Да я тебе прямо сейчас расскажу! – начал Еремеев. – Токмо очень грустную и правдивую. О том, как одна кикимора по глупости собственное болото сгубила.

– А чего, и такие дуры бывают? Это где ж беда приключилась? – Старуха вернулась к островку.

– Пока не приключилась, но скоро будет. Здесь. И в самом ближайшем будущем. – Он начал тянуть веревку.

– Эй, ты чего это делаешь?

– Собираюсь сундучок вытащить да посмотреть, что там внутри. Но если вдруг уроню содержимое в болото – ты не обессудь, это я от душевного расстройства.

Крючконосая старуха заволновалась:

– И кто же тебя расстроил, соколик?

– Одна потешница, которую злодеи сжечь собирались.

– И чем же она тебя огорчила?

– Хочет на острове, как в тюрьме, заточить.

Сундук показался из черной воды.

– А ты, никак, не желаешь?

– Да кому же охота в неволе пропадать?! – Еремеев вытащил улов на берег.

– Так и скажи ей, что не хочешь.

– Не хочу.

– И не надо, соколик, мне же хлопот меньше. Бросай сундук обратно и прочь из моего болота, неблагодарный!

– Брошу. Только ты поклянись своим ненаглядным болотом, что мы с лошадкой целыми и невредимыми отсюда выберемся.

– Какой ты вредный парнишка, однако. Где это видано, чтобы хозяйка болота в собственном доме клятвы людишкам давала?

– Не каждый день у тебя людишки с таким сундуком по болоту гуляют. Да и клятву можно самой себе дать.

– Уболтал. Клянусь болотом себе, родной, что вы с кобылкой вернетесь, откуда пришли, целыми и невредимыми. Токмо с этой дороги не сворачивай, – на водянистой поверхности проявилась знакомая полоска наста.

Еремеев снова швырнул сундук в омут.

Глава 10
Купчиха

Неизвестно, кто обрадовался больше – человек или лошадь, когда оба оказались на дорожке между лесом и болотом на том самом месте, где произошла стычка между Еремеевым и тюремным эскортом кикиморы. Хозяйка болота хоть и выполнила свое обещание, но от души постаралась, чтобы наст под тележкой ходил ходуном. Во время этой незабываемой поездки Александру казалось, что они вот-вот провалятся в гнилую воду. Обошлось.

Он минут пять стоял на твердой земле, блаженствуя. И это несмотря на окровавленную одежду, качку на болоте, стычку с волшебниками, едва не закончившуюся гибелью. А может, именно из-за пережитого волна эйфории и накрыла Еремеева с головой. Ведь он был жив и здоров, вырвался из заточения, уготованного ему кикиморой… Если это не повод, то…

Однако стоять и греться под лучами дневного солнышка вечно не будешь. Он вспомнил о делах насущных. Подошел к дубу, возле которого его привела в чувство кикимора, подобрал пистоль и револьвер. Возвратившись к телеге, положил оружие на повозку, взял лошадь под уздцы и повел за собой.

«Кикимора могла бы немного и погодить с добрыми делами для тех, кто не успел разобрать завал. Им всего-то два деревца оставалось убрать. Так, а это еще что? – Он увидел вещи и оружие солдат. – Она их еще и раздела?! Вот уж действительно потешница. Отправила к русалкам голыми? Не хотел бы я, чтобы надо мной так потешались. А с одеждой это удачно вышло, в моей теперь только в фильме ужасов сниматься. Надо бы прикид сменить, только сперва неплохо бы помыться. В прошлый раз, помню, ручейки на этой дорожке не раз попадались». Он побросал вещи в телегу и придавил сверху ружьями и арбалетами. Повозка наполнилась товарами – ну а как иначе? Раз едет купец, ему нужно чем-то торговать.

Деревья он сдвинул не без труда, после чего вскочил на телегу и поехал к Смоленску.

Вскоре удалось и вымыться, и переодеться. В длиннополом жупане он ощущал себя неуютно, да и голубой цвет Еремееву никогда не нравился, но сухая чистая ткань куда приятнее липкой окровавленной.

«Не люблю одежду с чужого плеча, но ничего не поделаешь. Придется в этом немного походить. Благо в коленках не жмет и на плечах не виснет».

Ружейные патроны не подошли к его отмеченному непонятными надписями пистолю. Револьверные патроны также остались в поклаже.

«Как-то я расслабился, заведя наплечную кобуру и внутренний карман на зипуне. Револьвер и малахитовая пластинка нашли свои места, боезапас и деньги перекочевали в сумку, а та – на спину лошади, где и сейчас покоится. Надо будет себе наплечную торбу для походов соорудить или мешок по типу рюкзака. – Он вспомнил, что с такими они вместе с Радимом вышли из Смоленска. – Не фиг таскать мелочь и патроны в карманах брюк».

Небольшой суммой наличности Еремеев обзавелся, собрав трофеи. Наполнил один карман портков монетами, другой – ружейными патронами. Брюки снова потянуло вниз от тяжести. Пластину переложил в карман рубахи, поскольку в жупане не нашел ничего подходящего, а шестизарядный револьвер занял привычное место под мышкой.

Александр ехал, изредка подгоняя кобылку. Справа лес, слева болото. Лягушки соревновались в вокальном мастерстве с пернатыми, скрип телеги добавлял свои аккорды. Наслаждаясь симфонией, ездок вглядывался вперед с единственной мыслью:

«Если хоть кто-то попытается встать на пути, даже имени спрашивать не стану. Возьму одно из ружьишек и с двух стволов в упор. На сегодня приключений более чем достаточно!»

Спокойной дорога оставалась только с версту, а потом со стороны леса раздались выстрелы. Еремеев даже застонал от негодования, но заставил кобылку остановиться. Он схватил ружье, сумку с патронами и соскочил с телеги.

– Без меня не уезжай, – сказал он лошади, стреножив животное. – Я быстро, гляну, кто там шумит, заставлю замолчать и назад.

«Леший у себя порядок навести не может, а туда же – о кикиморе заботу проявляет. Какого фига там происходит?! – Александр шел, не особо скрываясь. – Так, а чего я всполошился, может, кто-то просто поохотиться вздумал? Вроде нежить окраины леса не особо охраняет?» – Он уже собрался повернуть назад.

– А-а-а! – раздалось невдалеке.

Кричал либо ребенок, либо женщина, и это сразу заставило Александра поменять планы:

«Догадались же в свое время женщин на охоту брать, небось еще и оставляют одних без присмотра, а хищникам все равно, кого грызть».

– Отстаньте от меня, гады! Убью всех! – снова донесся тот же

голос.

– А-а-а! – теперь уже орал мужик. – Тварь! Кусаться! Вяжи ее шибче, иначе за себя не ручаюсь.

«Вон она, какая здесь охота! Тогда я тоже за себя не ручаюсь». Еремеев прибавил ходу и выскочил на поляну, где двое в таких же жупанах, как у него, возились с девушкой, повалив ее на траву.

– А ну встать, подонки! – заорал он.

Один попытался откатиться в сторону и схватить валявшийся рядом пистоль. Грянул выстрел. Насильнику угодило в грудь, но второй успел нажать на спусковой крючок за мгновение до Александра. Удар сбил с ног Еремеева, но проворного стрелка от гибели это не спасло.

Понимая, что в лесу могут быть и другие, Александр постарался скорее перезарядить оружие. Он не ошибся – на поляну выскочили еще четверо с ружьями.

«Сколько же вас на мою голову? – Пальнул еще дважды, вскочил и рванул к ближайшему дереву. Увидел еще одного типа, у которого одежда была побогаче, а два его пистоля глядели прямо в лицо. – Только бы амулет выдюжил».

Еремеев кинул ружье в офицера, упал навзничь и покатился по траве, пытаясь в таком положении выхватить револьвер из наплечной кобуры. Он помнил, что там оставался один патрон, который сейчас был бы весьма кстати.

Выстрелы последовали один за другим. Не все пули пролетели мимо, парочку приняла на себя защита малахитовой пластины.

«А вот и долгожданная пауза». – Александр выхватил револьвер и поймал на мушку офицера. Не промазал, но еще двое уже перезаряжали свои ружья, а у него…

Помощь пришла откуда не ждали. Девушка, которой так и не успели связать руки, воспользовалась брошенным пистолем и пальнула в спину последних преследователей. На несколько секунд воцарилась тишина.

– Эй, ты живой?

– Смотря кого ты спрашиваешь?

– Тебя и пытаю, не этих же гадин.

– Значит, могу встать и ты стрелять не будешь?

– Ежели можешь, знамо дело, вставай, токмо сначала назовись по имени.

– Данила я, купец из Смоленска.

– А почему в ляхском жупане ходишь? И каким ветром в лесу очутился?

«Нормально, тут жизнью рискуешь под пулями, ее спасая, а она допрос устраивает». Еремеев вышел на полянку.

– Мой зипун эти, как ты говоришь, гадины испачкали, пришлось одолжить, не ходить же в окровавленной одежде? Мокро и неэстетично.

– Как ты сказал?

– На страшного и злобного урода я был похож! – с некоторым раздражением в голосе пояснил Александр, заметив, что дамочка держит его под прицелом. – А сейчас – только на гадину.

– Откуда на твоей одежде взялась кровь? – продолжила допрос девушка, глядя недружелюбно.

– На купцов иногда нападают разбойники, саблями машут, стреляют. Бывает, что и попадают. Меня зацепило малость. Ты долго в меня разряженным пистолем целиться будешь?

– Я тебе не верю, ни единому твоему слову. Купцы такими юнцами не бывают. Ежели б напали разбойники, вряд ли бы ты сам с ними управился, да и жупан с убитого тоже был бы в крови, а на нем ни пятнышка.

– Все подметила? – с иронией спросил он. – А еще я притащился сюда и кое-кого избавил от двух негодяев. Что с этим прикажешь делать? – Девушка слегка замешкалась, чем незамедлительно воспользовался Еремеев. – Не знаешь? Тогда слушай старших.

– Это ты здесь старший? Да у тебя усов – и тех нет.

– У тебя тоже, – не раздумывая, выдвинул контраргумент Александр. – И не перебивай.

– Да ты знаешь, кто я?! – властно спросила девушка.

– Откуда? Ты же не сочла нужным представиться. Небось королевских кровей, не иначе.

В глазах девушки промелькнул испуг, и она быстро затараторила:

– Зарина я, из Мстиславля, ехала с дядюшкой в Смоленск, а тут на нашу повозку разбойники напали. Всех убили, меня – в полон, а потом в лесу звери на них накинулись. Я сбежала, и, если бы ногу не подвернула, они ни за что бы не нагнали.

«А ведь хороша девчонка! – размышлял Еремеев, глядя на Зарину. – Светленькая, голубоглазая, от лица глаз не оторвать, да и фигурка – класс. Точно не крестьянка – говор не тот. И одета лучше. Дядя, наверное, купцом был. Только зачем синежупанникам торговец понадобился? Грабежами подрабатывают?»

Вопроса, почему те погнались за девушкой, у него не возникло, сам бы за ней побежал на край света.

– Дядя из купцов? – спросил он.

– Да, он какие-то товары вез, может, из-за них гадины и напали.

«Темнит что-то красавица, но выпытывать не буду. Запутается в рассказе, потом слова не вытянешь, а мне с ней приятно общаться».

– Идти сможешь?

Она попробовала подняться, но, вскрикнув от боли, виновато посмотрела на Александра.

– Верхом ездить умеешь? – задал Еремеев другой вопрос.

– Немного.

– А скакун обязательно должен вызывать доверие или какой-нибудь покладистый подойдет?

– При чем здесь это? – Округлив глазки, она стала еще красивее.

– В качестве коня могу предложить только себя, но доверия, насколько понял, мне нет.

– Ты все равно меня до Смоленска не домчишь.

– И тебя, и все, что у этих бойцов имеется ценного, довезу. Я в последнее время только оружием и торгую. Разбойников развелось – что иголок на сосне, и все норовят напасть на бедного купца. Вот и приходится потом оружие после них собирать. Не оставлять же добро?

– Чтобы все здесь подобрать, целый табун таких коней нужен.

– Нет, табун я другой дорогой в Смоленск веду, а здесь у меня только одна телега с лошадкой. Хватайся за шею. – Александр склонился над Зариной.

– Точно приставать не будешь?

– Только ежели сильно попросишь.

– Вот еще! – Она ухватилась за шею, но пистоль из рук так и не выпустила.

Еремееву очень не хотелось второй раз возвращаться к поляне, но он прекрасно понимал, что оставлять трофеи – непозволительная роскошь. Ему содержать отряд, помогать деревенским, да мало ли еще за что платить придется…

Упаковав все ценное в две сумки, повесив их крест-накрест через плечи, он нагрузился еще и ружьями и двинул не к телеге, а по кратчайшему расстоянию к дороге.

«Лучше потом лошадь подгоню, чем тащиться лишние сотни метров», – решил Александр.

Однако возвращаться не пришлось. Лошадка медленно семенила по дорожке, понукаемая Зариной.

– Ну, миленькая, ну поехали, ну чего ты плетешься еле-еле?

«Нет, ты посмотри! Жулик на жулике сидит и жуликом погоняет. Я думал, что коварнее кикиморы на свете никого и нет. Ошибался».

– Зарина, вот скажи на милость, что должен сделать человек,

у которого пытаются украсть единственное средство передвижения? – Еремеев дождался, когда повозка подъедет и вышел на дорогу прямо перед мордой лошади.

– Не подходи, буду стрелять, – теперь у нее в руках было одно из остававшихся в телеге ружей.

– Допустим, ты не промахнешься и убьешь. Лошадка ученая и без меня быстро не поедет. Кто попадется на дороге и как отнесется к одинокой путнице с вывихнутой ногой, да еще с таким богатым товаром, одному богу известно.

– Данила, поверь, тебе лучше остаться здесь, а не ехать со мной. Убьют ведь.

– Во-первых это не я с тобой, а ты со мной поедешь, а во-вторых, насчет опасностей… Меня, например, пытаются убить по два раза в день. Правда, если ты сейчас выстрелишь, это будет третья попытка.

– Я не хочу тебя убивать! – Она бросила ружье в телегу и зашмыгала носом.

«У одной истерика смехом исходит, у другой слезами выливается. Видать, перенервничала».

– Да не волнуйся ты, все равно бы ничего не вышло. Сама же видела, сколько раз в меня стреляли. Раза три точно попали. И ни пятнышка.

– Значит, ты мне все-таки врал? Одежда у него в крови, страшный он, – вытирая слезы рукой, попеняла Зарина.

– Там колдуны были, с ними все гораздо сложнее.

– Ты волшебник? – Зарина перестала плакать.

– Есть немного. Только колдовать не умею.

– Это как?

– Не научили. Зато амулеты зарядить – как нечего делать!

«Вроде не пацан, сорок два года прожил, но почему перед ней хвастать тянет? Еще немного, и начну как кот Матроскин: «А еще я крестиком вышивать умею, и на машинке…» Надо с собой что-то делать».

– А ногу вылечить?

– Тут целитель нужен. В Смоленске обязательно найдем.

– Сможешь меня в город тайно провезти, чтобы никто не узнал?

– Документов нет?

– Ага, у разбойников остались. И еще я не хочу, чтобы хоть кто-то узнал, что я была в полоне.

– Значит, тебе придется стать еще одной племянницей моего начальника охраны.

– А где он?

– Табун охраняет, который веду на продажу в Смоленск.

– Откуда у тебя табун?

– Ну, на меня же не только ляхи нападают. Вчера хан напустился, теперь его скакуны стали моими.

– Но ведь врешь же? Сознайся, что врешь.

– Да клянусь тебе спасением собственной души, это истинная правда.

Зарина вжала голову в плечи, явно ожидая кары небесной. Потом испуганно посмотрела на Александра.

– Да я бы и так поверила, зачем же сразу?

– А чего бояться, ежели не вру?

– Рисковать душой лишний раз не стоит.

– Уговорила, не буду.

«Еще и покладистость зашкаливает, а ведь купчиха у меня чуть лошадь не угнала. Нехорошие симптомы! И вообще, чего я тут груженый, как ишак, стою? Надо хоть трофеи в телегу сложить». Он обошел кобылку, сгрузил оружие, сумки.

Сам остался при двух пистолях, которые зарядил еще на поляне, – своем и одном из офицерских. Второй решил выдать попутчице.

– Зарина, возьми.

– Ты мне так доверяешь?

– Хочешь, чтобы я с тебя клятву стребовал?

– Нет. – Она активно замотала головой.

– Тогда верю без клятвы. Тем более нужно скорее трогаться.

– Но ты же не разрешаешь лошадке.

– Так она, пока на колени перед ней не станешь, ни за что не поедет. Тоже, наверное, королевских кровей.

– Ты меня обманываешь.

– Смотри сама. – Еремеев приблизился к морде животного, опустился на колени и развязал веревку. – Теперь можно ехать.

Не зря говорят, что за доброй беседой время летит незаметно. А если собеседник, ко всему прочему, еще и нравится, часы уподобляются минутам. Потому Александр был весьма удивлен, когда лес скоро закончился и они выехали к юго-западным окраинам Смоленска.

– А вон и мои стоят. – Еремеев издали увидел табун. – Наверное, долго ждут. – Он помахал рукой.

Телегу заметили. Начальник тут же направился навстречу.

– Буян, я тут нашел тебе еще одну племяшку, документов у нее нет, но в город провести надо без лишних вопросов.

– Здравствуй, дочка! – склонил голову ветеран.

– Здрав будь, дядюшка Буян, – сразу откликнулась она.

– Тебе бы одежку попроще справить и платок на голову

повязать. Такое пригожее личико перед городской стражей лучше не казать.

– Раз ты старший родич, тебе и решать, в чем мне лучше.

– Добре, красавица. – Он понизил голос и обратился к Александру: – Жаль, ее в парубка не переоденешь.

– Я уже думал об этом, – кивнул Еремеев. – А еще у нее нога вывихнута.

– Ты, дочка, побудь пока здесь, мне с командиром парой слов перекинуться надо. – Ветеран спешился, и они отошли на несколько шагов в сторону.

– Пока ехали, леший дважды гонца присылал. Сперва белка сказала, что ты у Смоленска нас нагонишь. Потом и вовсе дятел прилетел с вестью, что ты сгинул. Хорошо, я нашим не обмолвился, хоть и струхнул здорово.

– Он почти не ошибся. Спасибо кикиморе, помогла.

– Кикимора?! Тебе? Да она людей на дух не переносит.

– Я ее спас от верной гибели, долг у меня был перед лешим, пришлось выполнять.

– Дела! Я за свой век ни разу не слыхивал, чтобы один человек столько раз с нежитью сталкивался и живота не лишился.

– Кикимора после излечения собиралась меня на болоте оставить вместо скомороха, но тут нашла коса на камень, выбрался.

– А девка откуда?

– Купчиха? В лесу нашел. За ней парни вот в таких, как у меня, одеждах охоту устроили. А мне не по нраву пришлось, что они такими срамными делами забавляются.

– Опять коса на камень? – усмехнулся ветеран.

– Можно и так сказать. – пожал плечами Александр.

– Судя по количеству стволов в телеге, охотников было немало. Знаешь, иногда меня одолевают сомнения, нужна ли тебе охрана.

– Нужна, – серьезно ответил Еремеев, – были бы вы рядом, не пришлось бы кикиморе меня с того света вытаскивать.

– Добре, – кивнул Буян. – Но погуторить я хотел о новой племяшке. Она ведь не купеческого роду будет.

– А какого?

– Сам посуди, будут ли за купчихой ляхи охоту ладить?

– За такой красивой – вполне.

– Красивых девок на Смоленщине – пруд пруди, если за каждой по десятку ляхов будут бегать… Уж поверь моему глазу, она из роду боярского, не ниже.

– И что теперь? Не брать ее с собой в Смоленск?

– За стены я бы везти ее не стал. На окраине схорониться

проще. Хочешь, сам этим займусь? Есть на примете проверенные люди. Пусть пока у них побудет, а мы обстановку тем временем разведаем.

«Вот что значит, когда головой не думаешь! Вывод сам собой напрашивался, а я… Если она, например, из Смоленска сбежала, то наверняка на каждом въезде соглядатаи стоят. Хорошо хоть, мои здесь раньше оказались. Зря я свою паранойю за Можай загнал, иногда она бывает очень кстати».

– Пожалуй, ты прав. Только ей срочно нужно подлечить ногу.

– Там и подлечат. Для этого целитель не нужен, достаточно толкового костоправа.

«Тревожно ее от себя отпускать, но в город везти – еще опаснее. Надо будет у сержанта выяснить хоть какие-то подробности. Если девушка из знатных, почему-то мне кажется, он должен быть в курсе».

Буян отправился к бойцам, заставил разгрузить одну из телег и вернулся на ней. Вместе с Еремеевым они пересадили девушку в новую повозку.

– Знаю, где вы остановитесь, буду к ночи с докладом. Держи свою поклажу. – Ветеран передал сумки, которые Александр забыл на лошади. Здесь были и патроны, и деньги. – Вместо себя оставляю Гната. Он не воин, но мужик башковитый и Смоленск хорошо знает.

Гнат сразу и посоветовал Александру сменить голубой жупан на домотканую рубаху и штаны из своих запасов, благо они были одинаковой комплекции:

– Негоже в чужеземной одежке в русском городе появляться.

Данила-купец с удовольствием переоделся. Караван направился к воротам Смоленска.

– Ты бы торговую лицензию загодя достал и пару золотых приготовил, – подсказал Гнат у въезда в город.

Ждали Еремеева еще и потому, что без торговой лицензии большому каравану хода не было. Если бы купец не приехал до наступления темноты, то пришлось бы товары, в том числе и лошадей, распределять среди бойцов, пошлину платить втридорога…

Гнат, похоже, в Смоленске чувствовал себя как рыба в воде. Он сразу направил караван к нужному постоялому двору с просторной конюшней и недорогими комнатами для гостей. Там и разместились.

«Сегодня никуда не пойду, хоть вы меня стреляйте! – размышлял Александр после сытного ужина, развалившись на просторной кровати. – Во-первых, скоро стемнеет, во-вторых, на исходе дня вряд ли кому охота серьезными делами заниматься,

а в-третьих, мне до жути лень вставать с этой кровати! Все завтра! Как там говорят – утро вечера мудренее? Вот и нечего глупить! Глупостей я за сегодня натворил более чем достаточно, все лимиты исчерпал».

Его поселили на третьем этаже пятиэтажного каменного дома, где находились комнаты для богатых клиентов. Помимо кровати, стула и стола в его «апартаментах» имелся одежный шкаф и большая лохань, куда при желании и соответствующей оплате могли натаскать теплой воды.

В дверь постучали, так что Еремееву все равно пришлось подниматься. За порогом оказался Гнат с новой одеждой.

– Я тебе костюм добротный справил, дабы все за купца издали принимали. Зипун, кафтан, порты и сапоги.

– Когда ты успел? – Александр пропустил визитера и закрыл дверь.

– Свезло. У портного был готовый наряд почти на тебя. Немного стежков – и одежка готова. Примерь, может, подшивать придется?

«То-то тебя за ужином не было. Действительно, ушлый мужичок, все успевает. Вот только сам не отдыхает и другим не дает. И ведь нельзя показать недовольство. Подумаешь, не дали поваляться, человек же старался. – Еремеев начал в который раз за сегодняшний день переодеваться. – А ведь действительно, хорошо сидит, по крайней мере, по ощущениям, точно на себя примерял».

– Прям как на меня шили! И сапоги впору.

– Вот и славно, – заулыбался Гнат. – Теперь никто не усомнится, что ты из купеческого рода.

– Спасибо, порадовал. Как наши дела? – Александр предложил гостю стул, а сам уселся на кровати.

– А дела у нас неважные, командир, – устроившись, сообщил Гнат.

– Что так?

– Вчерась по Смоленску солдатики бегали, кого-то искали. Портной сказал, многих в казенный дом свезли, правда, некоторых потом отпустили восвояси. Еще ночью пальба знатная была.

– Выходит, торговли не будет?

– Почему же? Лошадок завтра пристроим, стволы так же в ходу – за день уйдут по нормальной цене. А вот с делами найма лучше поспешать. Как бы худо не вышло.

– Попробую успеть за сутки.

– То будет славно. А скажи, Данила-купец, из тех, кто с тобой прибыл в Троицкое с татарами биться, все достойны доверия?

– Знаю их не дольше тебя. Что-то случилось?

– Один ушел со двора. Похоже, хотел, дабы его не уличили в том, но Гната не проведешь, я не токмо за товаром приучен приглядывать. Оно, конечно, мог и в бордель податься, но лучше последить за ним. Время нынче неспокойное, а у купца всегда есть чем поживиться.

– Как зовут молодца?

– На имя Креслав отзывался.

«Из тех, кого в Крашене освободили… Буян сказал, он из арбалета хорошо стреляет».

– Будем разбираться, – кивнул Еремеев.

– Я бы не поспешал с этим, а вот присмотр за ним усилить надобно.

– Займешься?

– Пригляжу, ежели опять гулять повадится, провожу до места.

– Договорились. Держи меня в курсе.

– Несомненно.

– Ежели не трудно, разбуди меня завтра пораньше. Надо к Белому храму наведаться.

– Обязательно приду.

Закрыв за Гнатом двери, Александр снова улегся на кровать. Правда, от того расслабленного состояния, что было после ужина, не осталось и следа.

«Сказано же было – никому не отлучаться. Так нет, нашелся тип, которому мое слово не указ. Надо проучить, чтобы другим неповадно было. Раз уж нанялись в отряд, будьте любезны выполнять приказы командира, то есть мои».

Еремеев расстегнул кафтан и достал из-под подушки пистоль. Внимательно присмотрелся к надписям на стволе.

«Почему-то против лысых колдунов они меня не уберегли. Видать, не любой магии способны противостоять. А жаль. Наверное, универсального средства просто не существует. – Он положил оружие рядом, проверил револьвер под мышкой и малахитовую пластину в кармане рубахи. – Что-то Буян задерживается. Обещал же заглянуть с докладом. С этой вчерашней беготней солдат по городу и ночными стрельбами как-то тревожно на душе. Получается, я из одной беды Зарину вытащил, а к другой подогнал? Хоть бы созналась, кто такая и чего ей опасаться. А то как тут уберечь, если понятия не имеешь от кого? Скорей бы мой начальник охраны вернулся. Может, ему удастся разузнать больше?»

Проснулся Александр от негромкого стука. Поначалу даже решил, что это Гнат пришел его будить, но, глянув в окно, увидел там яркую луну и… болтавшуюся на ее фоне веревку. Видимо,

она и стукнулась о карниз.

«Чует мое сердце, не девушка решила забраться в мою обитель. Но проверить не помешает». – Стараясь не создавать шума, он поднялся и, соорудив из одеяла подобие человеческой фигуры, скрылся в той части комнаты, куда не проникал свет луны.

В комнату забрались трое. Самый высокий из них вытащил из-за спины дубину и со всего размаха опустил на подушку.

«Попытка убийства налицо, значит, и церемониться не стоит!»

– Да тут и нет никого, – обиженно заявил тип.

– Не угадал. Кто дернется – пристрелю! – честно предупредил Еремеев.

Дернулись все трое. Александр выстрелил дважды, поскольку третьего собирался взять живым. Однако тот рыбкой нырнул в окошко, пытаясь на лету поймать веревку. Похоже, не удалось. Внизу раздались крик боли и ругань.

«Теперь далеко не уйдет», – решил Еремеев и пошел открывать двери, поскольку в нее уже тарабанили.

– У меня все в порядке! Там внизу тип один выпал, хотелось бы с ним поговорить.

Через пару минут в комнату поднялся Гнат.

– Не свезло лиходею. Шею он сломал, бедолага, при падении.

– Гнат, скажи, а человек со сломанной шеей может браниться?

– Токмо на том свете.

Глава 11
Тайны Смоленского двора

С утра зарядил моросящий дождик, наполнивший улицы города промозглой сыростью. В такую погоду те, кто мог себе позволить не выходить из дома, так и сделали. Однако в центральной части Смоленска, где за кремлевскими стенами скопились административные здания и представительства главных торговых домов республики, было многолюдно.

Пан Тадеуш в собственной карете направлялся к месту службы. Он не только являлся членом республиканского вече от Крашена, но и возглавлял торговое представительство конторы, занимавшееся продажей и установкой алтарных камней.

Гномы, обладавшие в Смоленске абсолютной монополией на средства защиты от зверюг, не поскупились на отделку трехэтажного особняка, расположенного за узорной кованой оградой. Многогранные пилястры, античные фигуры между ними, мраморные обрамления оконных проемов – буквально все кричало о том, что дела у собственников здания шли превосходно. Пожалуй, этот уступал в роскоши только одному особняку – гномьему банку. На службу туда брали исключительно представителей пришлой расы, как здесь называли эльфов и гномов.

Карета Тадеуша подъехала и остановилась у ворот. Дежурившие на входе охранники недоуменно переглянулись, но поспешили отворить массивные створки. Единственный пассажир вдруг заметил, что точно такая же карета уже находилась на подворье особняка. Мысли о том, кого еще нелегкая принесла, промелькнули лишь на какое-то мгновение.

Кучер привычно остановился напротив крыльца, и глава представительства за пару секунд преодолел расстояние до входа. Обе дверцы услужливо открыли стражники, дежурившие возле дверей.

Тадеуш всегда был крайне осторожен. Он редко выходил из дома без кольчуги, изготовленной в гномьих мастерских, имел при себе два револьвера их же производства и носил несколько защитных и усиливающих амулетов. Шляхтич не любил русских, но их заповеди: «Береженого Бог бережет», – строго придерживался, поэтому и дожил до своих пятидесяти здесь, во враждебном окружении, да еще и достиг немалых высот.

Лицо Тадеуша было словно высечено из камня неумелым скульптором: квадратный подбородок, треугольный нос,

скошенный лоб и глубоко посаженные глаза под выступавшими надбровными дугами. Многие прислужники не могли выдержать пристального взгляда холодных водянистых глаз шляхтича, поэтому старались при встрече смотреть куда угодно, только не на господина.

Вот и сейчас в прихожей кабинета секретарь подскочил как ужаленный, даже рот раскрыл, чтобы что-то сказать, но, наткнувшись на суровый взгляд Тадеуша, тут же опустил глаза. Глава представительства приучил работников говорить только тогда, когда он разрешит, поэтому даже здороваться здесь было не принято.

Тадеуш вошел в кабинет и сразу активировал дополнительные защитные амулеты. За его столом, в его кресле сидел очень похожий на него человек в таком же темно-сером костюме.

– Не надо делать резких движений, пан Тадеуш. Я пришел получить некоторые объяснения.

– Кто ты такой, чтобы требовать от меня объяснений? – Тадеуш решил, что хвататься за оружие не стоит, да и магию применять рановато. Гость хоть и проявил несусветную наглость, вряд ли покушался на его жизнь.

Впрочем, вошедший кое-что сделал. Пустяковым заклинанием он активировал механизм, и на подлокотниках кресла выступили едва заметные лезвия, как раз в тех местах, куда человек опирается ладонями, поднимаясь.

– Организация, которую я представляю, недавно получила заказ на голову одного молодого человека… – начал объяснять двойник.

– Допустим. Какого дьявола приперся? Доложить, что выполнил заказ?

– Нет. В свете последних событий я пришел показать, на что способны настоящие профи. Надеюсь, мой маскарад доказал: шутить с нами не стоит. Понадобится – достанем в самом защищенном месте.

– Я похож на шутника? – мрачно спросил Тадеуш, мимоходом бросив взгляд на синее кольцо.

Надетое на безымянный палец левой руки оно сообщало о том, что владелец является магом седьмого кольца водной стихии.

– Может, ты и не похож, но то, что вытворяют твои люди в Крашене…

Вошедший уже получил донесение о нападении на тюрьму и убийстве шестерых охранников. Ему доложили, что пленников освободили профи, хотя на месте стычки также обнаружились

трупы освободителей.

– Мои? Ты ничего не путаешь?

– Скажи на милость, зачем заказывать голову человека, которого держишь в собственной тюрьме? Неужели чтобы проверить, смогут ли профи его оттуда достать?

– Слушай, как тебя там, ты за кого меня принимаешь? Платить полсотни злотых только для того, чтобы в Крашене… Сам соображаешь, о чем говоришь? Профи нападают на тюрьму, освобождают неугодных мне типов, которые, похоже, их же и прихлопнули. Мои потери – шесть бойцов. Мало того, на свободу вышли крайне опасные для меня люди, прихватив с собой еще оружия на полсотни злотых. Считаешь это шуткой? Еще и претензии выказываешь?!

– У нас тоже недосчитались шестерых бойцов, отправленных в Крашен. Трое пропали на нехоженом пути между лесом и болотом, где видели повозку с клеткой в сопровождении твоих людей. И мне все эти совпадения очень не нравятся, как и моему хозяину.

Обстановка в помещении накалилась до предела.

– Если узнаю, что и этих моих людей убили профи, – повысил голос Тадеуш, – вы перестанете существовать!

– А не много ли ты на себя берешь, уважаемый? Бессмертных, как известно, не существует! – Двойник хоть и старался оставаться невозмутимым, сдерживался из последних сил и лишь потому, что глава гильдии приказал не обострять отношений с богатым клиентом.

– Вот и я о том же. Если считаете себя единственными специалистами в своем деле, то глубоко ошибаетесь. Есть парни и посмышленее.

– Только они за услуги берут в разы больше.

– Зато результат гарантирован. А твои, кроме никому не нужной головы, так ничего и не предъявили.

– У владельца той головы были документы на имя Никиты Нилова, – немного понизил тон двойник. У человека, которого убийцы настигли на дороге к Витебску, действительно имелись документы Нилова.

– Ты считаешь это полноценным результатом работы?

– Я считаю совершенно неприемлемой гибель шести отличных бойцов при выполнении, казалось бы, обычного заказа. А пришел сюда предупредить: если еще хотя бы один профи погибнет в твоих владениях, мы будем вынуждены аннулировать контракт без возвращения оплаты.

– Такие вопросы я решаю только с твоим руководством.

– Я передал его слова. Прощай.

Двойник встал из-за стола и тут же отдернул руки от подлокотников. На ладонях он заметил кровавые порезы.

– Нельзя же быть таким неловким, – усмехнувшись, произнес хозяин кабинета.

– Я считал, что в такой солидной организации стоит нормальная мебель. – Незваный гость решительным шагом направился к выходу.

Тадеуш только сейчас сообразил, что сам во время разговора так и не присел. Он покачал головой, вытащил носовой платок и приблизился к креслу. Несколько капель крови он вытер и аккуратно спрятал платок в карман. Затем подошел к окну, выглянул во двор, стараясь оставаться невидимым снаружи.

– Дорого ты мне обходишься, Никитка, – негромко произнес он. – Матеуш и Дариуш были неплохими рубаками. И не имели ни единого прокола в делах, пока не взялись за тебя. А в результате погибли вместе со своими холопами. Если и в Крашене постарался ты, на счету еще шесть бойцов. Пока непонятно, что не срослось на болоте. Дьявол с ними, с колдунами и охраной, но сундук с Черной морью… Мало того что за него пришлось отдать три сотни злотых, так ведь и одолжили всего на пару недель. Второго такого и не сыщешь. Неужели и тут Никитка дорогу перешел? Скоро убытки до тысячи злотых дойдут, а я понятия не имею, где ты бродишь…

Тадеуш заметил, что его двойник спустился с крыльца и направился к карете.

– И он еще называет себя профи! Паршивая работа, – язвительно заметил стоявший у окна. – Не пан должен идти к карете, а она к нему. Надо будет страже указать на недочеты. Пся крев! – воскликнул шляхтич, увидев, что двойник резко остановился и начал оседать на мостовую. Из его груди торчала стрела.

Тадеуш сразу отошел подальше от окна.

– С профи контракт придется расторгнуть, еще и неустойку заплатить. Но какая сволочь вздумала стрелять в центре Смоленска за кремлевскими стенами? – Он вышел в прихожую и распорядился, чтобы труп занесли в здание.

Через несколько минут шляхтич держал в руках стрелу с наконечником из клыка летающего волка. Такими хвалился хан Кичи, когда они встречались для обсуждения совместных дел.

«Еще и с этими разбираться?! – Тадеуш вытащил платок со следами крови погибшего и швырнул его в урну. – Придется ехать в банк, но не хочется до зубовного скрежета».

Уже через четверть часа он подъезжал к служебному входу самого роскошного здания Смоленска. Сразу за порогом Тадеуша

обыскали, изъяв оружие и амулеты, хорошо хоть кольчугу снимать не заставили.

– Господин Тагур примет через пять минут. Подождите в приемной.

Тех пришлых, кого называли гномами, от людей отличал не только рост. Первое, что бросалось в глаза, – бледная кожа слегка зеленоватого оттенка. Черты лица также имели существенные отличия: заостренный, чуть вздернутый кверху нос, заметно выдвинутый вперед подбородок и глаза, которые меняли цвет в зависимости от настроения гнома. При этом волосы на голове у них росли только за ушами и укладывались в виде загнутого книзу рога.

– Что привело тебя, уважаемый? – Тагур кивнул вошедшему шляхтичу, указав на стул. Голубой цвет глаз демонстрировал хорошее настроение хозяина.

– Наши планы под угрозой, господин Тагур. Я попытался решить проблему своими силами, подключил профи, но пока несу одни потери. – Тадеуш постарался вкратце описать сложившуюся ситуацию.

– Печально, печально, – побарабанив костяшками пальцев по столу, произнес гном. Его глаза сначала потемнели до темно-синего, затем окрасились зеленым. – Что собираешься предпринять?

– Поскольку я столкнулся с тем, что не поддается объяснению, требуются необычные ресурсы. За этим и пришел к тебе, – присев, сообщил вошедший.

– Собственные недочеты хочешь оправдать мистикой? Причем заметь: помимо этого Никитки за тобой остались и другие долги. Где десяток людишек, которых ты мне обещал доставить еще на прошлой неделе?

– Все происходящее – звенья одной цепи, господин Тагур. Кто-то планомерно не дает мне осуществить задуманное. И я начинаю подозревать, что за Никиткой стоят эльфы.

Тадеуш знал, что две эти пришлые расы друг друга недолюбливают. По тому, как глаза собеседника быстро пожелтели, шляхтич сообразил – он на верном пути.

– С чего ты решил?

– А кто еще мог организовать столько проблем одновременно и сразу – в разных местах? Крашен, Троицкое, Смоленск и округа. У меня никогда не было ни одного провала, а тут сразу с десяток почти одновременно.

– Возможно, ты и прав, – после небольшой паузы произнес Тагур. – Только откуда эльфам стало известно, что Смоленск… – Гном вовремя спохватился и не закончил едва не соскочившую с

языка фразу. – Хорошо, я выделю тебе пару асов. Надеюсь, за неделю они решат все твои проблемы.

Тадеуш знал, что асов гномы готовили как раз из тех людей, которых он сам же и поставлял. С помощью ритуальной магии и последующих тренировок их натаскивали на поиск и убийства. Обычно из десяти выживал один, но он становился настоящим гением розыска и уничтожения.

– Благодарю, господин Тагур.

– Ступай.

Буян не появился на постоялом дворе и к утру, что крайне встревожило Еремеева. Ветеран не мог не прийти по пустяковой причине, а значит, произошло нечто серьезное. И Александр с трудом удержал себя, чтобы не бросить все и не отправиться на окраины.

Гнат пообещал навести справки по поводу Буяна, но лишь к обеду. Не прояснилась ситуация и с ночным визитом троицы незнакомцев. Найти человека, свернувшего шею выпрыгнувшему из окна, так и не удалось.

«Креслав вроде прибежал к моей двери вместе с остальными, – рассуждал Еремеев, шагая за вторым из мужичков, приставленных к каравану старостой. – Когда парень вернулся, никто не видел. По большому счету и предъявить ему нечего, разве что устроить допрос с пристрастием, но сам я не мастак, да и негоже пытать человека только за то, что он отлучился. Может, у него здесь зазноба живет?»

Александр поначалу хотел устроить прилюдное наказание Креслава, но передумал, опасаясь спугнуть. Очень хотелось выяснить втихую, на кого тот работает, если это действительно он.

Гнат с утра занялся торговлей и отправил одного из парней на окраину, дабы поспрашивать по поводу Буяна, а Еремеев в сопровождении Годима, помощника Гната, вышел к Белому храму.

В своей прежней жизни – в мире без магии, нежити и пришлых зверюг – Александр бывал в храмах редко, в основном, чтобы полюбоваться красотой внутренней отделки. Опять же, помня о том, что отец Никиты прогнал сына из дома, когда выяснил, что тот обладает чародейским даром, Еремеев не знал, как его примут церковники. Ведь и Данила-купец этим даром не обделен.

«Могут ведь и на порог не пустить, надеюсь, что хотя бы бумаги удосужатся прочитать».

Его приняли на удивление быстро. Не в храме, а в

примыкающей постройке. Ознакомились с письмами, задали несколько вопросов и сразу провели к старшему священнику.

– Здрав будь, Данила-купец! – поприветствовал его мужчина располагающей внешности. – Присаживайся.

– Здравия желаю… – Александр замешкался, не зная, как обратиться к собеседнику.

– Отец Серафим, – подсказал тот.

– Очень рад вас видеть, отец Серафим.

– Мне рассказали о твоем стремлении и делах, кои ты сотворил на благо людей. Сие похвально.

– Моих заслуг здесь немного, просто обстоятельства так складывались, что по-другому поступить было нельзя.

Батюшка улыбнулся:

– Немного людей нынче встретишь, кои способны поступать по велению души. А вот скажи мне, с какими помыслами ты идешь под несомненный удар власть имущих?

– Да какие такие мысли?! Обидно, когда негодяи портят жизнь нормальным людям. Пытаюсь этого не допустить и буду рад, ежели кто-то мне поможет.

– Верно глаголешь. Негоже, когда те, кто обязан заботиться о людях, семь шкур с них снять жаждут. Нет им прощения ни на этом, ни на том свете! Но как ты собираешься защитить доверившихся тебе людей?

– Попробую за год научить защищаться самостоятельно, может, найду наследника их погибшего господина. Опять же поговорю со сведущими, вдруг присоветуют чего? Не по душе, когда ляхи пытаются наших под себя подмять.

– Чужеземцы да пришлые чужаки вознамерились дух русский изничтожить, а ты делами своими способствуешь его крепости. И хоть зреет в тебе зерно колдовское, душа под Богом ходит. А скажи мне, Данила-купец, ты и вправду способен за один раз несколько алтарных каменьев зарядить?

«А батюшка деревенский, похоже, все про меня написал до мельчайших подробностей. Надеюсь, это небольшой грех».

– В Троицком два осилил, – ответил Александр.

– Тогда тебя сам Господь к нам послал.

«Ну да, раз алтари монстров отпугивают, значит, во благо».

– А в чем дело?

– Позавчера в Смоленске убили десять энергомагов. Как раз накануне дней, когда зверюги в силу входят.

– Волшебников так легко убить? – Еремеев удивился.

– Есть много способов обойти броню чародея. Стоит сие немалых денег, но кто-то, видать, не поскупился, дабы оставить окраины города без защиты от костяных монстров.

– Но зачем?

– Не будет преград для тварей – весь народ с окраин хлынет под защиту стен. Много людей. И какого сброда сюда только не нагрянет. Обстановка в республике и так непростая. Начнутся волнения, а в мутной воде хорошо рыбку ловить.

«Цветные революции? Это мы неоднократно проходили, знаем. Неужели и тут то же самое?! Попал в другой двадцать первый век с совершенно другим развитием цивилизации, а методы захапать власть все те же!»

– Что я должен сделать? – спросил Александр.

– Погоди. – Он вышел на минутку за дверь, вернувшись, продолжил разговор: – За пару дней нужно зарядить хотя бы три десятка главных алтарей. Сейчас принесут карту.

– Думаешь, мне это по силам?

– Мы никогда не ведаем, какие силы нам дает Бог для благих дел, – ответил батюшка. – Попробуешь?

– Непременно. Скажи, а правда, если сжечь кикимору, то вся нежить потянется ночью туда, где останется ее пепел?

– Это так, – кивнул священник. – Только мало кому по силам вытащить эту нежить из болота.

– Вот и хорошо.

Еремеев не стал рассказывать о стычке на болоте. Ему еще предстояло много дел, а времени могло и не хватить.

В комнату вошел служка и положил на стол лист бумаги.

– Вот карта Смоленска и его окраин. Здесь красными кружочками отмечены алтари, – пояснил батюшка.

– Тогда мне следует поторопиться, отец Серафим.

– Приходи сюда в любое время, церковь в беде не оставит.

Прощаясь, отец Серафим пообещал, что вопросом найма он займется сегодня же. Рассказал, куда следует привести лошадей и когда ждать результата.

– Благодарю от лица всех селян, – уходя, произнес Еремеев.

– И тебе спасибо, Данила-купец. По виду ты совсем юн, а в мыслях просматривается зрелый муж. Да хранит тебя Бог.

Александр покинул Белый храм. С утра он отказался разъезжать по Смоленску на лошади, считая, что мозоль на одном месте лучше не тревожить, однако дел прибавилось. Поджидавший его Годим предложил воспользоваться извозчиком, когда узнал, куда требовалось ехать дальше.

«Неужели это все Тадеуш? Да будь он хоть семи пядей во лбу и имей шесть рук, все равно в одиночку не осилить. Наверняка таких тадеушей в городе не один десяток. И каждый желает подмять под себя Смоленск? Может, здесь есть нечто, о чем пока не все знают?» – на душе у Еремеева становилось все тревожнее и

тревожнее.

Возле ворот лагеря, где размещались ополченцы, он заметил вооруженную охрану. Четыре арбалетчика, которых раньше там не было, прохаживались взад-вперед. Александр приказал извозчику проехать чуть дальше. Расплатившись, они вместе с Годимом вышли из пролетки и двинулись в обратную сторону.

«Это сколько времени нужно готовиться, чтобы в один день убить сразу всех энергомагов? Понятно, почему вчера солдаты по городу рыскали. Думаю, вряд ли хоть кого-то нашли… А при чем тут ополченцы? Там и был-то всего один энергомаг. Выходит, я редкая птица! – Он знал, что обычным магам приходится тратить много времени даже на частичную зарядку алтарных камней. – И этой «птичке» лишний раз лучше не чирикать».

В Еремееве сейчас сложно было узнать того паренька, каким он впервые посетил Смоленск. Пестрый купеческий наряд отвлекал внимание от лица. Тем не менее приближаться к воротам он не рискнул. Заметив вывеску ремесленной лавки, поторопился заглянуть туда.

– Годим, мне бы человечка одного вызвать вон оттуда. – Купец кивнул в сторону ворот. – Старика кличут Фролом, мы с ним из одной деревни, но имени моего называть не стоит.

– Как выглядит?

Александр описал мужчину.

– Тут будешь ждать? – спросил Годим.

– Да.

Еремеев остался и принялся рассматривать, чем в лавке торг ведут. Здесь было нечто наподобие магазина «Хозтовары» или «Тысяча мелочей». Ведра, подковы, гвозди, веники, вырезанные из дерева фигурки, мебель, посуда…

Он не удержался и купил складной нож, поскольку не ожидал его тут увидеть, опять же не хотелось вызывать подозрений. Что это за покупатель, который ничего не берет?

«Ух ты! Тут еще и магический отдел имеется? – Александр удивился. – Волшебный замок, сигналка на окна против чужаков, подушка для хорошего сна…»

Заметив патроны, Еремеев даже головой покачал. Он не ожидал, что заряды для огнестрельного оружия могут продаваться в магической лавке. Присмотрелся внимательно, раньше как-то было недосуг.

«Пожалуй, от наших отличаются. Капсюль не такой. Спросить у продавца, что ли? – Александр поискал глазами хозяина товаров. – А вдруг здесь об этом каждый дурак знает? Как бы лишних подозрений не вызвать. Время сейчас неспокойное».

– Ищешь что-то? – спросил подошедший продавец, когда

Еремеев прочитал табличку «Ловец воров».

– Скажи, а как эта вещь работает? – спросил купец, глядя на обычный с виду кусок ткани.

– Подобно капкану, уважаемый.

– Можно посмотреть?

– Пожалуйте. – Продавец вытащил полотно и расстелил его на прилавке, затем сверху положил свой кошелек, наклонился и тихо произнес: – Отпусти.

– А дальше? – Александр задал вопрос, когда молодой человек сделал шаг назад.

– Попробуй взять кошелек.

– А мне руку не откусит?

– Мы не калечим покупателей, уважаемый.

Стоило коснуться кошелька, и ткань ухватила за руку, мгновенно превратившись в камень. При этом Еремеев не смог оторвать сработавший капкан от прилавка.

– Ничего себе!

– Освободить вора может лишь тот, кто подложил приманку, назвав слово-ключ. В нашем случае – «отпусти».

Ткань с легкостью развернулась, освободив руку из захвата.

– И что можно использовать вместо приманки?

– Любую вещь. Некоторые пришивают обычную ткань, тогда любой, кто ее коснется, попадет в капкан.

– Сколько стоит?

– Пять злотых.

– Дорого, – решил поторговаться покупатель.

– Ну что ты, уважаемый. Такой капкан, может, один-единственный во всем Смоленске. Уникальный товар.

– Потому-то у тебя его никто и не берет? Обычный капкан-то, поди, дешевле будет.

– Так он же жертву враз покалечит, – не уступал продавец.

– И поделом ему. Мне вора ничуть не жаль. Один могу предложить и то с натягом. – Александр в том мире не любил торговаться, но сейчас требовалось занять время, пока подойдет нужный человек.

– Да ты что! Сам посуди: обычный лоскут – и вдруг камнем становится. Да еще от поверхности не оторвешь. Где еще такую диковинку отыщешь? Могу скинуть только один злотый.

– Подумаешь, камнем. Еще упадет на ногу, потом хромать буду. Ладно, согласен на две монеты, нам, купцам, к убыткам не привыкать.

– Какие убытки, уважаемый? – Продавец покачал головой. – Собираешься ободрать меня, как липку. Да настоящая цена этой вещи – не менее десяти монет, ежели хочешь знать. Тебе сильно

повезло, что ее хозяину срочно нужны деньги, но меньше чем за три монеты не уступлю, и не уговаривай!

– Согласен. С тобой разговаривать – одно удовольствие, потому не жаль платить даже грабительскую цену. – Еремеев выложил названную сумму, пока продавец не передумал.

– Только учти, – продавец убрал деньги, – после каждого использования капкан следует заряжать магией. Могу предложить парочку специальных амулетов.

«Как это знакомо! Мы вам продадим вещь, но без батареек она не работает, а батарейки…»

– Сколько? – со вздохом спросил Александр.

– Недорого, всего два злотых за амулет. – На лице продавца на мгновение промелькнула улыбка. – Сколько будешь брать?

«Ну уж нет, тут, уважаемый, тебя ждет бо-о-ольшой облом».

– Лоскуток мне заверни, обойдусь пока без амулетов.

– Но без зарядки он работать не будет, а найти в городе энергомага теперь очень непросто. Слыхал, что давеча произошло?

– У моего знакомого такие амулеты втрое дешевле, – уверенно заявил Еремеев.

Продавцу ничего не оставалось, как отдать товар, хотя основную прибыль он рассчитывал получить за счет продажи зарядных амулетов.

«Была бы у меня такая вещь вчера, мог бы постелить под окном в виде коврика, и первый же негодяй прилип бы к полу, как муха к липкой ленте».

– Земляк, говоришь? – Знакомый голос прервал мысли Александра. – А чего он сам не наведался?

– Приветствую тебя, Фрол, – развернувшись, Еремеев двинулся навстречу.

Старик поначалу опешил, затем перекрестился и только потом заговорил:

– Ты, чай, не с того света ко мне пожаловал?

– Неужели так плохо выгляжу?

– Одежка славная и сам пригож, да только третьего дня нам тело твое привезли без головы. Тебя уж и из списков ополчения вычеркнули, с довольствия сняли.

«Как же я теперь без пайки обойдусь? Оголодаю ведь», – мысленно усмехнулся Еремеев.

– Почему решили, что тело мое?

– При нем пропуск был и бумаги на имя…

– Фрол, давай без имен.

– О как? – Брови старика подскочили вверх. – Ты так высоко взлетел?

– Почти. Теперь вот оступиться боюсь. Чуть зазеваешься – и сразу в лепешку. Скажи, когда сержант освободится? Мне с ним переговорить нужно.

– А нет больше нашего сержанта. Аккурат на следующий день после твоей якобы гибели нашли его труп на пороге дома. Какими-то мудреными стрелами убили.

– Сдается, доводилось мне видеть такие стрелы, – мрачно произнес Еремеев.

«Серьезная потеря. Видать, здесь подобными стрелами всех волшебников норовят подстрелить, чтобы защитные амулеты не помогли, – размышлял он. – Только подумаешь, что тебе ответят на накопившиеся вопросы, как человека раз – и нет. А ведь именно через него я и намеревался выйти на других, кто мог бы остановить этого Тадеуша. Теперь придется самому решать проблему. И помощников нужных подбирать».

– И кто сейчас вместо сержанта?

– Прислали какого-то ляха. Лютует, как зверь. Чуть что не по его – сразу в морду. Уже двое влезли в долги и внесли откуп, лишь бы покинуть лагерь. Многие мечтают в бега податься, но нынче вон скока охраны понаставили.

– И велик откуп?

– Десять злотых. Такие деньги только у родителей Вацлава имеются, но его нынешний сержант не трогает, наоборот, всем в пример ставит.

«Кто же это додумался к русским волшебникам приставить иноверца? Уж не для того ли, чтобы они позабыли и то, что умели?»

– Фрол, как думаешь, пойдет ко мне на службу кто-нибудь из ополченцев, если этот откуп за них внесу я?

– У тебя завелись такие деньги? – Старик еще раз окинул земляка взглядом с головы до ног.

– Имеются, но нужны по-настоящему надежные ребятки, кто в беде не подведет.

– Знамо дело, пойдут. Хуже, чем сейчас, точно не будет.

– Сможешь подобрать пятерых? Надобно двоих с атакующей магией, пару с оборонной и одного целителя.

– Ты, никак, армию решил собрать? – Старик покачал головой. – А меня возьмешь?

– Несомненно. Земляки должны помогать друг другу. Кстати, а ты где живешь?

– Где работаю, там и ночую.

– То есть проблем с переездом не будет?

– Да хоть сейчас могу собрать свой сидор и отправиться куда глаза глядят.

– Замечательно. Вечером приходи… Слушай, тут поблизости имеется какая-нибудь харчевня? Только не «Потьма».

– Недалече стоит «Жирный налим», там самую свежую рыбу подают. Утром из Днепра выловят, вечером приготовят.

– Фрол, а отобранных тобой волшебников туда вытащить не получится? Хотелось бы с ними сперва переговорить, прежде чем деньги вносить.

– Под клятву, да за один серебряный их должны выпустить до ночи, – ответил старик.

«Уж не ту ли страшную, которая в моем исполнении Зарину сильно напугала? Неужели все так боятся ее нарушить?»

– Тогда пусть приходят. Ужин за мой счет.

– Лады. – Старик улыбнулся. – Я с вещами сегодня приду?

– Конечно, мы же договорились.

Довольный Фрол покинул лавку, после чего к Еремееву подошел Годим:

– Теперь куда, командир?

– Надо в Успенский храм наведаться. Далеко отсюда?

Карту Александр спрятал в тот же карман, где лежала малахитовая пластинка. Доставать ее на людях он опасался.

– На извозчике за четверть часа будем у кремлевских стен. Внутрь меня не пропустят, а ты покажешь лицензию да пояснишь, что в банк зайти нужно. Дабы они не сомневались, кинешь по десять грошей каждому.

«И тут коррупция куда ни глянь. Ну да, издавна повелось: «Не подмажешь – не поедешь». Так и живем».

Кремлевская стена окружала центр города, где находились самые богатые здания. Годим еще издали показал командиру золоченые купола Успенского собора. Еремеев миновал стражников, предъявив документ и оплатив негласную пошлину, после чего спешно направился к величественному сооружению.

– Могу я переговорить с отцом Пафнутием по ореховому делу двухлетней давности? – спросил он служку у входа в храм.

Пока тот бегал искать нужного человека, Александр, задрав голову, любовался великолепным зданием и размышлял:

«Пароль, что ли, у них такой? Уж наверняка ни о каких орехах не может идти речь. Но меня просили произнести именно эти слова».

– Никита? – раздался голос. Спрашивал полноватый мужчина в темно-серой рясе, пристально вглядывавшийся в лицо Еремеева.

– Я, – сознался тот.

– Можешь показать документ?

– Документы у меня, святой отец, на другое имя, – ответил

Александр.

– И какое ты носишь нынче?

– Данила.

Батюшка возвел глаза к небу и беззвучно произнес слова молитвы.

– Следуй за мной, Данила. Ты тот, кого я жду больше года.

«Знал бы он, как меня зовут на самом деле, – то-то бы удивился. Хотя с этой мистикой чаще мне приходится впадать в ступор. Ждет он именно меня больше года. Спрашивается – зачем?»

Еремеева провели в крохотную комнатку без окон, освещаемую двумя масляными лампами, висевшими над столом. По обе стороны от него стояли стулья. Батюшка предложил присесть.

– Сказывай, что стряслось с Данилой Яриловичем?

– А кто это? – Еремеев где-то слышал имя, но не мог сразу вспомнить.

– Только он знал о деле, которое мы обсуждали с ним за этим ореховым столиком два года тому.

– Рачинский? – наконец всплыла в памяти нужная фамилия. – Владелец Троицкого?

– Он самый.

– А я и не знал, что это был он, – грустно произнес Александр.

– Был?

– В тюрьме Крашена я нашел человека, прикованного цепями к стене. Имени своего он не назвал, но обрадовался, когда услыхал, что меня Никитой зовут. Попросил зайти в Успенский собор к отцу Пафнутию. И умер.

– Видать, все же достал его пан Тадеуш. Жаль, хороший был муж. – Батюшка тяжело вздохнул. – Однако думать следует о живых, Данила. Переверни-ка стол.

Гость выполнил просьбу и по указанию отца Пафнутия открутил одну из массивных ножек. Из полости внутри священник сначала вынул бумаги, а потом вытряхнул перстенек.

– Тут документы, кои выписаны на жену и сына погибшего. На перстне герб рода Рачинских, он же – печать для важных документов. Тебе следует вывезти женщину и дитя из Смоленска в безопасное место. Слуги Тадеуша с ног сбились, их разыскивая.

– Почему ты считаешь, что у меня получится? Может, оставить все как есть?

– Негоже знатному роду в нищете прозябать да по окраинам прятаться. Того и гляди – на зуб какой-нибудь зверюге попадут.

«Особенно если не зарядить алтарные камни. Пожалуй, их

действительно следует вывезти. Когда же все это успеть?»

Священник назвал место, где следует искать семью Рачинского, и слова, какие нужно сказать, чтобы его беспрепятственно пустили в дом.

«Ну и жизнь – прямо тайны Смоленского двора! Неужели шляхтич выпытывал у Рачинского, где тот спрятал именно эти вещи, а тот не сознался? Да не поверю, чтобы человек под пытками не заговорил».

– Святой отец, а что, за год никто из ляхов к вам не заглянул? Неужели Рачинский…

– Когда Данила Ярилович понял, что за ним начали охоту, он пришел ко мне и попросил обезопасить семью, если не вернется. Сам он нашел заклятие, коим из памяти вычеркивались опасные для семьи сведения. А память могла вернуться лишь при упоминании твоего имени. Поскольку Рачинский часто захаживал в Успенский собор, я мог это имя и назвать при случае.

«Ничего себе страховка. Вот почему его так долго держали в застенках. Тадеуш пытался слово-ключ подобрать…»

Глава 12
Золото вскружило голову

Еремееву и самому стало интересно, на сколько алтарей его хватит. В Троицком он выдохся уже на втором, и оба были явно меньше тех, которые пришлось заряжать на окраинах Смоленска. То ли благотворно сказалось общение с березками на крохотном острове среди болота, то ли посещение двух храмов (хотя вряд ли), но силы оставили энергомага лишь на шестом алтаре, когда Александр неожиданно почувствовал холод и заметил, что вокруг ног образуется иней.

«Я что, энергию из земли вытягиваю? Работать аккумулятором я уже привык, но вдобавок еще и холодильником?! Как-то страшно за себя становится. – Пошатываясь от легкого головокружения, Еремеев направился прочь от алтаря. По пути он почувствовал холод еще и в груди. – Надеюсь, сердце не превратилось в кусок льда?»

Он сунул руку за пазуху и извлек из нагрудного кармана малахитовую пластинку. Ее словно посеребрило, но не инеем. По крайней мере, оттереть необычный налет так и не получилось, зато в самом центре отчетливо проступил золотистый отпечаток.

«Какая же она холодная – прямо обжигает морозом. Значок каплю напоминает, да еще пронзенную двумя кинжалами. Тут вроде и надпись под ним виднеется: «Поток», – прочитал Александр. – Не ее ли тогда искал сержант? Но почему она только сейчас проявилась?»

Еремеев слегка надавил пальцем на знак. На мгновение вспыхнуло фиолетовое пламя, и он едва не выронил пластину.

«И что это было – короткое замыкание? Вроде ожогов нет, а ведь могло и руку оторвать. Моя страсть к экспериментам точно до добра не доведет. Не на всякую кнопку стоит жать, некоторые могут и бомбу подорвать. – Александр даже остановился, чтобы немного успокоиться. Он посмотрел на небо, на пластинку, спрятал ее обратно в карман и двинулся к соратникам, продолжая размышлять. – Ну и зачем было заряжать камни по полной? Хватило бы и четверти заряда, зато мог успеть сегодня закончить половину контура. Теперь остается выяснить, сколько времени потребуется для восстановления».

В деревне ему было абсолютно не до изучения собственных возможностей, все время и внимание занимали текущие дела. Да и как понять, насколько восстановился дар, когда владеешь им не более недели?

Годим и двое парней из охраны сопровождали командира, но к алтарю близко не подходили. Они зорко следили, чтобы никто не смел мешать волшебнику работать.

Обессиленному командиру помогли взобраться на лошадь. По окраинам Еремеев путешествовал верхом, как ни противилась этому несчастная пятая точка.

«Сколько дней нужно, чтобы сносно научиться ездить верхом? У меня даже походка стала другой после недолгой прогулки на лошади. И не скажу, что эти изменения мне нравятся, однако дела требуют скорости. Когда еще здесь машины придумают!»

Его не покидало ощущение, что в чем-то они просчитались и нужно нагонять упущенное время. После известия о гибели сержанта тревога усилилась – теперь Александру приходилось рассчитывать только на себя и те силы, которые удастся собрать.

– Годим, а никто не пробовал украсть алтарь? – спросил он, прислонившись к гриве скакуна.

– Камни нельзя сдвинуть, – ответил тот. – Гномы исхитряются привязать их к месту магией, да еще защиту ставят. Особо ретивых может молнией шарахнуть. От такого всяко желание к воровству пропадает.

«И тут коротышки подсуетились! – мысленно восхитился Еремеев. – А то чего проще – напал, камешками запасся и горя не знай».

– Вот я и думал – почему степняки во время набегов не увозят самое ценное?

О том, что у купца не все в порядке с памятью, в отряде знали все, поэтому никто уже не удивлялся его вопросам.

– Куда ехать, командир? К следующему? – Годим уточнял маршрут.

– На сегодня алтарей с меня хватит. – Александр покачал головой. – Возвращаемся.

«Как бы мне хотелось, чтобы на месте оказался Буян, живой и здоровый», – мечтал Еремеев по пути к постоялому двору.

Увы, вестей о ветеране так и не поступало. Гнат только смог доложить, что ночью неподалеку от городских ворот случилась стычка. Без стрельбы из огнестрельного оружия, но люди слышали звон арбалетной струны.

У помощника нашлись и хорошие новости. Лошадей и излишки оружия он продал по достойной цене, закупил три телеги припасов для деревни и договорился со знакомым купцом о скором караване с зерном, которого так не хватало в Троицком.

Если бы не дела Александра и поиски Буяна, можно было уезжать прямо сейчас.

– Придется еще на пару дней задержаться, Гнат. У меня

вечером важная встреча в харчевне «Жирный налим», ежели возникнут проблемы, пришли кого-нибудь из наших. Лады?

– Да сами справимся.

– Мало ли что. Поиски Буяна не прекращай. И помни о Креславе. До отъезда нужно выяснить, кто навел злодеев. Очень не хочется с таким человеком возвращаться в деревню.

– Я все сделаю, командир.

– В этом я тебе помогу.

Еремеев после работы с шестым алтарным камнем попытался определить предателя. Тот явно собирался обогатиться за чужой счет, действовал очень оперативно и имел подельников в городе. Поэтому совсем молодых ребят Александр сразу исключил из числа подозреваемых. Но их в отряде было меньше половины.

А дальше начинались уравнения со множеством неизвестных. О пятерых освобожденных из крашенской тюрьмы ни Гнат, ни Александр ничего не знали. Были еще двое деревенских, которые не так давно переселились из Смоленска. Обоим под тридцать, но семьями пока не обзавелись и могли иметь знакомых здесь. О том, что с постоялого двора отлучался Креслав, было известно доподлинно. Но тот же Гнат не мог поручиться за остальных.

– И в чем помощь? – спросил Гнат.

– Я скоро уеду и дам понять, что все монеты забираю с собой. К примеру, чтобы сдать в банк. Ты их, кстати, занеси в комнату.

– Там почти две сотни, – шепотом сообщил Гнат.

– И хорошо. Чем солиднее куш, тем выше соблазн им завладеть. Только нужно будет в сумку мою камней по весу положить, дабы подозрений не было.

– Добро, сделаю.

– Потом собери отряд возле моей комнаты. Хочу парней наградить за хорошую работу.

– А не рановато? Не лучше ли это сделать по возвращении в Троицкое?

– Там тратить особо негде, а здесь, может, гостинцев родным купят.

Из сумки, с которой затем вышел из комнаты, Александр каждому бойцу выдал по злотому. Он на виду у всех сообщил Гнату, что на пару часов отлучится по важному делу, шепнув на ухо, чтобы отслеживал всех, кто вскоре покинет постоялый двор.

К харчевне «Жирный налим» они отправились вместе с Годимом на пролетке. Как ни старался купец, но хвоста за собой не заметил. Неподалеку от входа Еремеев остановил спутника:

– Войду первым, ты – через пять минут. Займешь столик в сторонке и гляди в оба. Заметишь странности – подай знак. Посуду со стола урони, к примеру.

– Я не такой глазастый, как Гнат, но попробую, – согласился тот.

Александр вошел в харчевню и сразу увидел нужных людей. Они сидели в дальнем от входа углу обеденного зала, заняв два столика. Фрол постоянно озирался, вжав голову в плечи. Похоже, сильно нервничал из-за отсутствия нанимателя.

«Надо было чуть раньше приехать, – подумал вошедший. – Ну да, как тут не волноваться? Мало того что старик работу бросил, так еще и других с толку сбил».

Заметив вошедшего, Фрол заулыбался и приосанился:

– Я же говорил, что мой земляк слов на ветер не бросает.

Похоже, старик не назвал сослуживцам имени нанимателя. Когда его узнали, Еремеев почувствовал себя фокусником, явившим собравшейся публике Тень отца Гамлета.

– Здравствуйте, прошу прощения, господа, дела немного задержали. – Те не спешили отвечать на приветствие, стараясь понять, в чем подвох. Александр, выдержав небольшую паузу, продолжил: – Я сильно изменился? Даже неловко, что пять мужиков так на меня пялятся. Парни, очнитесь.

– Для человека, которому давеча отрезали голову, ты действительно выглядишь неплохо, – первым заговорил Гаврила. – Фрол к тебе в наем звал?

Еремеев удивился, что беседу начал тот, кто среди ополченцев слыл нелюдимым молчуном. Видимо, он первым совладал с собой.

«А голосок у него мощный. Хорошо, что говорит тихо».

– Ко мне, – кивнул Александр, продолжая изучать лица собравшихся.

– У тебя завелось столько денег?! – спросил самый молодой из волшебников. Остальные одарили его осуждающими взглядами.

– Иначе бы вас сюда не звал.

– И что ты можешь нам предложить? – заговорил мужчина, которого звали Прохором.

– У меня возникла надобность в чародеях, но предупреждаю сразу: работа связана с большим риском, – ответил Еремеев, затем окинул взглядом пустой стол и заявил: – Господа, не знаю, как вы, а я бы с удовольствием подкрепился. – Он жестом подозвал официанта, заметив, что в зал вошел Годим и занял место через четыре столика.

Ужин заказали быстро, а когда подавальщик убежал выполнять заказ, Прохор продолжил задавать вопросы:

– Ежели устроимся к тебе на службу, нам тоже захотят отсечь башку?

– Не исключено. Хотя сначала меня просто пытались убить. Опосля трех неудач наняли профи.

Несколько секунд никто не проронил ни слова.

– Опасная работа дорого стоит, – наконец заметил тот же Прохор. Похоже, он считал себя главным среди прибывших ополченцев.

– Первые полгода плачу по два серебряных в день. По окончании срока откуп в десять злотых будет считаться выплаченным. Дальше либо уходите, либо заключаем новый контракт на ваших условиях. Можете внести часть денег раньше, тогда срок сократится.

– С двух грошей в день особо не разбежишься. – Тот же волшебник продолжил переговоры с нанимателем.

– К жалованью прилагаются премиальные. Всем, кто участвует в стычках, положена доля с трофеев. Скажете, что потасовок может и не быть? Я в это уже не верю. Деньги, собранные на ваш откуп, получены как раз с продажи трофеев. Еще ни одного дня не миновало, чтобы какие-нибудь сволочи не захотели меня ограбить или убить. Не повезло им, но и мое везение не может продолжаться вечно. Поэтому я всяческими способами пытаюсь повысить шансы на выживание.

– С кем ты ведешь войну, Никита? – басом спросил Гаврила.

– Пока я только защищаюсь от нападок. Кто мой враг, узнаете после подписания контракта. Одно могу сказать: он наверняка представляет в республике интересы иноземцев и убийство нашего сержанта, скорее всего, не обошлось без его участия.

– Ежели я правильно уразумел, всяк день у тебя на службе будет что ходьба по краю бездны. Чуть оступился – и косточек не соберешь? – Прохор явно сомневался, стоит ли принимать предложение.

– Немного не так, – решил уточнить Еремеев. – Не ходьба, а бег, во время которого тебя постоянно пытаются спихнуть. И здесь либо ты, либо тебя.

– Никита, никак не уясню, ты нас отговорить силишься? – с некоторым недовольством в голосе спросил переговорщик. – Тогда зачем собрал?

– А ты хотел, чтобы тебе сейчас посулили золотые горы за непыльную работенку? Я же не вербовщик, которому только и надобно, что с тебя подпись на контракте получить. Мне нужны люди, знающие, на что идут. Будет тяжело, опасно и… нескучно. Условия вам обозначены. Думайте. Времени даю до окончания ужина. Вот, кстати, и он.

Сразу трое подавальщиков начали расставлять заказанные блюда. Когда они закончили, из-за стола поднялся Гаврила.

«Жаль будет, если он уйдет. – Еремеев нахмурился. – Такого неплохо иметь рядом».

– Никита, давай контракт, я готов подписать, ежели и слугу моего на довольствие поставишь.

– Договорились.

Возвращаясь после зарядки алтарных камней, Александр поинтересовался, как составляют договора с волшебниками, и Годим предложил заехать к стряпчему, у которого они вместе со старостой составляли контракт с колдуном на защиту деревни. Там Еремеев и запасся нужными бумагами, теперь осталось лишь внести имя и поставить отпечаток большого пальца на специальную печать.

Сразу после Гаврилы засуетились и другие, словно опасаясь, что бумажек на всех не хватит.

Когда и как появился еще один волшебник, Еремеев заметить не успел. Только отвернулся на миг, и он уже предстал пред ясны очи, будто из-под земли выскочил.

– Ларион, приветствую. Ты здесь какими судьбами? – Александр вздрогнул от неожиданности.

– Здрав будь, Никита. Возьмешь меня на контракт, ежели не сходя с этого места докажу свою полезность твоему делу?

– Ну, попробуй, – после недолгого размышления ответил Еремеев.

– Тогда внимай. Мои способности в магии разума чуток выше, чем я показывал на тренировках. Аккурат они дозволили без труда раскрыть, что Фрол подбирает людей для какого-то дела – это раз. Хотя старик орудовал тайком, Пахом все одно заметил и попытался донести новому сержанту. Я вынудил его запамятовать – это два. Моими радениями стражники на воротах пропустили ребят без клятвы, а мой уход даже не приметили – это три. И четыре, один мужчина, вошедший после тебя, только не надо его выискивать, не сводит с вашего сборища глаз, и думы у него недобрые.

«Надо же, все подметил! И Годима сосчитал, только почему у него мысли недобрые? – Александр был поражен способностями волшебника. – Такого нужно брать. Подумаешь – еще десять монет. Зря я, что ли, все деньги с собой прихватил?»

– И где находится тот мужик? – Еремеев все-таки решил уточнить.

– Я нынче говорю не о том, кто тебя опекает и сидит через четыре стола от нас. Другой вошел после него и занял место у входа.

– Ты принят. – Еремеев вручил бумагу шестому волшебнику.

«Вот и привет от неизвестного предателя пожаловал. Хотя

мне почему-то кажется, я уже знаю, кто это».

Каждому, кто возвращал подписанные бумаги, Александр вручал десять монет золотом, стараясь делать это незаметно для остальных посетителей харчевни. Комендант лагеря мог уже завтра утром вернуть вербовочный контракт за откупные. Правда, при уходе из ополчения сразу шестерых он должен был посоветоваться с начальством, но тот же Ларион обещался решить проблему:

– Комендант, когда видит золото, сам готов рассудка лишиться. Ежели ему немного помочь…

– Так у него вроде защитный амулет на шее висит? – напомнил Прохор.

– Дешевка. Даже магу четвертого кольца он не преграда.

– Хочешь сказать, что сам достиг пятого? – На разумника посмотрели сразу все ополченцы.

– Поживем – увидим, – загадочно произнес Ларион. – И, понизив голос до шепота, добавил, обращаясь к нанимателю: – К наблюдателю еще один тип подсел. Они знают друг друга и толкуют явно о тебе.

Еремеев расплатился и встал из-за стола последним, когда вся его команда уже покинула харчевню. Годим отправился за пролеткой, но дожидаться помощника в планы Александра не входило. Он видел, как поспешно вскочил один из наблюдателей, значит, пора было выходить на свежий воздух.

«Даже интересно, насколько я окажусь прав? – размышлял он по поводу собственной догадки, двигаясь к выходу. – А ведь сегодняшний день на удивление спокойный. Ни одна сволочь пока не пыталась убить. Вся надежда – на мои расчеты. Судя по ним, сейчас попробуют и ограбить, и убить».

– Уважаемый, – обратился к нему хозяин «Жирного налима», – прошу прощения, ежели мой вопрос неуместен. У тебя родственник, случаем, не в ополченцах будет?

– Был такой. У тебя к нему дело? – Александр сообразил, что в новом наряде его приняли за человека, лишь похожего на Никиту, и это было на руку, ведь теперь он должен отзываться на другое имя.

– Был? – переспросил владелец заведения.

– Все мы смертны. Говори. – Еремеев торопился, но хотел услышать, что заставило хозяина завести этот разговор.

– Он у меня мебель кое-какую оставил на три дня. И не забрал. Возьмешь?

– Не сегодня. Держи. – Еремеев достал пять серебряных. – Заберу позже.

– Как скажешь, уважаемый. – Мужик остался доволен дополнительным заработком. – Столик небольшой, он у меня в чуланчике стоит.

Александр покинул здание и направился к главной улице. В первой части своих прогнозов Еремеев не ошибся. Ему очень грамотно перегородили путь неподалеку от харчевни.

– Что ж ты, Данила-купец, по темноте один ходишь? Да еще с такой тяжелой мошной? Неужто подсобить некому?

Голос показался Александру знакомым, только он не мог вспомнить, где его слышал:

– Пока сам справляюсь, а у тебя, смотрю, помощников пруд пруди? – Он положил ладонь на рукоять пистоля. Вокруг собралась дюжина лиходеев.

– Так то для того, чтобы иные горячие головы за стволы не хватались. Глянь, чего у нас есть, – по знаку главаря сразу трое вытащили из-за спины арбалеты. – Видишь, как тебя ценим, пришлось даже раскошелиться.

– Весьма польщен. Теперь прямо не знаю, может, не стоит вас здесь всех убивать?

– Ты гляди, Демид, *оно* еще и пугает. Подойди и поясни наглецу, что с Кондратом лучше не шутить.

«Демид и Кондрат! Неужели те самые? Из сна, который еще в том мире приснился? Вот так встреча! – обрадовался Еремеев. – Так, а у этого вдобавок и амулет на шее болтается? Раньше он был у Буяна!»

Александр впал в ярость, в итоге Демид, несмотря на внушительные габариты, подпрыгнул не хуже стройной гимнастки. Правда, с приземлением у него получилось не столь грациозно.

– А-а-а! – заорал здоровяк, прижав к груди вывихнутую кисть.

За их спинами один из арбалетчиков выстрелил в другого и навел разряженное оружие на третьего. Тот с перепугу поспешил нажать на спусковой крючок…

«Молодчина, Ларион, быстро стрелков вывел из игры. Теперь нужно поторопиться, чтобы не всех тут положили».

Нанятые Еремеевым волшебники вступили в свою первую схватку на службе и расправились с бандитами за несколько секунд. Лишь двое из напавших пока оставались живыми: щуплый Кондрат, которого Александр вдавил в землю, и Демид, стонущий от невыносимой боли.

– Помнится, ты говорил, что я так и не узнаю, кто заказал мою смертушку? Хочешь, поспорю, что ты был не прав?

– Никитка? – испуганно произнес Кондрат. – Тебя же шакалы сожрали!

– Подавились они. Мясо слишком жесткое, а вот твое им точно сгодится. Хочешь полежать за городом, связанным по рукам и ногам?

– Ты не посмеешь…

– С чего вдруг? Как говорится, долг платежом красен, а тебе я уж больно сильно задолжал. – Еремеев сейчас говорил страшным голосом, и в том, что именно так и поступит с убийцами ветерана, ничуть не сомневался. – Кто Буяна сгубил, сознавайся, гнида?!

– Да живой он, живой! Ляхам его продать хотели! – завизжал Кондрат, поскольку Александр сильнее надавил на локоть бандита.

– Где он? – Самбист ослабил хватку.

– Без меня туда не пройти, – попытался было торговаться вожак шайки.

– Демид, ты жить хочешь? – спросил Еремеев.

– Знамо дело – хочу, – пробурчал тот.

– Покажешь, где моего бойца держат?

– С какого ляда? Все одно меня порешат.

– А под честное слово купца?

– Я сам все скажу, – быстро заговорил Кондрат. – И где Буян заперт, и кто нам тебя заказал, и на кого лях работает, хотя сам Дариуш о том ни словом не обмолвился.

– Про пана Тадеуша я и без тебя знаю, – остудил разоткровенничавшегося Еремеев.

– А-а-а! – Кондрат понял – купцу он не нужен – и дернулся с такой силой, что сбил Александра с ног.

Бандит попытался сбежать, но его остановил прямой удар Гаврилы.

– Охолонись чуток.

– Вот вам и первая стычка, господа. Собрать трофеи, и за дело! Рабочий день еще не закончился.

Волшебники принялись обшаривать карманы бандитов и сдавать добро помощнику командира. Через минуту Александр отдал следующий приказ:

– Ларион, Гаврила, Фрол – со мной. Годим – берешь остальных и с этим здоровяком вызволять Буяна. Демида потом отпустишь, я обещал.

Кондрата Еремеев взял с собой, предварительно засунув кляп в рот. Даже не стал спрашивать о человеке в отряде, который предал. Но во время пути дал понять бандиту, что подельник его сдал с потрохами, потому банда и угодила в ловушку.

Александр специально подъехал со стороны задворок постоялого двора. Как он и предполагал, в окне его комнатки на

третьем этаже светился огонек.

«Створки нараспашку? Видать, хотел показать, что воры через окно влезли. Наверняка еще и бойцов всех куда-нибудь услал. А ведь я ему практически доверился. Что ж, Сашка, будет тебе впредь наука: мозги для того и даны, чтобы ими пользоваться».

Сделав некоторые распоряжения спутникам, Еремеев направился в номер. По пути встретил хозяина, тот подтвердил отсутствие бойцов:

– Их Гнат повел в кабак удачу отмечать.

«Какой молодец! Еще и сам повел, а потом наверняка нашел повод вернуться! Или я все-таки ошибаюсь? Очень бы хотелось».

Дверь в номер оказалась не заперта.

– Вечер добрый, Гнат.

– Слава богу, ты пришел! – изобразил радость на лице помощник. – Я тут собирался несколько монеток до общей кучки доложить, а оно меня схватило.

Он стоял возле открытого шкафа, и обе его руки были скованы необычным капканом.

– Там денег нет, Гнат. Так что зря ты взламывал двери, курочил шкаф. Смотрю, уже и в дорогу дальнюю собрался? – Еремеев поднял валявшийся у ног вора заплечный мешок и вытряхнул его содержимое на пол. Среди прочего барахла отыскался и небольшой кошель. Александр бросил его на стол. – Маловато прикарманил? Решил все забрать?

– Господь с тобой, Данила. Эти монеты я и хотел положить…

Александр, не слушая объяснений, опустился на стул.

– Интересная штука – судьба, никогда не угадаешь, что она уготовит человеку. Казалось бы, ты мог стать мне другом, получить, считай, те же деньги, но чуть позже. Вместо этого убираешь с пути Буяна, натравливаешь на меня троих бандитов, потом целую шайку… Столько усилий – и только для того, чтобы всего лишиться и вот так стоять перед шкафом возле кучки обыкновенных булыжников? Зачем тебе это, Гнат?

– Золотишко голову вскружило.

– До такой степени, что готов был пойти на душегубство?

– Сопляк ты еще, чтобы мораль мне читать. Подумаешь, подфартило ему! Фарт – штука переменчивая. Нынче есть, завтра нет, а золото всегда в цене. И не важно, как оно досталось. Что касается душегубства… Каждый день чьими-то стараниями гибнет куча народу! Кто их считал? А тебя, Данилка, все одно скоро прибьют, уж больно ты приметный. Вот я и смекнул: почему твое богатство должно достаться другим, а не мне?

– Ну да, а я задал себе другой вопрос: почему сгинуть должен не ты – предатель, вор и убийца? Сможешь ответить? – Еремеев в

упор смотрел на предателя.

Тот взгляда не отвел:

– Знамо дело, смогу. Ты не токмо меня отпустишь, но и денег на дорогу дашь, ежели хочешь видеть Буяна живым.

– Заманчивое предложение. А сам-то ты его не желаешь дождаться? Думаю, скоро будет здесь.

– Врешь! Сам же сказал, будто я его сгубил.

– Плохо у тебя со слухом, Гнат. «Убрал с пути» и «сгубил» – разные вещи.

– И тут ты меня обскакал, Данилка! А ведь не должен. Мало тебе еще годков, чтобы тягаться с такими, как я!

«Ну да, все мы считаем себя самыми умными, а потом удивляемся, когда жизнь доказывает обратное. Я тоже считал, будто меня не вычислят, когда ворованные деньги Виктора на другой счет переводил. Однако и двух дней не минуло, как «умного» такого в больницу увезли».

– Куда уж нам….

– И ты не Господь Бог, дабы меня судить!

– Это точно. Ежели мой суд тебя не устраивает, могу и в деревню доставить. То-то семья обрадуется, какой у них папашка!

– А мне чихать и на семью, и на Троицкое, и на тебя, выскочку безродного. Вы все мизинца моего не стоите… – захлебывался яростью вор.

– Правого или левого? – спросил Александр.

Наплевательское отношение к семье страшно разозлило Еремеева. У него самого с женитьбами как-то не сложилось, но отказываться от собственных детей… Вот так они потом и оказываются в детдоме.

– Чего? – Гнат заметил смену выражения лица собеседника.

– Какой мизинец тебе отстрелить сначала?

– Будешь стрелять в безоружного?

– Был бы ты человеком, может, я бы и засомневался, а тварь надо убивать, не задумываясь. Впрочем, шанс могу дать. Зря, что ли, ты оставил окно открытым?

– Какой шанс? Я прикован к этому дурацкому шкафу…

– В общем, так, – повысив голос, перебил вора Александр. – Сейчас освобожу. Направишься к двери – стреляю. Прыгаешь в окно – там уже как Бог рассудит.

– Не хочешь, значит, об меня руки марать?

– Считай, что так. Хотя пулю на тебя не жалко. И учти: через три секунды после освобождения я все одно стреляю. А сейчас – свободен, – Еремеев произнес слово-ключ и навел пистоль на вора.

Тому повторять не пришлось. Метнувшись к окну, он по пути

схватил со стола кошель и прыгнул вниз. С приземлением вышло удачно, но фарт – штука переменчивая. Сейчас есть, а в другое мгновение – нет. Практически сразу на вора накинулся Кондрат, которому пообещали, что лишь один из них выйдет живым с постоялого двора.

«Похоже, становлюсь жестоким и бессердечным типом, – размышлял Александр, глядя сверху на схватку двух бандитов. – И ведь ни капли жалости в душе. Была бы возможность – еще бы и ставку сделал на Кондрата. Впрочем, таких жалеть или прощать… Высшим правосудием пусть небеса занимаются. У нас здесь дела попроще: тебя ударили – ты ответил и постарался, чтобы второй раз даже замахнуться было боязно».

Кондрат вышел победителем, хотя и ему досталось изрядно. Он действительно покинул пределы постоялого двора на своих двоих. Однако там случилось несчастье – мощный порыв ветра так сильно приложил бандита о стену, что тот испустил дух.

Гаврила, владевший магией воздуха, через пару минут зашел к нанимателю.

– Тут трофей, – пробасил он, протягивая кошель.

Еремеев высыпал монеты на ладонь, пересчитал и выдал два желтых кружочка волшебнику:

– Твоя сегодняшняя доля.

– В счет моего долга, – вернул деньги чародей.

– Хорошо, я запишу в контракт.

Глава 13
С таким лучше не связываться

О предательстве Гната Александр рассказал только Буяну.

– Ты прожил в Троицком поболе моего, тебе и решать, что говорить местным. Погиб он от рук бандитов, обстоятельства знаешь, но стоит ли ребенку носить позор отца?

Ветеран внимательно посмотрел на собеседника:

– Чем дольше с тобой нахожусь, тем больше удивляюсь. Откель при столь ранних летах в тебе столько житейской мудрости?

– Там, наверху, – Еремеев указал пальцем в небо, – посчитали, что иначе мне не выжить, вот и отсыпали чуть больше.

– Наверное. – Ветеран усмехнулся.

В самом начале встречи Александр расспросил о Зарине. Буян успел пристроить девушку к человеку, которому доверял, как себе. Когда он уже возвращался, на него напали бандиты неподалеку от стен города.

– Зарина передавала, чтобы ее не искали. Чуть оклемается и сама выйдет к нужным людям, – сообщил воин.

– Ты точно уверен, что она – птица высокого полета? – осторожно спросил Еремеев.

– Это как? – не понял воин.

– Не ровня нам, безродным, – уточнил командир.

– А ты, никак, запал на красотку?

– По-твоему, я не мужик? – пробурчал Александр. – Или мне сначала родословную девушек выяснять, а потом ими любоваться?

– Тут я тебе не советчик. – Ветеран поднял обе руки. – Оно, конечно, сердцу не прикажешь, но и томить его попусту не стоит. Не пара она таким, как мы.

– Ты еще скажи, что она – принцесса заморская и мне, деревенщине, там ловить нечего! – В голосе Еремеева сквозило раздражение.

– На Смоленской земле столько видных красавиц. – Буян явно не одобрял выбор командира. – Гориславу помнишь?

– Еще бы! – Александр даже вздрогнул. – Эта ежели пошлет куда – обязательно пойдешь, хочешь или нет.

– Но девка пригожая и на тебя точно глаз положила.

– Давай не будем. – Александр активно замотал головой.

– То верно. Дел у нас с тобой ой как много, не до девок.

– Ладно, разберусь сначала с одними проблемами, а потом за

другие возьмусь.

– Добре, – заулыбался Буян. – Благодарствую, что из беды вытащил.

Утром на постоялый двор пришли откупившиеся от ополчения волшебники. Ларион сразу напросился на разговор.

– Я нынче с рассвета крутился возле коменданта, дабы у наших проблем с откупом не случилось. К нему чуть свет два типа подкатывали, пытали про тебя и твоих знакомцев. Вызнали, что Фрол – твой земляк. Были весьма недовольны, что тот вчера съехал. Наверняка станут искать.

– Ляхи?

– На вид вроде наши, но по разговору и повадкам… – Разумник несколько секунд подбирал подходящее слово. – Словно и не люди вовсе. Одно могу сказать верно – они очень опасны.

– Еще какие-то профи?

– Нет. Я однажды видел карету гномов с охраной из шести всадников. У меня в то время появилась дурацкая привычка каждого человека магическим взором изучать. Так вот, те охранники тоже показались чужаками, хотя по виду походили на русских.

– А кто гномов охраняет? Разве не они сами?

– Сказывали, что пришлые с помощью своей магии готовят особых бойцов из людей. Те потом никого знать не желают и за хозяев готовы глотку перегрызть.

– Ларион, а откуда ты все это знаешь?

– Я же разумник, подмечаю то, чего иные не видят, слышу больше, чем говорят, и вхож туда, куда другим хода нет.

«Гномам-то я когда успел насолить? Даже как они выглядят, понятия не имею, а ребятки, выходит, очень серьезные. Одна надежда, что Ларион ошибается. Хотя меня еще в мире гаджетов приучили безоговорочно верить в плохое. Это хорошее имеет привычку не сбываться».

– И чего от них нужно ждать?

– Когда гномы у нас только появились, сразу нашлось много желающих поживиться за их счет, ведь коротышки возили золото в каретах под охраной всего шестерых всадников. Лиходеи трижды пытались напасть. Говорят, что на месте побоищ не оставалось ни одного целого тела, при этом гномы добирались к месту следования без задержки. С тех пор ни один бандит, ежели он в своем уме, на пути гномов старается не показываться.

«Вот уж действительно, ниндзя, и двое из них вышли на мой след. А ведь порвут, как Тузик грелку, и фамилии не спросят, сволочи. Где бы себе таких раздобыть?»

– Спасибо, Ларион. Вести твои хоть и тревожные, но весьма

полезные. Буду думать, как еще и с этой напастью справиться.

После случая с Гнатом Еремеев долго решал, стоит ли кому-нибудь рассказывать о наследнике Рачинского. Риск, что о нем станет известно врагу, был очень велик. Однако Александр пообещал вывезти семью погибшего боярина из Смоленска. А куда? Только в Троицкое.

«Разве что посоветоваться с Буяном? Мужик служил у Данилы Яриловича, мог и жену его видеть. Если не скажу, решит, что подозреваю в чем. Вот же житуха пошла – сразу и не поймешь, кто тут за наших, а кто против. И дел наваливается с каждым днем все больше и больше. Одному точно не поспеть, все равно приходится других привлекать. Как бы еще научиться подбирать таких, у которых преданность ценится выше предательства? Сейчас еще время уйдет на алтари, да и с Зариной нужно что-то решать. Подумаешь, знатная особа! Я тоже не лаптем щи хлебаю. Хоть бы взглянуть на нее до отъезда в деревню».

Перед завтраком Еремеев пригласил ветерана к себе в комнату:

– Буян, ты жену своего господина раньше видел?

– Пару раз встречались.

– Узнать сможешь?

Брови воина резко подскочили вверх.

– Смогу. А что?

– Мне известно, где она живет, но хотел с тобой посоветоваться. Стоит ли ее в Троицкое отвозить? – почти скороговоркой произнес Александр.

– Она с сыном?

– Да, прячутся на окраине Смоленска. Священник говорил, люди Тадеуша их по всему городу ищут. Одного не пойму – зачем они шляхтичу?

– Тут все просто: пан может ее в жены взять, сынка – под опеку, и тогда земли Рачинского по закону попадут под власть ляха. Токмо у вдовы все бумаги на замужество должны при себе быть. Без этого она ничего доказать не сможет.

– Документы мне передали. И какой-то перстень.

– Про сие больше никому не говори. С перстнем Тадеуш и без женитьбы может заграбастать Троицкое. Достаточно бумагу состряпать почерком моего господина и печать поставить. При том раскладе Тадеушу любой родственник Рачинского будет хуже горькой редьки.

«А ведь шляхтич под пытками мог заставить боярина любую бумагу написать. Дело оставалось только за печатью».

– Вчера я узнал, что Данила Ярилович не от рук степняков погиб, а умер в тюрьме Крашена. Аккурат когда мы наших из нее

вытаскивали. – Александр рассказал подробности своего разговора с узником.

– Эх, кабы знать о том раньше, сам бы людей собрал, чтобы вызволить боярина. Ну, Тадеуш! Вот же гнида поганая! Ничего святого нет! – Ветеран был сильно огорчен известиями, однако предаваться горю не стал. – Семью Рачинских нужно в Троицком спрятать, но никому не сообщать, кто они такие.

– Раз вдову знаешь, тебе и поручаю это дело. Предлагаю выехать уже сегодня. Гнат хоть и гадом был, но вроде все подготовил к возвращению, Годим проверил.

– Я готов, да и парням тоже собираться недолго.

– Кстати, по поводу людей. – Еремеев припомнил слова собеседника. – Можешь собрать действительно хороших бойцов?

– Таких, как я, с десяток найду, ежели нужно.

– Имеется такая надобность. Троицкое следует защитить от притязаний шляхтича. Пока по бумагам мы на год прикроемся, но Тадеушу законы не писаны. Тех же степняков нанять не поленится.

– Добре. До отъезда переговорю с нужными людьми.

Александр назвал адрес, сообщил пароль и договорился с Буяном, что тот, забрав семью Рачинских, сразу отправится в обратный путь. Сам он собирался немного задержаться в Смоленске. Заодно хотел посмотреть, как устроилась Зарина.

За завтраком командир распорядился:

– Креслав, Ларион и Гаврила с Боричем пока отправляются со мной по окраинам. Остальные под началом Буяна готовятся в обратный путь. Всем быть начеку. Помните про печальную участь Гната. Он погиб потому, что остался один, а наша сила в единстве и готовности прийти на помощь друг другу.

Борич находился на службе у Гаврилы и попал в отряд вместе с хозяином. Вроде ничем особым мужик не выделялся, но, взглянув на него, Еремеев сразу припомнил слова Радима: «С таким лучше не связываться».

В отряде после продажи трофеев оставалось полтора десятка лошадей, не считая запряженных в телеги с добром, при этом пять из них выделили на нужды командира.

Перед поездкой к алтарным камням Александр все-таки не удержался и прямо спросил Креслава:

– Ты зачем отлучался с постоялого двора сразу по приезде?

– Сестра у меня в Смоленске. Гнат отпустил на пару часов, ты же сам сказал, он вместо Буяна. Что-то не так?

– Сестре не говорил, кому служишь?

– Нет. Никанор, когда нанимал, домашних впутывать не дозволял.

– Правильно. Не слышал, кто над ним стоял?

– Я лишь сержанта знал, про других не ведаю.

«Жаль, Радима рядом нет, тот хотя бы слугу сержанта видел. Можно было бы попробовать через него на нужных людей выйти. Или еще раз сходить в Белый храм? Отец Серафим производит хорошее впечатление, только не совсем ясно, сведет ли он меня с кем-нибудь, кто противостоит Тадеушу? Нет, не буду сам напрашиваться, сначала нужно Троицкое отстоять».

Еремеев специально разработал такой маршрут, чтобы последний для зарядки алтарь находился рядом с местом, где скрывалась Зарина.

Сегодня он решил действовать умнее. Зная, что на полное заполнение алтарного камня энергией уходило порядка шести секунд, Александр тратил на каждый по две. Из остававшихся двадцати четырех за день он осилил двадцать два, прежде чем заметил образовавшийся у ног иней.

«Эх, немного не хватило! После обеда стоит еще раз попробовать. А сейчас можно и в гости заглянуть. И пусть там не совсем рады меня видеть…».

Когда до места оставалось всего ничего, раздались выстрелы. Еремеев, несмотря на головокружение, подстегнул лошадь. Однако пришлось тут же остановиться, дорогу перегородил Гаврила:

– Надо спешиться, – сказал он.

Александр сейчас думал не совсем головой, но усилием воли заставил себя обуздать эмоции. Всадники на городской улице являлись слишком хорошей мишенью.

– Всем спешиться! – приказал он.

– Командир, я гляну? – спросил уже Борич, обращаясь напрямую к Еремееву.

– Давай. – Под жестким взглядом этого необычного человека Александр не посмел отказать. Когда мужчина резко исчез из виду, наниматель спросил Гаврилу: – Он тоже из чародеев будет?

– Нет, из потомственных воев, коих с пеленок к делам ратным готовят. В бою десятерых стоит, сам видел.

– И он тебе служит? Ты, часом, не знатного рода будешь?

– Нет, просто я спас его от чародеев, когда те пытались его силу воли покорить. После того он со мной, пока долг не отдаст, – пояснил Гаврила.

Борич вернулся скоро и сообщил:

– Лиходеев было семеро. Сейчас путь к нужному дому свободен, токмо хозяев предупредить следует, чтобы палить почем зря не стали.

– Эй, люди добрые! – приблизившись, крикнул Александр, не

высовываясь из-за укрытия. – Гостей принимаете?

– Мы незваных гостей на кол сажаем! – ответили из неказистого домика.

– А мне Буян сказывал, что его друзей всегда рады видеть. Неужели соврал?

– А что он еще тебе сказал? – после небольшой паузы спросили тем же голосом.

– Желаешь, чтобы я тебе об этом на всю округу поведал?

– Добре, один подойди к дому, стрелять не будем.

Еремеев вышел из укрытия и направился к двери. После того как произнес нужные слова, его впустили.

Человек, статью и лицом похожий на Буяна, спросил:

– Это твои пытались в дом вломиться?

– Нет, я услышал пальбу и сам поспешил узнать, кому светлым днем так захотелось на тот свет?

– Узнал?

– Мои насчитали семерых, – рассказал Александр. – Пытать, как зовут, не стали, времени нет.

В доме помимо похожего на Буяна были еще двое мужчин. Но говорил лишь он:

– Выходит, знали, сволочи, куда шли! Точно у нас какая-то гнида завелась. Ты по поводу барышни пришел?

– Да, хотел выяснить, как ее нога?

– Той же ночью вправили. А днем она ушла, не оставив адреса.

– Помощь нужна? – спросил незнакомца Еремеев.

– Ты сделал больше, чем мог. Спасибо, только сейчас следует держаться от этого места как можно дальше.

«Может, оно и к лучшему, что я на начальников сержанта не вышел? Там, в Крашене, Карпов говорил, что всех работавших на Никанора чуть ли не в один день взяли. Намекал, что мужиков сдали и нити предательства ведут в Смоленск. Теперь здесь то же самое. Что ж Буян молчал о брате, или кем он ему приходится? А впрочем, сержант же предупреждал не впутывать семьи». Александр вернулся к своим, и небольшой отряд двинулся к городским воротам.

– Оружие продадим или с собой возьмем? – спросил Креслав, которому сгрузили добытые трофеи.

– Какое оружие? – Еремеев не сразу отключился от тяжелых дум.

– Пять пистолей, два арбалета. Еще немного серебра удалось добыть…

– Ничего продавать не будем, раздай бойцам. И серебро – тоже.

Возле городских ворот их остановили дружинники. Раньше Александр и не видел таких: в красных кафтанах, в шлемах, с ружьями за спиной и при саблях в богатых ножнах. И у каждого – конь-красавец. Главного из дружинников выделяло золотое шитье на костюме. Окинув подъехавших жестким взглядом, он заговорил:

– Данила-купец, от имени городского вече мне приказано доставить тебя в кремль.

– Этих лучше не злить, – шепотом предупредил Ларион.

Тагур был удивлен вызовом к главному перед самым обедом. В такое время обычно дела старались не обсуждать, дабы не портить себе аппетит. Видимо, поступили не терпящие отлагательств новости, и это сулило очередные неприятности, которых в последнее время и без того хватало.

В здании банка трудились не только клерки, принимавшие и выдававшие золото, ценные бумаги и различные поручительства. Почти треть помещений отводилась для особой службы, занимавшейся делами, о коих смолянам знать не положено. Тагур возглавлял один из отделов. Он к банковским операциям отношения не имел, хотя денег тратил много.

Тагур в Смоленске отвечал за связи с местными. До недавнего времени его дела шли успешно, и выполнение распоряжений главы тайной службы проходило без проблем. Потом начали возникать мелкие трудности, которые постепенно разрастались. Если предположить, что за этими неудачами стояли эльфы, то «мелкие трудности» можно смело относить к разряду катастроф.

Гном брел по длинному коридору здания банка и размышлял над тем, какие аргументы выдвинуть в свою защиту и что предложить главному для выхода из плачевного состояния. Занимавший должность мэтра Горум был скор на расправу, и, дабы не лишиться кабинета или еще чего-то посущественнее, требовалось предоставить действительно веские аргументы.

В свое время организация банков в новой для гномов реальности помогла весьма быстро раскинуть щупальца по всему миру. Золото так сильно влекло аборигенов, что подчинить себе то или иное государство не составило большого труда. У людей практически все покупалось и продавалось. Лишь изредка встречались исключения из числа строптивых королей, царей и князьков, но на их место всегда имелось столько претендентов, что организовать удачное покушение было плевым делом.

Не получалось пока сладить лишь с Московией и тремя-четырьмя странами к югу от нее. Но и там удалось создать

несколько банков и хоть как-то влиять на местных. А вот в Китае и Японии возникли по-настоящему неразрешимые проблемы. Те чужаков принимать отказывались и сами понастроили крепостей, где по ночам скрывались от зверюг обычные люди. А своих охотников за костяными монстрами возвели в ранг национальных героев. Практически все мальчишки в этих странах мечтали стать воинами, украшенными клыками убитых зверюг.

Гномам приходилось тратить немало золота, натравливая на непокорных более покладистых соседей. Московия в этом плане подошла бы лучше других. Однако далеко не всех там удалось купить, притом многие охотно брали деньги, но потом сдавали взяткодателей.

– Счастлив предстать перед вами, мэтр Горум! – склонив голову, поздоровался вошедший.

– А вот я не слишком рад нашей встрече. Кто мне еще неделю назад заявлял, что Смоленск, считай, наш?! Что перед полнолунием они явятся ко мне с мольбой о помощи?!

Просторный кабинет начальника всегда давил на Тагура своими размерами, убранством и чересчур ярким освещением. При этом сам Горум находился в затененном уголке, вполне комфортном для гномов.

– На тот момент так оно и было, мэтр. – Подчиненный полагал, что дела обстоят по-прежнему и сейчас, но спорить с руководством не спешил.

– Большая ошибка – жить прошлым, Тагур. Ты сюда посажен не для того, чтобы мы сдавали позиции, а наоборот. Не справляешься – так и скажи, поищем другого. Кто говорил, что здесь нет серьезных противников? Или я в тот раз ослышался?

– Не было, мэтр. Точнее, мы о них не знали до поры до времени. Сейчас, когда наша операция вошла в активную фазу, они всполошились и выдали себя.

– Кто «они»? Не говори загадками! – Мэтр собирался выпустить все раздражение, распекая вошедшего, но его ответ нарушил планы, что разозлило еще больше.

– Местные называют их эльфами.

Начальник на несколько мгновений застыл, глядя в упор на стоявшего в ярком свете ламп Тагура. Наконец его прорвало:

– Лесные уроды?! Длинноногие ублюдки?! Что они забыли в Смоленске? Это теперь наши угодья!

– Допускаю, что им каким-то образом стало известно то, о чем мы знаем уже два года.

– Источник? – Подбородок Горума еще больше выдвинулся вперед. – Даже среди своих в курсе дела лишь единицы. Откуда такие догадки, Тагур?! – Последние слова хозяин кабинета

произнес угрожающим шепотом.

– А чем иначе объяснить провал сразу нескольких детально проработанных операций? В течение прошедшей недели зафиксировано сразу шесть, в которых погибло около сотни исполнителей. Провалов такого масштаба у нас отродясь не было, даже в Московии.

– Почему обо всем этом я узнаю только сейчас? – Тон мэтра не предвещал ничего хорошего, да и глаза налились краснотой.

– Данные получены от местных лишь вчера, – доложил продолжавший стоять гном. – Я подключил своих асов, чтобы перепроверить информацию.

– Если тут действительно замешаны эльфы, твои асы вряд ли справятся, – высказал сомнение Горум. – Но ни одного из лесных уродов в республике не видели.

– Засели где-нибудь в лесу и дергают себе за нужные ниточки. Они это умеют.

– Думаешь, им удалось договориться с местной нежитью? Не помню еще ни одного случая. Нежить скорее с местными на контакт пойдет, чем с кем-то из нас.

– С эльфов станется. Могут кусок чащобы своими лианами огородить и схорониться на время. Недавно у меня тут операция похищения кикиморы сорвалась. А ведь специально для нее применили Черную морь. Ни один исполнитель так и не вернулся, да и сам сундук не отслеживается.

– Плохи наши дела, Тагур! Профукаем Смоленск – могут сослать в Московию, а как там работать, ты знаешь.

– Неужто все настолько скверно? Я слышал, в городе больше ни одного энергомага не осталось. – Тагур усмехнулся. – Со дня на день следует ожидать нашествие костяных монстров, и местной знати ничего не останется, как идти к нам на поклон.

– Твои сведения устарели. – Горум скривился, как от зубной боли. – Не знаю, где они так быстро отыскали специалистов, но из тридцати важных алтарей заряжены двадцать восемь. В основном на треть, но этого вполне достаточно, чтобы переждать полнолуние, а там в Смоленск приедут другие энергомаги, и теперь-то их будут беречь.

– Когда они успели? – Тагур не на шутку встревожился из-за того, что столь важную информацию узнал позже начальства.

– Вчера к вечеру кто-то умудрился зарядить шесть алтарей под завязку. Сегодня остальные частично. Кабы утром случилась гроза, я бы поверил, что их господь наслал молнии в помощь пастве, но грозы не было. Эльфы на это не способны, им к нашим камням подходить опасно.

– Но им под силу собрать несколько энергомагов и

перекинуть к Смоленску в самый неподходящий момент.

– Возможно, возможно… Вот поэтому тебе и следует отправить опытных бойцов, чтобы посмотреть на тех наглецов, которые посмели перейти нам дорогу. Брать негодяев живыми! Нам позарез нужно выпытать, кто за ними стоит.

– О каких алтарях речь? – спросил Тагур.

Начальник вытащил из стола карту и, указав место, добавил:

– Сегодня отметили одну странность. Алтари заряжали по цепочке, словно вся группа энергомагов совершала объезд по кругу. Видать, в одиночку им гулять не позволено.

– Тем лучше. Сразу всех и схватим.

– Не спеши. Мы еще не знаем, кто их охраняет.

– Я подберу лучших специалистов.

– Тогда поторопись, мы не вправе допустить еще одну ошибку.

Тагур почти бежал обратно в свой кабинет. Он по-настоящему боялся опоздать. Секретарю приказал вызвать своего главного оперативника.

– Мург, возьми с собой четырех асов и двигай к вот этим алтарям. – Тагур ткнул пальцем в карту. – Любого, кто попытается их зарядить, доставить сюда. Живым. Используй любые средства, можешь усилить группу магами, но задание выполни. Учти: ставки высоки как никогда. Упустишь добычу – нам с тобой прямая дорога в Московию.

– Враг настолько силен? – удивился Мург.

– Не исключено, что к его подготовке приложили руку эльфы.

– Чтоб их камнями завалило! – выругался оперативник.

– Не теряй время, Мург. Жду от тебя результатов к вечеру. – Тагур поднялся с места и проводил подчиненного до двери. Выглянув в приемную, отдал следующий приказ секретарю: – Вызови ко мне пана Тадеуша. Вышли за ним нашу особую карету.

Вскоре в кабинете появился не на шутку встревоженный шляхтич. Поездка на красной карете стоила ему нескольких седых волос, поскольку обычно тех, кого на ней увозили, больше никто не видел.

– А теперь, пан Тадеуш, я хочу услышать все подробности, вплоть до мельчайших, тех событий, которые ты считаешь неудачами.

Глава 14
Асы

Стоило Еремееву спешиться, как из-за ворот выехал экипаж. Карета немного притормозила возле Александра, дверца сама открылась, и слегка опешившего юного мага буквально втянуло в пустой салон.

«Могли бы и поаккуратнее! Оружие осталось при мне, а я ведь от неделикатного обращения и пальнуть могу! – мысленно возмущался он. – Хотя кому предъявлять претензии? Еду один. Спасибо, что не в клетке, руки не связаны, два пистоля за поясом, револьвер под мышкой. А пальнуть всегда успеется. Еще живем!»

Александр по очереди попробовал толкнуть обе дверцы, но они и не думали открываться. Ожидаемого разворота на сто восемьдесят градусов также не последовало, карета продолжала ехать, не меняя курса.

«И куда мы направляемся? В Кремль? А может, все гораздо проще – вывезут за город да там и прикончат? Вряд ли. Убить могли бы и здесь».

Он сам себе задавал вопросы и сам на них отвечал, правда, легче на душе не становилось. Неопределенность угнетает гораздо сильнее любых дурных вестей. Плохие новости – уже свершившийся факт, и нужно просто принять меры для исправления ситуации. Другое дело, когда абсолютно неизвестно, к чему готовиться. К худшему?

«Посадили в коробку без окон, сиди тут и гадай, куда везут, зачем везут? В их вече вообще нет никакого желания ехать. Вдруг там пан Тадеуш нарисуется, а я его и не опознаю? Конфуз может случиться: не поприветствую как следует уважаемого до колик в животе шляхтича, он обидится, претензии начнет предъявлять…»

Несмотря на отсутствие окон, внутри было светло. Минут пять Еремеев потратил на поиски источника, пока не сообразил, что свет излучает обивка потолка. Он осторожно дотронулся ладонью и сразу одернул руку – на месте касания осталось темное пятно.

«Ну вот, подпортил прибор, теперь еще вычтут за ущерб. Впрочем, сами виноваты – могли бы и табличку повесить: «Руками не трогать». А раз не запрещено, могу вообще все тут поломать».

Сломать он ничего не успел – дверца на ходу открылась, и в карету заскочил энергичный пассажир:

– У нас всего пять минут, уважаемый. С трудом удалось тебя

перехватить, за воротами уже ждали. И не с хлебом-солью. Ты слишком шумно работаешь и не всегда чисто, Никита. Впрочем, это имя лучше забыть. Никанор справил тебе документы на купца, вот и будь им. Враг пока не должен знать, что Данила и Никита – одно лицо.

На вид ему было лет тридцать. Усы, короткая бородка, приятная внешность.

– А ты?..

– Не столь важно, кто я, важнее, что тебе надо срочно убираться подальше от Смоленска. Задумал осесть в Троицком? Неплохая мысль. Надеюсь, что там они тебя не так скоро достанут, хотя полной гарантии нет.

– Я еще не успел зарядить два алтаря…

– В курсе, – перебил незнакомец. – Два – не тридцать, теперь точно выкрутимся. Ты, говорят, спрашивал отца Серафима о сожжении кикиморы?

– Было дело… – Александр не переставал удивляться осведомленности этого человека.

– Имеешь что сказать по сути?

Еремеев вкратце поведал о происшествии на болоте.

– Жаль, доказать ничего нельзя, – выслушав историю, с возмущением произнес попутчик. – Тадеуш давно всем кровь портит, но уличить его не удается. А без железных доказательств его с места не спихнешь – крепко уцепился и сторонников много завел. Вокруг куча продажных тварей, а у шляхтича денег куры не клюют.

– Так, может?.. – предпринял еще одну попытку вставить слово Александр.

– А правду говорят, что ты с нежитью ладишь? – задал очередной вопрос незнакомец.

– Общаться приходилось, и пока со свету не сжили ни кикимора, ни леший, – пробурчал Еремеев, которому не нравилась подобная манера разговора.

– Полезное качество. При нашей работе будет нелишним. Теперь об алтарях. Не вздумай никому говорить, что сумел наполнить энергией сразу шесть штук.

– Почему?

– Работать энергомагом стало сейчас очень опасно, а иметь ранг шестого кольца – и подавно. Знаешь, как таких волшебников называют?

«Это он про меня? – Александр был удивлен. – Вроде по документам у Никиты ранг второго кольца был? Или раз имя сменили, так и ранг повысился? Чует мое сердце, исцеление на болоте не только здоровье мне поправило».

– Откуда же мне?..

– Можешь считать себя алтарным магом. И не дай бог, чтобы об этом стало известно гномам.

– Убьют?

– Может, и хуже чего придумают, – задумчиво произнес незнакомец и поспешил сменить тему: – Кстати, после того как Кичи при попытке отомстить Тадеушу завалил по ошибке одного из убийц, профи отменили на тебя заказ. Теперь они не дружат с паном Тадеушем.

– Хан все-таки добрался до гада?

– Почти добрался, но его самого прикончили на следующий же день. Про асов слышал?

– Нет.

– Охранники гномов. Вот их сейчас стоит опасаться больше остальных. Однако у тебя тоже есть один достойный боец. Знаешь, кто такой Борич?

– Мне сказали, он десяти стоит.

– Если во время сечи войдет в раж, то и полсотни сумеет одолеть. Таких раньше рыкарями называли. Команда у тебя подобралась неплохая, особо отмечу Лариона. Он разумник седьмого кольца, хоть и скрывает способности. Может оказаться полезным в борьбе с асами, но ему, думаю, по силам лишь замедлить одного такого противника.

Попутчик увидел темное пятно на потолке салона и слегка задумался, пытаясь вспомнить, когда оно появилось.

– Я слышал, у вас там предатель завелся? – поспешил воспользоваться паузой Александр.

– О тебе знаю только я, поэтому не переживай. А гниду мы давно пытаемся вычислить, думаю, недолго ему осталось. Ты, когда в карету садился, это пятно здесь уже было? – спросил незнакомец.

– Моя отметина – не знал, что потолок трогать нельзя, – сознался Еремеев.

– Покажи, как это было. – Незнакомцу след явно не давал покоя.

Еремеев снова коснулся светящейся поверхности, и на потолке осталось уже два пятна.

– Ты умеешь поглощать чужую магию? – не поверил своим глазам дотошный хозяин кареты.

«Кто бы самому подсказал, что я умею, а что нет!»

– Не знаю, – пожал плечами Александр. Кажется, пока с него не собирались взимать плату за испорченное имущество.

– Забавный случай. Жаль, разбираться с ним некогда.

– Скажи, а девица тут одна… – Еремеев попытался задать еще

один важный вопрос.

– О ней тебе лучше забыть, Данила. Что ее из лап ляхов вытащил – молодец, но запомни раз и навсегда: ты ее не видел и знать о ней не знаешь. Уразумел?

– Да, – проворчал Александр, которому сильно захотелось послать собеседника за тридевятые горы в тридесятое царство или попросту на три популярные буквы.

– Вот и хорошо. Сейчас двигай в Троицкое. Будешь нужен – пришлю человека. Он скажет, что вы познакомились на похоронах Никанора. Запомнил?

«Интересные у них места знакомств», – мысленно пробурчал Еремеев, которому надоело, что с ним обращаются как с мальчишкой, недостойным высказывать свое мнение, но ответил кратко:

– Не забуду.

– Оно и славно. Вот тебе на первое время. – Собеседник достал набитый монетами кошель. – Укрепляй Троицкое, собирай нужных людей. Думаю, скоро они тебе пригодятся.

– Благодарствую, – сдержанно поблагодарил Александр.

– Сейчас ты выходишь, – сообщил незнакомец. – Иди прямо по дороге к лесу, твои нагонят через пару минут.

Дверца снова открылась самостоятельно, и Еремеев оказался за окраиной города. Он видел ту самую башню, которая запомнилась в первое посещение Смоленска. Высаженный пассажир немного растерялся от резкой смены декораций и необычной беседы, которая как внезапно началась, так и неожиданно оборвалась.

«Кто ж с людьми так работает? Ворвался в салон, слова мне вставить не дал. Можно сказать, учинил допрос, а сам вообще ничего не сообщил. Хоть бы представился из вежливости!»

Александра словно холодной водой окатили: сначала захватило дух, потом пришло понимание, что не все так страшно, как казалось в самом начале ледяного потока, а сейчас он, что называется, обтекал. Слишком многое хотелось сказать наглому незнакомцу, но того и след простыл.

Он двинулся по дороге, возле которой его высадили из кареты.

«Если ты кому-нибудь сильно нужен, тебя обязательно найдут. Сами на вопросы отвечать не станут, зато загрузят сведениями, которые ты, по их мнению, должен знать, – рассуждал одинокий путник, направляясь к видневшимся вдали деревьям. – По-моему, это равносильно использованию человека втемную. А как ты, Сашка, еще хотел? Начнут уговаривать, объяснять, почему стоит делать так, а не иначе… Денег дали – и

то хорошо».

Он открыл кошель и заглянул внутрь.

«Серебра не пожалели. Ну что же, будет чем заплатить жалованье бойцам. Да и строителям. Наверняка ведь придется новые дома ставить. Буян вроде собирался десяток ветеранов пригласить, волшебников устроить требуется. Хлопоты, хлопоты, хлопоты… А Зарину я все равно разыщу, как бы мне ни мешали и те, кто за наших, и те, кто против. Может, я только для того сюда и переметнулся из своего мира, чтобы ее встретить! – Александр закрыл кошель и устремил взгляд в небо. – Ну да, только о ней сейчас время и думать, пока шагаю под ясным небосводом среди цветущих лугов, дышу наполненным ароматами воздухом… И ни одна сволочь не пытается продырявить меня».

Сзади раздался конский топот. Еремеев повернулся и увидел четверых всадников и лошадь без наездника.

«Романтический перерыв окончен. А теперь, Сашка, подотри слюни и впрягайся в работу. Рабам на галерах долго думать о возвышенном не положено. Грести нужно отсюда, и поскорее!»

Чтобы провести время в дороге с пользой, Еремеев принялся расспрашивать обо всем Лариона как самого осведомленного. Начал с надписей на стволе своего пистоля.

– Понимаешь, когда действует магия или на меня пристально глядит какой-то волшебник, эти непонятные буквы светятся, а пистоль дрожит, словно его лихорадит. – Командир вытащил оружие, чтобы собеседнику было лучше видно. – Почему сие происходит, я припомнить не могу, как и то, откуда у меня появилась эта штуковина.

– Тебе его один лысый старик подарил, когда ты ему лошадь подковал. Я помню, ты у Фрола все выпытывал, не встречал ли он раньше в деревне мужика в летах с белой длинной бородой. Потом заговорили о стволе и буквах, кои незнакомец прямо при тебе и начертал.

– Лысый старик? С белой бородой? По-моему, одного такого я видел. – Еремеев напряг память.

Они двигались по лесной дороге сначала на юг, потом свернули на запад. Креслав, вызвавшийся быть проводником, утверждал, что вскоре они выберутся к той самой тропке, которая вела к болоту. А дальше два пути: либо на тракт, либо мимо владений кикиморы.

– Ты еще сказал Фролу, что незнакомец тебе решил подарить пистоль после того, как узнал, что в детстве тебя молнией ударило. – Ларион припомнил еще одну деталь из прошлого Никиты.

«Ни фига себе! И Нилова молнией стукнуло?! Вот уж действительно совпадение! Так, так… А ведь дедок в больнице тоже был лысым, и борода седая имелась. Правда, я о своем контакте с молнией ничего ему не сообщал. Разве что медсестре проболтался, уж больно она жалостливо на меня смотрела. Что я ей там наплел? Пообещал, что не сдохну, пока, до кучи, наводнение, землетрясение и ураган на себе не испытаю. Ну да, а на следующий день старик в палату и зашел поболтать».

– А эти буквы могут и от магии спасать? – спросил Александр.

– Вряд ли. Упредить способны, чужаку не позволят украсть оружие. Что-то еще? Сомневаюсь.

– Погоди, был у меня случай, когда те, кто был рядом, от магии уснули, а мне – хоть бы что.

– Свезло. У каждого из нас есть собственная защита, но не на все заклятия она действует. Может, на тебя не действует сонная магия?

– Надо будет проверить при случае. Ты можешь человека заставить спать?

– Только ежели в упор гляжу на него, – ответил Ларион.

– Нет, магия была, что называется, дистанционная и массового поражения. По-моему, сонным дурманом называлась.

– Это иного рода заклятия. Попадется маг водной стихии, попробую с ним договориться.

Среди нанятых волшебников оказались огневик, воздушник, разумник, целитель и два специалиста земной стихии. Прохор создавал огненные заклятия, самый молодой из ополченцев являлся целителем.

– Ларион, может, мой вопрос покажется глупым… Я тут видел патроны, которые продаются среди магических товаров. Особенные, что ли?

– Бывают и особенные, но это чаще касается пуль, а патроны… Они же все с магическими воспламенителями.

– Это как?

– В задней части патрона между двумя тонкими пластинками заключен порошок, обработанный простейшим заклинанием. Пробиваешь пластину, порошок воспламеняет порох.

«Во намудрили! Не помню, из чего у нас капсюли делали, но гораздо проще, наверное. Хотя, чего я, специалист, что ли? Когда не знаешь, все кажется простым».

– Благодарю за пояснения. А тебе не приходилось видеть изображение капли, пронзенной двумя кинжалами? – Еремеев надеялся сегодня получить ответы на все вопросы по магии.

– Очень похоже на рисунок заклятия, только при нем еще

пусковое слово должно быть.

– Что за заклятие?

– Капля – символ воды, но вместе с клинками… Скорее всего, означает кровь. Мыслю, символ относится к магии крови. Волшебников по этой специальности не так много, и они стараются не показывать свои способности.

– Почему?

– Такому легко получить власть над телом человека, стоит обрести хоть каплю его крови, – объяснил разумник.

– Над любым?

– У некоторых имеется защита. Например, у тех же священников. Постоянные молитвы служат надежным барьером как для магии разума, так и для магии крови. Существуют и особенные амулеты…

– Ларион, скажи, про такие вещи где-то написано или… – договорить Еремеев не успел.

Ехавший впереди Креслав вскрикнул и начал сползать с лошади, а на дорогу, не таясь, вышли двое: невысокий тощий мужчина далеко за тридцать и полноватый крепыш среднего роста, выглядевший лет на десять моложе. Оба – в укороченных зипунах, легкой обуви и свободных штанах. За спиной у каждого Александр заметил мечи.

– Ежели не хочешь смерти другим, вертай кобылу и дуй с нами в Смоленск для разговору с важными людьми, – предупредил тощий убийца, поигрывая двумя такими же клинками, как тот, что торчал из шеи Креслава.

– Но краше будет, коли станешь артачиться, – добавил второй, ухмыляясь. – Мы и их порешим, и тебя покалечим. В Смоленск при любом раскладе доставим.

– Ой ли?! – справа от Александра к парочке выдвинулся Борич.

Клинок молниеносно полетел к нему, однако воин не только сумел увернуться, но и, соскочив с лошади, устремился к метателю. Лязг стали оповестил о начале схватки, оба противника в мгновение ока скрылись за деревьями.

Еремеев, воспользовавшись тем, что пистоль находился в руках, взвел курки и выстрелил дуплетом во второго. Ни одна из пуль не достигла цели. Крепыш был крупнее подельника, однако двигался не менее стремительно. Уклонившись, он без разбега прыгнул к стрелку и, несмотря на расстояние почти в семь шагов, имел неплохие шансы достать Александра мечом. Мощная волна воздуха вовремя отшвырнула прыгуна. За него принялся Ларион, вцепившись взглядом. Похоже, чары разумника возымели свое действие: крепыш не стал прыгать во второй раз, но шел он

вполне уверенно.

Стрелять в надвигавшегося врага принялись все члены отряда. Еремеев разрядил второй пистоль, выпустил шесть пуль из револьвера, но, кроме вздрагиваний от каждого попадания и дыр в зипуне, других результатов не наблюдалось. Изменилось лишь лицо крепыша – оно стало настолько злым, что теперь мало походило на человеческое.

«Бессмертный он, что ли? Чем бы его приложить, гада?»

Боковым зрением Александр отмечал старания обоих соратников. Гаврила, похоже, принялся за сложное заклинание. Вокруг крепыша возникла прозрачная сфера, похожая на мыльный пузырь, которая не желала лопаться, а сократилась в размере и заставила посинеть кожу врага, но он все равно продолжал надвигаться.

«Может, это Терминатор? Ну ничего его не берет…»

И тут психологической атаки громилы не выдержала лошадь Еремеева, видимо, животное увидело в нем смертоносного монстра. Она громко заржала, встав на дыбы, и развернулась. Александр от неожиданности выронил оружие и ухватился за шею кобылы. Его чересчур крепкие объятия только добавили нервозности животному, а тут еще тип с перекошенной злобой физиономией, мобилизовав последние силы, с диким ревом разорвал пузырь и бросился на седока.

Учили эту лошадь или сработал пресловутый инстинкт самосохранения, но она, оттолкнувшись задними ногами, так точно нашла копытом голову крепыша, что того отправило в полет метров на десять. После удара мощностью в одну лошадиную силу встать он уже не смог.

Досталось и Еремееву. Его сбросило вниз, повернуло вокруг шеи животного, поскольку объятий он не разжал, и поставило на колени прямо перед мордой кобылы.

– С меня мешок яблок, дорогая, – произнес он, глядя в испуганные глаза спасительницы.

– Вот живучая тварь! – басом простонал Гаврила. – Я же весь воздух из пузыря убрал, ему дышать было нечем. Это точно не человек!

– И моя магия его не слишком придержала. – Ларион тяжело дышал. – У любого другого мозги бы давно вскипели, а ему… Все силы в заклятие вложил, до утра теперь простейшего пасса не сделаю.

– Та же песня. – Гаврила растирал пальцами виски. – Хорошо, кобыла не сплоховала.

– Надо глянуть на тело, – предложил поднявшийся Александр, которому все-таки удалось расцепить руки. – Может,

оно из железа?

И мысленно добавил: «Тогда на металлолом сдадим негодяя».

Троица не спеша направилась к поверженному.

– Не подходите близко! – прозвучал окрик Борича.

Воин как раз вышел на дорогу из леса, где проходил его поединок со вторым «бессмертным». Стоило ему самому приблизиться к крепышу, как тот вскочил и даже успел замахнуться, прежде чем с его плеч слетела голова.

«И такие бойцы в здешнем мире встречаются?! Раньше лишь в кино видел, но там сплошные трюки. Когда башку с плеч сносят, уже не до трюков. А ведь любого из нас этот пришибленный лошадью наверняка бы прикончил. Брр!»

– Нам повезло, что они хотели взять тебя живым, Данила, – произнес Борич, спрятав саблю в ножны.

– Это те самые, кто пытал коменданта о тебе, – вспомнил Ларион. – Так вот они какие, асы.

– Охранники гномов? – переспросил Еремеев.

Разумник кивнул в ответ.

«Оперативно нас отыскали, дня не прошло. Выходит, они быстры не только в бою. Может, еще и нюх собачий имеют? И что самое обидное – наверняка эта парочка у гномов не последняя. Эх, жаль Креслава! – Александр тяжело вздохнул. – А как подумаю, чем нынешняя схватка могла закончиться, не будь с нами Борича, вообще тоскливо становится. Хоть бы подсказал кто, как обычному человеку с такой напастью справиться? – Еремеев вспомнил о магическом капкане. – Даже интересно, если на пути аса волшебный лоскуток положить, он его удержит?»

– И ведь ни одного защитного амулета с собой. – Ларион обыскал труп. – Пять золотых монет в кошеле и оружие, которое я бы не рискнул брать.

– Они, похоже, сами – ходячий амулет, – высказал предположение Борич. – Я своего противника раз пять убивал. Пока голову не снес, тот не угомонился.

– И много таких у гномов? – Еремеев почему-то подумал про оборотней, но тех хотя бы можно было серебром упокоить.

– Вряд ли, – произнес Ларион, – но уж ежели они направили *таких* бойцов, ты у них – бельмо на глазу.

– Спасибо, порадовал. Думал, одному Тадеушу укорот требуется дать, а за ним, оказывается, целая вереница гномов выстроилась. Популярность, понимаешь!

– Попу?.. – наморщил лоб разумник.

– Не парься, это когда слишком многие про тебя знают. – Потрясенный, Александр не особо следил за словами.

– Креслав из Троицкого? – вмешался в беседу Борич.

– Нет, вроде из Смоленска. – Еремеев вспомнил про сестру погибшего.

– Назад ехать не стоит. Предлагаю отвезти в деревню и там похоронить.

– А с этими что делать? – Гаврила кивнул в сторону обезглавленного.

– Лес приберет.

«Ну да, мы намусорили, а лешему выполнять работу дворника. Я бы на его месте обиделся. Надеюсь, местные лучше знают о лесной нежити. Впрочем, когда я Зарину от ляхов спасал, даже мысли не возникло зарыть те трупы, которые остались на полянке. Правда, то были люди, а это?»

– Едем! – приказал Александр.

Троицкое встретило тревожными вестями. Особенно не понравилось Еремееву отсутствие в деревне Радима и Лады – парочка отправилась в разведку.

– Девка, как узнала о захвате Крашена, сразу собралась сама все проверить. Она сказала старосте, тот передал Радиму, – докладывал ветеран, прибывший в деревню на несколько часов раньше командира. – Парнишка вскочил на лошадь и бросился вдогонку.

– Убью обоих, пусть только вернутся! – воскликнул Александр. – Кто захватил Крашен, степняки?

– Доподлинно неведомо, командир. Утром в деревню примчался охранник из Крашена. Он сильно спешил, попросил сменить лошадь – свою почти загнал – и поскакал в Смоленск. С его слов, в город вошли две сотни бойцов, часть охраны повязали, часть сгубили, взяли под охрану управу, местную тюрьму и заполнили улицы патрулями. За ворота никого не выпускают. Гонцу с огромным трудом удалось проскочить мимо налетчиков.

«Куда он поперся, разведчик доморощенный? Сказано же было – отвечаешь за финансы. Так нет, умотал за стройной фигуркой. Почувствовал, что над ним командира нет! – мысленно негодовал Еремеев. – Мне, между прочим, тоже хочется бросить все к чертям собачьим и броситься на поиски Зарины, но я же… Ну да, Сашка, нашел с кем себя сравнивать. Парень всего-то и пожил семнадцать лет, а у тебя за плечами сорок два года. Ему с собой совладать куда сложнее».

– И как все это понимать? Мы с кем-то воюем? Например, с Речью Посполитой?

– Вряд ли. – Буян покачал головой. – На западе своих лиходеев хватает. Две-три банды могли на время объединиться,

чтобы попытать счастья на Смоленской земле. Пограничный заслон смяли в одночасье, и в Крашене не успели оборону выстроить. Токмо уж больно все гладко получилось. На заставе ведь не новички служат, чтобы их упокоить втихую, тут сильно постараться надобно.

– Опять предательство? – мрачно спросил Еремеев.

– О том мне пока неведомо.

– Тяжко, когда не знаешь, откуда ждать удара. Эдак каждого подозревать нужно. Вот ты мог на Гната подумать?

– Нет, хотя он мужик ушлый и не совсем местный. Староста сказывал, что в деревне он появился семь лет назад. Женился, детишек завел. В Смоленске по торговым делам был незаменим. Думаю, часть монет он прикарманивал, но торговался всегда рьяно, местным от этого прибыток был.

– То были малые деньги, а как дошло до больших, он и не сдержался. Ладно, не тот человек, чтобы о нем говорить. Давай думать, как неслухов обратно вернуть?

– В Крашен ехать не стоит. Туда до ночи-то доберемся, а обратно можем и не успеть.

«Про зверюг-то я начал забывать, а сейчас как раз начинаются самые веселые ночки. – Александр рассчитывал подобраться к Крашену под покровом темноты. – А днем там у стен местность слишком хорошо простреливается. Надо что-то другое придумать».

– Ты женщину с ребенком устроил? – Александру с ходу ничего путного в голову не пришло, и он решил сменить тему.

– В своем доме, – ответил ветеран. – Заодно будет под моей защитой.

– Главная защита сейчас для них – это неизвестность. Малыш не проговорится?

– Ему всего пять лет. Имени отца он не помнит, а женщина теперь отзывается на имя Добрава.

– Парнишку как зовут?

– Любор, хотя по бумагам – Любояр Данилович.

– Документы спрятал?

– Попросил батюшку надежно схоронить пакет. Если со мной что случится, он его токмо тебе и вернет. Что в пакете, святой отец не знает.

– Хорошо. Теперь с прибывшими. Людей разместили?

– Староста занимается, я предупредил, что вскоре появятся еще несколько человек. Кстати, часть горожан из Крашена – те, кто с кузнецом отправился, – также приехали сюда. Горислава и Мирослава среди них.

– Ты все-таки норовишь свести меня с кем-то из загадочных

сестер?

– Упаси меня Господь, командир. Я лишь хочу тебя упредить. Горислава, похоже, настроена решительно. Первое, что она спросила у старосты: «Данила-купец в какой избе остановился?»

– Вона даже как? – вздернул брови Еремеев. – Буду надеяться, что это простое любопытство.

– Девичье любопытство в отношении видного парня? Может быть, может быть… – засомневался Буян.

– Слушай, я сегодня не обедал. Хоть ужином кормить будут? – спросил Александр.

Глава 15
Незадачливый разведчик

– Да он!.. Придурок!

Уши сворачивались в трубочку от образных выражений Лады в рассказе о действиях Радима. Если убрать все слова, которые при детях говорить не принято, то оставались в основном союзы и личные местоимения. А смысл…

«Придурок» – это, пожалуй, самое мягкое из всего, что можно сказать про парня, – согласился с негодующей амазонкой Еремеев. – Даже я бы догадался оставить лошадку в лесу хотя бы за полкилометра до опушки, а этот лихач… А потом еще сунулся прямо к городским воротам. И попытался убедить стражников, что приехал в Крашен продать пару амулетов. Охранники, не будь дураками, проверили ближайшие окрестности, обнаружили скакуна, два пистоля и кошель с десятью золотыми монетами. Вот обрадовались, наверное: и шпиона поймали, и навар неслыханный получили».

Лада видела и слышала, как стражники насмехались над горе-шпионом, когда вели его в тюрьму. Вмешаться она не могла: во-первых, сразу с четырьмя бойцами даже бывшая профи не справилась бы, а во-вторых, убивать теперь не позволяла клятва.

Закончив крыть Радима последними словами, Лада минут десять рассказывала о положении в Крашене. Самой ужасной оказалась весть, что на завтрашний день там намечена казнь схваченных пограничников и одного заезжего купца.

«Все-таки девчонка молодец! Смогла незамеченной проникнуть в город, разузнать обстановку, даже выяснить количество и расположение вражеских бойцов».

– Когда планируют казнить пленных? – спросил Александр.

– Ранним утром, – ответила разведчица. – Они сильно торопятся, опасаются прибытия смоленской дружины.

– Ежели Смоленск и направит войска, те все равно раньше полудня к городу не подойдут, – вслух размышлял Еремеев.

– А к тому времени все уже будет кончено. – Лада выжидательно посмотрела на Еремеева. – Надо что-то делать.

– Надо! – кивнул командир. Ему снова не оставили выбора – при сложившихся обстоятельствах выезжать требовалось немедленно.

Разговор происходил в избе деревенского колдуна. Не без помощи Александра тот сбежал из Троицкого, а опустевшую жилплощадь временно заняли купец и волшебники.

«За каким лешим прилюдно казнить пограничников в городе? Могли бы их на месте и порешить, так нет – доставили в Крашен, чтобы на виду у всех жителей… Запугать хотят? Не вижу логики. Мало ли, как дела обернутся, а тут заложники – неплохой козырь для переговоров, если понадобится тянуть время. Чует мое сердце – смерть тех пленных очень нужна неприятелю в Крашене. Но зачем?»

– Ты сможешь незаметно провести в город несколько человек? Сегодня ночью.

– Смогу, – не слишком уверенно ответила Лада, – но как быть со зверюгами? До полнолуния осталось всего ничего.

– Я слышал, они не сразу после наступления темноты становятся костяными монстрами. К тому же у меня есть идея, как их отвлечь.

– Скоро совсем стемнеет, командир. Надо спешить. – Лада хоть и старалась скрыть волнение, но у нее это не слишком получалось.

– Что там за люди, какое вооружение у захватчиков?

– Три отряда из трех десятков воинов плюс их командиры. И еще один главный. У всех четверых вожаков по два пистоля за поясом. При главном еще десять стрелков с ружьями, у остальных арбалеты и сабли.

«Получается, по-нашему – рота из трех взводов и стрелковое отделение при ротном. На разбойников подобная структура уж никак не тянет. Соответственно, и подход к таким серьезным ребятам должен быть иной. Что я могу им противопоставить? У меня есть Борич, шесть чародеев, Буян и талантливая разведчица».

– Степняки, ляхи или наши? – постарался уточнить Александр.

– Скорее, ляхи, – подумав, ответила Лада, – но одежка на них наша.

«Задачка-то плевая: проникнуть в город, по пути не попасть на зуб костяным монстрам, бесшумно добраться до тюрьмы, освободить пленников, вместе с которыми затем умотать к Троицкому», – мысленно усмехнулся Еремеев, понимая, что в очередной раз собирается влезть в опасную авантюру.

– Выезжаем через десять минут. Найди Буяна, пусть зайдет.

Когда Лада выбежала из комнаты, Александр заглянул в одну из соседних, где разместились Гаврила со слугой.

– Мужики, отдыхать не придется. Наметилась срочная поездка в Крашен. Кого из волшебников, кроме тебя и Лариона, лучше взять с собой?

– Смотря чем заниматься придется, – ответил воздушник.

Александр вкратце изложил план.

– Прохора бери обязательно, огневик в городе будет полезен. И «земляков» стоит взять обоих. Их надо расставить по обе стороны дорожки, по коей будем от леса к стенам города добираться.

«Земляками» среди магов называли волшебников, специализирующихся на магии земли.

– Так и сделаю, – согласился с предложениями Гаврилы командир. – На сборы – пять минут.

Переговорив с Буяном, Еремеев решил взять и его.

– Только к дому приставь надежную охрану, – предупредил Александр. – Боярыню следует уберечь во что бы то ни стало.

– Уже сделано. Местные считают, что я зазнобу свою из города притащил. Разубеждать никого не стал, так спокойнее.

– Оно и правильно. Меньше ненужных вопросов будет.

Десять всадников выехали к Крашену за пару часов до заката. Стараясь успеть до темноты, разведчица задала быстрый темп движения.

«Пора бы уже и привыкнуть к седлу, – размышлял Еремеев, ощущая боль в пикантном месте. – Надо было к целителю обратиться после похода, может, чего полезного бы присоветовал».

Отряд вооружили по максимуму. Даже Ладе вручили пару пистолей, хоть она и не собиралась стрелять из-за страшной клятвы. Помимо бойцов и девушки на вылазку взяли одного из деревенских, который умел хорошо обращаться с лошадьми. Буян сказал, что в ночном лесу тот сумеет успокоить животных.

Когда отряд добрался до предместья Крашена, сгустились сумерки. Коней привязывали практически в темноте, а специалист по лошадям, хотя и сам боялся оставаться в ночном лесу, принялся за работу – нельзя было допустить, чтобы ржание напуганных животных привлекло к ним хищников.

План составляли, памятуя о пристрастии зверюг к магическим проявлениям. «Земляки» разошлись по обеим сторонам тропинки, ведущей к стенам. От опушки леса они старались далеко не отходить, а вот от самой дорожки удалились метров на триста. По сигналу Буяна волшебники сотворили сразу по паре заклинаний, после чего поспешили как можно выше забраться на ближайшие деревья. В это же время разведчица повела остальных к стенам, точнее – к тайному подземному проходу.

По словам Лады, о нем знали лишь несколько человек в городе, и люди Тадеуша в их число не входили. О подземном тоннеле Ладе сообщила Горислава в обмен на сведения о

семейном положении Данилы-купца.

Пришлые хищники действительно клюнули на приманку и метнулись к двум источникам повышенного магического фона, освободив дорогу группе прорыва. Шесть мужчин и девушка почти успели добраться до нужного места без происшествий. За ними увязался всего один шакал, который, видимо, оказался на одинаковом расстоянии от обоих источников и не успел решить, к которому бежать, пока не заметил новую достойную цель. Если бы шедший последним Александр не споткнулся, зверь, может быть, его и не догнал.

«Ну и где тут монстр? Как был шакалом, так и остался. Видать, до полнолуния еще далеко. Или?..»

И тут он увидел, как сначала шерстка хищника заискрилась сотнями крохотных светляков, затем вытянулась и побелела морда, а зубы удлинились минимум втрое, из-за чего в пасти больше не помещались. Уши хищника острыми треугольниками сместились к макушке. Тело зверя также увеличилось в размерах, искрящаяся шерсть обратилась многочисленными шипами длиной почти с мизинец. Лапы обрели когти и обзавелись крючковатыми выступами в сочленениях конечностей, а из костяного хвоста появился серповидный наконечник. Когда глаза загорелись красным светом, Еремееву удалось сбросить оцепенение.

– Командир, стреляй. До прохода всего пять шагов, успеем, – раздался сзади голос Лады, которая вернулась, когда заметила пропажу.

– Есть способ и потише. – Александр удивился тому спокойствию, с которым ответил. Сам он в это время доставал из кармана волшебный лоскуток. Зарядив его магией, произнес слово-ключ и положил полотно перед собой.

Почувствовав пусть и слабый, но магический всплеск, монстр тут же прыгнул к желанной добыче. Еремеев откатился в сторону. Капкан сработал.

– А вот теперь бежим!

За спиной раздался душераздирающий вой – костяной хищник угодил в ловушку и не мог из нее вырваться.

– Не сказала бы, что такой способ тише, – шепотом произнесла Лада уже после того, как они закрыли за собой вход в подземный тоннель.

– Вой зверюг в этот час никого не насторожит, а выстрелы – обязательно, – пояснил Александр.

– Я бы никогда так не смогла. Ты совсем ничего не боишься?

«Что я, не человек? Конечно, боюсь! Иногда до дрожи в коленях, как сейчас, но не всем об этом знать положено», –

подумал он, однако вслух ответил:

– У каждого свои достоинства. И поверь, твои ничуть не хуже.

Когда знаешь, где находятся враги и по каким улицам передвигаются патрули, дойти незамеченными до любого объекта большой сложности не составит. Стараниями Лады отряд не наткнулся на захватчиков, хотя половина из них бодрствовала, опасаясь неприятностей со стороны местных.

Сначала группа диверсантов добралась до стен тюрьмы.

– Прохор, пойдешь с Ладой. Борич, идешь с ними. Задача – пустить врагам огоньку.

– Зачем использовать магию, если можно обойтись обычным огнивом? – неожиданно воспротивился волшебник.

– Мои приказы не обсуждаются, Прохор! Особенно – во время операции. – Еремееву показалось, что огневик трусит.

– Я думал, что здесь буду полезней, командир.

– Менять планы не будем. Ступай!

Разведчица повела Борича и Прохора к зданию, где размещался один из отрядов захватчиков. Возникший там пожар послужил диверсантам сигналом к проникновению внутрь.

– Ларион, твой выход, – прошептал Александр, когда они подобрались к воротам.

– Ты гляди, как полыхнуло! – раздалось с крыши тюрьмы. – Збигнев, возьми пару воев, сбегай глянь, чего там пылает.

Заскрипели несмазанные петли.

«С пожаром мы здорово придумали, даже двери сами отворились», – подумал командир.

Они оказались в тюремном дворе, уложив сначала троих выскочивших, затем тех, кто открывал ворота.

Действовали слаженно: разумник вгонял в ступор любого, кто попадался на глаза, дальше вступали в дело сабли Гаврилы и Буяна. Еремеев был на подстраховке с револьвером и пистолем. К счастью, шуметь не пришлось. Закончив внизу, Буян снял еще парочку наблюдателей с крыши с помощью вражеских арбалетов.

Ветеран в прошлый раз хорошо изучил строения тюрьмы, поэтому последних стражников быстро обнаружили в комнате охранников. Этих просто связали.

– Ларион, выясни, по чьему приказу они вдруг напали да еще задумали казнить наших людей в городе, – попросил Александр. – Я пока пройдусь по камерам.

Еремеев с остальными занялся освобождением пленников. Среди них оказались не только пограничники, но и охрана, состоявшая из местных. Всего Александр насчитал неполных четыре десятка узников.

«Больше взвода наберется! И оружия у нас почти на всех

хватит».

– Данила, – позвал задумавшегося командира Буян. – Глянь, какие у нас ребята боевые.

Купец увидел Борича с Прохором, у которых за плечами было по пять ружей, в руках – по пистолю и еще по одному – за поясом. За ними шла Лада, тоже с двумя огнестрелами.

– Командир, мы тут случайно на их штаб напоролись. Принимай трофеи, – доложил слуга Гаврилы.

– Мужики, такими темпами вы у меня за пару дней свои откупы возместите. Мне что, потом новых волшебников искать? – покачал головой Александр.

– Данила! – окликнувший его разумник выглядел встревоженным.

– Что стряслось? – Командир подошел к волшебнику.

– Эти сволочи задумали утром ритуал призыва провести, – шепотом заговорил Ларион. – Собирались в один момент сразу сорок человек прикончить на виду у толпы. Насколько мне хватило мозгов, там намешана магия смерти и эмоциональный всплеск толпы. Смоленскую дружину они хотели извести чудовищем, которое должно было появиться в ходе ритуала.

– Колдун здесь?

– Поутру должен прибыть в Крашен.

– Значит, нам его и встречать! – Еремеев сжал кулаки до боли в костяшках.

Он сразу начал прикидывать: «Тюрьму охраняли десять бойцов, стрелки и командиры – это еще тринадцать. В пожаре наверняка пострадало человек пять, если не больше. В остатке с одной стороны имеем около семи десятков деморализованных и не слишком хорошо вооруженных бойцов, а с другой – четыре десятка вышедших из застенков и горящих мщением воинов с ружьями, пистолетами и арбалетами. Плюс к ним – три волшебника и Борич. Думаю, у нас явное преимущество перед противником, а потому бежать и спасаться следует не нам, а тем, кто подлым убийством решил новую гадину в этот мир притащить. Как будто их здесь не хватает!»

– Буян, подойди сюда, – попросил командир.

– Наши все целы, – улыбаясь, доложил тот, – чего не скажешь о противнике.

– Радима нашли?

– Им сейчас занимается Лада. Очень жестко. Чую, ежели девка его сегодня не прибьет, то осенью на себе оженит.

– Отличный для него вариант, я думаю!

– Время покажет.

– А скажи мне, Буян, ты города когда-нибудь брал? –

прищурившись, задал вопрос Еремеев.

– Не доводилось, – почесал в затылке ветеран, – но почему бы не попробовать?

– Поступила заявка о годовом найме деревни Троицкое с ее обитателями. К заявке приложена подписанная всеми жителями челобитная. Наниматель – некий купец Данила, доказавший свою состоятельность, поставив в городскую собственность пять скаковых лошадок, – монотонным голосом докладывал председатель малого совета Смоленского вече.

До этого вопроса были рассмотрены четыре весьма важные темы, и, казалось, присутствующие полностью выдохлись. Особенно – при обсуждении неожиданного нападения на Крашен. Многие настаивали на немедленной отправке городской дружины, чтобы наказать наглецов и освободить соотечественников. В особенности ратовали за немедленный поход те, кто обычно поддерживал пана Тадеуша. Были и другие, считавшие, что негоже оставлять без охраны город, когда здесь творятся странные дела: убийства энергомагов, нападения на волшебников, пытавшихся по поручению вече зарядить алтарные камни. С небольшим перевесом победили те, кто настаивал на походе, причем только за счет ремесленников.

Малый совет состоял из семнадцати человек: дюжины бояр, трех представителей духовенства и двоих – из крупных ремесленных объединений. Самые родовитые бояре занимали первый ряд стульев от возвышенной площадки, где восседал председатель высокого собрания. Во втором сидели менее знатные бояре, духовенство и ремесленники.

– По какому праву Троицкое вдруг под наем попало? – спросил член совета со второго ряда.

– Год назад владелец его, уважаемый боярин Рачинский Данила Ярилович, сгинул в сече со степняками. Его наследники пока так и не объявились, а тут еще и с урожаем у жителей беда. В зиму деревенские собирались идти с пустыми закромами.

– Могли бы ко мне обратиться, разве соседи не должны помогать друг другу? – произнес Тадеуш.

– Крашен гораздо дальше от Троицкого, чем Смоленск, – возразил Огнедар, один из самых уважаемых бояр города, – но русскому человеку негоже идти с протянутой рукой, ежели он сам чует в себе силы справиться с бедой. Они нашли такой способ, чтобы и чести хозяина урон не нанести, и с трудностями разобраться. Наем – неплохой выход.

– Кто такой этот Данила? – подал голос сидевший справа от Тадеуша. – Не слышал ранее о таком купце. Может, это выскочка

из низов, который возомнил себя важным мужем? Земли наши под себя решил подмять!

– Податель заявки из роду купеческого с восточных окраин Смоленской республики. Он молод, всего семнадцать лет, однако…

– А не кажется ли уважаемому вече, – один из бояр второго ряда перебил председателя, хотя это считалось дурным тоном, – что наем Троицкого и захват Крашена – звенья одной цепи? Просто город взяли силой, а жителей запугали, заставив подписать челобитную?

– Заявка подана за пару дней до нападения на Крашен, – так же спокойно поведал председатель. – Купец в это время находился в Смоленске.

– Значит, действует он не один, а с подельниками, – не унимался невоспитанный муж. – Вот же вражина! Небось за ним еще и Московия стоит, почерк явно их. Своего человека хотят ближе к Смоленску пристроить…

– Плавен, ты бы сначала немного думал, а потом говорил, – приструнил Огнедар. – Чего на человека напраслину возводишь, даже не зная о нем ничего?

– А чего там знать? Лошадок ему наверняка из Москвии пригнали. Откуда у молодого купчишки столько доходов?

– О том, господа, я вам сейчас поведаю, – поднялся отец Серафим. – Нам тоже показалась подозрительной эта заявка, а потому мы поспешили проверить, как и почему некий Данила вдруг решил взять в наем бедствующую деревню.

– Рады выслушать тебя, батюшка. – Огнедар преклонил голову.

– Ежели кому неведомо, в Троицком находится служитель православной церкви, призванный помочь местным отыскать свой путь к Богу. Он приложил к челобитной некоторые пояснения, из коих многое сразу стало понятно. Тут пытали, почему деревенские не обратились к пану Тадеушу за помощью? Есть тому пояснение. Управляющий из Крашена дал деревенским взаймы невеликую сумму, а потом прибыл стребовать ее втрое, когда люди лишились урожая. Понимаю, что господин Тадеуш не знал о том, но деревенские ведь явно решили, что слуга действовал с ведома хозяина, ибо судить должников прибыли из Крашена.

– Иногда слуги выказывают ненужную живость. Но им воздастся за содеянное, – сказал шляхтич, ни к кому не обращаясь.

– Так вот, Данила оказался проездом в Троицком и заплатил долг жителей деревни. Что же касаемо лошадок, то они достались

купцу после схватки со степняками, кои числом с полсотни пытались совершить набег на беззащитную деревню. Скажите, уважаемые бояре, кто из вас может похвастать тем, что в семнадцать сумел организовать простых селян против кочевников и одержать полную победу?

– Я тоже считаю, что сие невозможно без помощи со стороны, – подключился к обсуждению еще один член малого совета. – И прежде чем давать разрешение на наем, следует точно выяснить, кто этого «героя» поддерживает. Одолеть полсотни всадников с бухты-барахты не получится.

Отец Серафим попытался объяснить, как было дело, но его и слушать не стали. Знать начала высказывать самые невероятные предположения, начиная от помощи Московии и заканчивая обращением купца к нечистой силе. Время уже близилось к обеду, а заявка по-прежнему не была рассмотрена.

Тадеуша подобный расклад вполне устраивал: отложить решение на пару дней, а потом вече наверняка и не вспомнит об этом деле – не до того будет.

Шляхтичу уже докладывали о некоем Даниле, сорвавшем закабаление десяти молодых парней из Троицкого. Новые сведения об этом человеке сильно разозлили пана.

– Господа! – поднялся Огнедар. – Мы пришли сюда делами заниматься или перепалку устраивать? Услышали про достойного молодого человека, но вместо того, чтобы что-то о нем узнать, начали подозревать в гнусных деяниях, коих он не совершал. Или вы ставите под сомнение слова слуг божьих?

– Закон о республиканском вече гласит, что здесь все равны, невзирая на чины и сан. – Тадеуш тоже поднялся. – Но ты прав, боярин: негоже высокое собрание превращать в балаган. Мы нынче долго заседаем и, видимо, устали. Чтобы не наделать ошибок, надобно отложить вопрос. Кто за это предложение…

– Минутку, – остановил шляхтича Огнедар, – разве не председатель вече обязан ставить предложения наши на голосование? К тому же отец Серафим еще не закончил свою речь…

– Господа! – Дверь отворилась, и в зал вошел мужчина в красном кафтане с золотым шитьем. – Прибыл гонец из Крашена со срочными новостями.

– Надеюсь, наш председатель не будет против позвать прибывшего? – Шляхтич посчитал это удачным поводом замять вопрос о найме.

– Пригласите гонца, – промолвил председатель и обратился к вошедшему: – Сказывай, что в Крашене?

– Сегодня ночью город освобожден, уважаемые, – сообщил

тот. – Захватчики большей частью уничтожены, часть угодила в полон. Никто не ушел из города.

– И откуда пришла подмога? – спросил кто-то из второго ряда.

– Небольшой отряд тайно проник в город, освободил плененных пограничников и вместе с ними напал на захватчиков. Командовал людьми некий Данила-купец, прибывший в город из Троицкого.

В зале повисла звенящая тишина. Отец Серафим очнулся первым:

– Господа, думаю, самое время поставить вопрос по заявке о найме на голосование. Этот молодец решил наш первый вопрос, теперь не надо направлять дружину из Смоленска.

Больше никто возражать не стал. Большинством голосов заявка была утверждена.

– Я обязательно отблагодарю этого, несомненно, достойного молодого человека, как только мы повстречаемся, – пообещал шляхтич высокому собранию.

На обед пан Тадеуш отправился при полном отсутствии аппетита, хотя ему требовалось изображать радость. Это был очередной провал, за который Тагур по головке не погладит.

Последняя встреча с гномом, когда Тадеуша привезли на опасной карете к зданию банка, прошла в очень нервной обстановке. Глаза у собеседника были красными с самого начала разговора. Высокородному пану пришлось выложить все подробности последних неудач, выслушав которые, Тагур объявил:

– Ты сам заставляешь меня подыскивать себе замену. За эту неделю – ни одной успешной операции. Даю десять дней! И запомни: ежели ситуация не изменится, кто-то очень сильно пострадает.

Тадеуш прямо с заседания отправился в банк. Он решил сразу доложить о новой выходке эльфов. Теперь был выявлен их пособник, которого требовалось срочно устранить.

– Куда подевались те двое асов? – задал он себе вопрос вслух. – Второй день не появляются. Заодно спрошу Тагура. Эти головорезы могли в обход меня доложить ему о результатах.

Глава 16
Сильны в паре

«Эх, работаю я грубо и очень шумно! – размышлял Еремеев, добравшись наконец до комнаты, которую он занимал в Троицком. – Может, потому колдун так и не явился утром в Крашен? Почуял, гад, что его там ждут. Наверняка применил какие-то магические штучки. Ну да и леший с ним! Ритуал не состоялся – и слава богу! Но какой же гад такое придумал?! Почему-то мне кажется, что не сам Тадеуш. Наверняка ему кто-то очень сильно помог. Уж не гномы ли? Эти пришлые сами из другого мира прибыли, оттуда и чудище могли вызвать. А на наших им плевать с большой колокольни. Хоть бы одним глазом взглянуть на тех, кого здесь называют гномами».

Несмотря на бессонную ночь и изматывающую дорогу обратно в Троицкое, спать не хотелось. А ночка выдалась тяжелая: пришлось всерьез повоевать, разбираясь с теперь уже бывшим местным руководством Крашена, поскольку пограничники именно управляющего и его ближайших помощников обвинили в предательстве.

«Вот хоть убейте, но не поверю, что управляющий действовал без ведома Тадеуша, если он не двойной агент, конечно. И народ в городе так же решил. А что еще думать, если помощники подмешали служивым в обед сонное зелье?»

Продуктами заставу обеспечивал город, по праздникам присылая вдобавок особые угощения. В тот день якобы отмечали юбилей управляющего, который и отправил на границу деликатесы. Правда, в самом Крашене никто о подобном празднике даже не слыхал.

«Что же они хотели провернуть в Смоленске, если здесь, в Крашене, собирались извести столичную дружину? Как-то все одно к одному: то кикимору сжечь пытаются, то алтарные камни оставить без энергии, теперь еще воинов убрать. Кто же такой добрый? И ведь не поспрашиваешь. Если мужик в карете не врал, меня в Смоленске уже с собаками ищут. Да и здесь не особо скроешься. Нагрянут несколько асов, и поминай как звали. Нельзя мне в селе оставаться, ставить людей под удар, завтра надо уходить. Буян пусть оборону выстраивает, Гаврила – магическую защиту. Возьму с собой Прохора, он, похоже, хочет быстрее откупные вернуть и идти своей дорогой. Препятствовать не буду, пусть уходит. А я затаюсь на несколько дней в какой-нибудь захолустной деревеньке».

Про огневика нелестно отозвался Борич при возвращении из Крашена. Он обронил буквально несколько слов: «Квелый какой-то, когда действовать надобно, зато в другое время главного из себя корчит». Это высказывание подвело к мысли, что нужно искать нового специалиста по магии огня, но сейчас у Александра имелись более важные дела.

Еремеев полагал, что после доклада пограничников у вече должно возникнуть много вопросов к Тадеушу. Если шляхтич в них увязнет, то, глядишь, станет не до какого-то там купца.

«Хотя не стоит тешить себя пустыми надеждами. Этот гад просто так не отстанет – я ему уже столько планов порушил, а если выяснит, что Никита и Данила – одно лицо, засуетится еще сильнее. А вот я до сих пор не понял, чего шляхтичу нужно было от Нилова. Наверняка не какой-нибудь пустяк типа того же стола, о котором говорил владелец «Жирного налима».

Александр продолжал валяться на кровати. Он отказался от обеда и даже окна закрыл ставнями, чтобы свет не мешал спать. Но нахлынувшие мысли с упорным постоянством отгоняли сон.

«Но зачем ополченцу какой-то столик? Почему он не принес его в комнату, где обитал, а решил оставить в харчевне? Например, у того же отца Пафнутия в ножке вообще оказался тайник, да еще с такими важными документами, что впору в сейфе хранить… Тайник?» – Еремеев подскочил как ужаленный.

«Наверняка приобрести в Смоленске мебель с секретом не проблема. Если у Нилова за месяц не нашлось надежных знакомых, то где ему спрятать ценную вещь, добытую для Кузьмы, не таскать же с собой? – Встреча с Кузьмой и гибель того залихватского франта в кабаке «Потьма» накрепко запомнились Еремееву, как и последующий разговор с сержантом, тоже впоследствии убитым. – Особенно если Никита догадывался, что за нее и жизни лишить могут. Придется все-таки заглянуть в Смоленск, правда, брать с собой теперь придется не только Прохора. Без Радима в город незамеченным не пробраться, да и Ларион не помешает, если потребуется кому-нибудь мозги запудрить».

Кто-то приоткрыл и быстро запер за собой дверь, причем еще и крючок накинул.

«Неужели так быстро по мою душу прибыли?» – Александр вытащил револьвер из-под подушки.

– Данила, ты здесь? – раздался голос Гориславы.

– Да. Что-то случилось?

– Пока нет, но я пришла. – Гостья присела на кровать. – Если спросишь, зачем, сильно меня обидишь.

«Такое ощущение, что меня пытаются шантажировать.

Вопрос – для чего?»

Еремеев прекрасно помнил, что ожидает тех, кто обижал эту странную девушку. Правда, как она сама сказала, проклятие исполнялось, если человек смотрел в глаза Гориславы. Рисковать Александр не собирался, как и просчитывать поведение неожиданной гостьи. С женщинами у него этот фокус никогда не проходил.

– Я не собираюсь тебя обижать, Горислава…

– Вот и славно, тогда молчи. – Она приложила пальчик к его губам.

А дальше Еремеев просто не смог совладать с доставшимся ему телом, которое весьма бурно отреагировало на ласки необычной красавицы. Он не знал, сколько продлилось это блаженство. Страсть вспыхнула с такой силой, что в ней, казалось, растворилась и сама душа. Осознал себя Александр только тогда, когда Горислава поцеловала его перед уходом.

– Первым мужчиной у меня должен быть тот, кто сам попросил о проклятии и выжил после его воздействия. Но больше мы с тобой видеться не будем, иначе кто-нибудь из нас обязательно погибнет.

– Опять магия?

– Нечто выше нее. А сейчас я желаю, чтобы твое самое сокровенное желание сбылось уже завтра – это мой прощальный подарок. Не ищи меня.

Дверь отворилась на секунду, и девушка скрылась.

«Обалдеть! И как понимать сей визит? Красивая девушка приходит сама, дарит высшее блаженство и исчезает с просьбой ее не искать. Ну прямо все здесь не по-людски. Обычно мужик, стоит ему добиться от женщины близости, быстро смазывает лыжи. А здесь наоборот? Правда, дама объясняет свой поступок высшей магией. – У Еремеева от мыслей даже голова взмокла. – Да и почему я должен погибнуть от проклятия? Горислава сама дистанцию определила, чтобы несчастного случая не произошло. – Он с минуту пытался придумать собственное толкование произошедшего, но в итоге плюнул на это дело. – И чего я себе голову ломаю? Никогда же не получалось просчитать женщин и их поступки. Точно говорят, мы с ними – существа с разных планет».

Александр понял, что поспать ему не удастся, и начал одеваться. Он по привычке сунул револьвер под мышку, пистоли за пояс и направился к двери.

– Здрав будь, Данила-купец!

– Добрый день.

– Как поживаешь, Данила?

Со всех сторон доносились приветствия. Еремеев шел к дому старосты и кивал местным. Впрочем, он уже и сам считал себя местным. По крайней мере, его именно так воспринимали деревенские.

– Здоров будь, земляк! – Навстречу попался Фрол. – Тебе вещички когда передать?

– Приветствую тебя, уважаемый. Как устроился?

– Угол дали люди добрые. Уж попросторней моей прежней каморки будет.

– Скоро мне должны избу построить, пойдешь сторожем?

– Знамо дело – пойду, а заодно могу и садовником, я смотрю, тут плодовых деревьев негусто. Ты яблоки любишь?

«Особенно свежие, с которыми на сосну хорошо лазить, – припомнил историю, которой развлекал кикимору. – И варенье люблю, и сок. Только пока дождешься этих яблочек…» Вслух Александр сказал:

– Что там за вещички?

– И этого не помнишь? Вроде сдавал опосля того, как по голове настучали.

– Там вроде кинжал был, какой-то жезл…

– Точно! И кое-что по мелочи. Могу прямо сейчас занести.

– Не к спеху. Хотя, слушай, я чего-нибудь не давал на хранение до потери памяти, не помнишь?

– Как не помнить! Ключик ты мне передал, аккурат перед тем увольнением, – сообщил Фрол.

– Тогда давай зайдем, – предложил Еремеев. Он чувствовал, что наконец напал на нужный след. Теперь бы только его не потерять!

– Здесь все твои пожитки. – Старик вытащил мешок из-под кровати.

Когда Александр извлек жезл, то сразу почувствовал, как тот завибрировал. Такое же дребезжание перекинулось и на малахитовую пластину. Еремеев вытащил из нагрудного кармана амулет.

– Ни фига себе! – воскликнул Еремеев, когда обе вещицы засияли ярким светом и потянулись друг к другу. Сначала Александр пытался их удержать и развести дальше.

«Сашка! И чего ты этим хочешь добиться? Если кого-то тянет друг к другу, то зачем препятствовать? Может, у них любовь? – Он расслабил мышцы, жезл своим навершием устремился к вновь возникшему знакомому знаку на пластинке и буквально впитался в малахит. При этом сияние растеклось по всему телу Еремеева. Его резко встряхнуло, а поскольку рот от удивления был открыт, зубы громко клацнули. – Ну да, они тут меж собой отношения

выясняют, а мне страдать? Вот это лязгнул, похлеще Щелкунчика!»

– А говоришь, колдун из тебя никакой. Так пыхнуло, аж в глазах потемнело.

– Это амулеты, – отмахнулся Александр. – Никогда не знаешь, чего от них ждать. О как! – Энергомаг заметил, что пластина превратилась в тончайший лист светло-бежевого цвета. Положил его опять в нагрудный карман рубахи. – Теперь давай поищем ключ.

– А вот и он. – Старик извлек маленькую отмычку и передал хозяину.

– Спасибо, Фрол, ты мне сильно помог. Только прошу: не рассказывай никому о том, что мы с тобой сейчас увидели. Лады?

– Я про чужие тайны говорить не приучен.

– Вот и здорово. Ежели какие проблемы, ты подходи, решим.

– Да много ли мне, старику, надо? Благодарствую, что с собой взял.

– Мы же земляки. – Еремеев покинул избу и отправился на подворье старосты.

– Хорошо, что ты пришел. – Тот встретил гостя на пороге дома. – Мы как раз обсуждаем план ближайшей застройки Троицкого.

Судя по выступлениям местных плотников, речь шла о закладке сразу дюжины изб, которые собирались возвести к середине осени.

«Быстро они тут работают. Это сколько же деревьев повалить нужно, обтесать… – Он поймал себя на мысли, что собирается рассчитывать количество материалов… – Какого лешего, Сашка? Тебе больше заняться нечем?! Ты еще поучи мастера топор держать. Раз записался в командиры, то решай глобальные задачи, а деталями пусть занимаются специалисты».

– Господа, все здесь замечательно, токмо я не вижу основного объекта. Не пора ли нам подумать о возведении церкви?

Еремеев никогда не был особо набожным, но успел заметить, что служители храмов всецело поддерживали русские настроения. Именно в них он видел союзников в борьбе с Тадеушем и теми, кто за ним стоял.

Все присутствующие в комнате разом посмотрели на молодого человека. Похоже, желание выстроить в деревне церковь было у всех.

– Храм божий требует больших затрат, – осторожно произнес староста. – Здесь и строение возвести непростое надобно, и стены расписать, и иконы…

– Но мы ведь все одно будем его возводить? Почему не сейчас? Заготавливать материалы сподручнее для нескольких зданий сразу, а лучшие – для храма отбирать. Или я не прав?

– Ты и так шибко потратился на деревню, мы боялись предложить…

– Ладно тебе, Зван. Хорошему делу Бог в помощь.

– Лады, уважаемый.

Не прошло и получаса, как на Александра накатила страшная сонливость. Он не знал, что повлияло больше, – то ли близость с Гориславой, то ли разряд, полученный от слияния пластинки с жезлом, но глаза буквально закрывались сами собой. Еремеев извинился и отправился домой. Однако на выходе столкнулся с черноокой красавицей.

«А сказала, что встречаться опасно! Вот и пойми их!» – успела проскочить мысль, прежде чем на него фурией налетела Горислава.

– Что ты сделал с моей сестрой?! Почему она, никому ничего не сказав, ускакала из деревни?!

– Сестрой? Погоди, разве это была не ты?

– Где? Когда?

– Ну, там, в постели… – Еремеев буквально валился с ног и при других обстоятельствах вряд ли бы был столь откровенен.

– Она?! Тебя?! Вот же гадина!

На них стали обращать внимание. Александр только сейчас осознал, кто действительно был в его постели, но не мог понять причины обмана.

– Она же сестра, зачем ты так?

– Значит, ей можно у меня отбирать все, а я и не смей слова поперек сказать?! Мало того, что ее всю жизнь обхаживали, а меня сторонились как чумную, так еще и шанс получить настоящий дар она у меня из-под носа умыкнула! И кто она после этого?!

– Все равно твоя сестра. А что еще за дар?

– Это не твое дело, Данила. Ты хоть понял, что грудь у нее меньше моей? – Неожиданным вопросом девушка окончательно сбила его с толку.

Ответ едва не сорвался с губ, но Еремеев посчитал его пошловатым, да и, если честно, опасался, что Горислава может потребовать провести сравнение, не сходя с места.

– Был не прав, – поднял он обе руки.

– Р-р-р, – прорычала фурия и пошла прочь.

«Все-таки это была Мирослава? И какое из моих многочисленных желаний является сокровенным? Завтрашний день покажет».

На этот раз Александр закрыл двери в комнату на крючок и разделся, прежде чем лечь в кровать. Стоило ему коснуться подушки, как сон не заставил себя ждать…

«Какая сволочь вздумала здесь скулить? – Пробуждение было столь же резким. Он приподнялся и сразу замер, заметив ночного гостя. – А эта тварь что тут делает?»

Прямо на брюках, брошенных посреди комнаты, стоял шакал, шерсть которого начинала искриться. Зверь увяз одной ногой в лоскуте. Том самом, который Еремеев подобрал неподалеку от тайного хода в Крашен на обратной дороге. Он еще тогда удивился, что капкан выпустил жертву без ключевого слова. Однако сейчас понял, что необычная вещица продолжает работать – монстр не мог освободить прилипшую к полу лапу.

«Откуда он взялся? Точно помню: скомканную ветошь подобрал и сунул в карман брюк. А теперь в ней… – Александр схватил револьвер и направил на преобразившегося костяного монстра. – А ведь с ним явно что-то не так. И хвост поджал, и уши буквально к черепу прилипли. Боится, что ли? Неужели меня?»

Еремеев заметил и еще одну странность: его ладони в темноте сияли почти таким же светом, как и пластина перед слиянием с жезлом. Когда энергомаг вытянул руку в сторону зверюги, та вообще попыталась вжаться в пол.

«Самому бы в скелет не превратиться, а то буду по ночам людей пугать. – Ради эксперимента он отошел в дальний угол комнаты. Сияние исчезло, монстр приподнялся, но горящих красным светом глаз с человека не сводил. – Точно, меня боится. И чего мне с этим открытием делать?»

До рассвета Александр так и не смог уснуть, зато увидел, как с первыми лучами солнца зверюга бесследно растворилась в воздухе. Впрочем, кое-что от нее осталось. Когда Еремеев произнес ключевое слово, платок развернулся, показав маленькое зернышко.

«Так вот почему их никогда не могут найти! Это похлеще чем иголку в стоге сена отыскать. – Еремеев зарядил капкан магией и опять произнес слово: «Свободен». Ловушка смялась, но прилипать к полу не собиралась. – Видать, сила притяжения соразмерна жертве. Интересное приобретение. Что с ним делать, решу днем, а пока пусть живет в кармане».

В Смоленск Еремеев отправился ранним утром. Вместе с мужиками они успели перекусить и немного приодеться. Командиру местный портной сшил новый кафтан.

Решили идти пешком, чтобы потом не искать, куда пристраивать лошадей.

– Ну что, Радим, поработал разведчиком? Как ощущения?

– Паршивые, – честно ответил тот. – Я подвел тебя, командир. Заставил идти на риск.

Вчера Александру не удалось поговорить с провинившимся, слишком много необычного произошло за эти сутки. Он так и не смог определить, чем его наградила Мирослава, но ничего хорошего от наступившего дня не ждал:

«Может, наконец разрешится загадка Нилова и пан Тадеуш от меня отстанет? Было бы неплохо, но на сокровенное не тянет».

– В Крашен мы бы все равно отправились, – продолжил воспитательную работу Еремеев. – Эти переодетые ляхи задумали людей под нож пустить. Но я нынче о другом. Пойми: каждый должен заниматься своим делом. Представь, вдруг бы Лада кинулась тебя выручать одна и сама попалась? Мы бы не узнали, что наших собираются казнить, не пришли бы на помощь. И вас бы потеряли, и ляхам удалось бы свой ритуал провести…

Александр и сам до сих пор не до конца осознал, какую трагедию удалось предотвратить только благодаря тому, что Лада своевременно умчалась в разведку. И ведь наверняка за всем этим еще в Смоленске должно было что-то случиться.

– Я все понял, командир. Разведка – дело важное, но ты говорил, что монеты считать тоже значимо. Только как этим делом можно беду отвести?

– Хорошо, объясню. К примеру, я в поход собрался. Взял сотню всадников и повел их на поле брани. До того поля ходу десять дней, у меня двадцать монет золотом, у бойцов – по паре грошей…

– Не хватит, командир. Людей на ночь разместить нужно, накормить, животным тоже стойло потребуется, вода и пища. Дай бог хотя бы в полсотни уложиться.

– Вот видишь, если неправильно посчитать деньги, отряд даже до места схватки не дойдет, а про победу и думать не стоит. Так что не одной разведкой битвы выигрываются. Хотя я ничуть не желаю принизить заслуги Лады. Она умница, но могла пострадать из-за некоторых неподготовленных горе-разведчиков.

– Ее трудно поймать, Данила. – Радим уже привык к новому имени командира и даже наедине звал его так.

– Поэтому не ты и не я, а она занимается разведкой.

– Да понял, что был не прав. Заодно и узнал, что Ладе я не нужен. Эх, думал, она ко мне хоть какие-то чувства питает. Знаешь, как была приятна ее забота, пока с рукой валялся… – мечтательно произнес Радим.

– Да она тебя, дурака, любит! – заявил Александр.

– Тот, кто любит, не обзывается последними словами, –

с обидой возразил Радим.

– Ты так хорошо разбираешься в женщинах?

– Нет…

– И не пытайся, но помни: если бы ты ей был безразличен, она бы слова не сказала и эмоций своих на тебя не тратила.

– Считаешь? – В голосе парня затеплилась надежда.

– Про женщин я ничего не считаю, но Буян сказал, что по осени тебе сватов засылать. Он мужик опытный, ему я в этих вопросах верю.

– А разве она не по тебе сохнет? – теперь в тупик собеседника поставил Радим.

– С чего взял?

– Она же клятву тебе давала. Ты ее обнимал, да и видел я, она как-то вышла после разговора с тобой раскрасневшаяся.

– Я обнимал? – растерянно спросил Еремеев.

– Помнишь, в тебя из арбалета попали?

– Это когда мы в первый раз в Троицкое пришли?

– Ты еще ее отпускать не желал…

– Помню, так скрючило от боли, что руки не мог разжать. Думаешь, выстрел прошел бесследно? Два дня потом еще спину ломило, – принялся оправдываться командир.

– То есть ты точно на Ладу не запал? – В глазах Радима зажглись огоньки радости.

– Тебе поклясться или так поверишь?

– Верю.

– Ну и слава богу. Давай о деле?

– Слушаю, командир.

– Надо попасть в Смоленск днем. Не через ворота. И чтобы никто не узнал, что мы в городе. Сможешь провести?

– День сегодня солнечный, со стен и заметить могут, – задумчиво произнес парень.

– Если стражи будет немного, Ларион сумеет отвести им глаза.

– Тогда без проблем. – Радим заулыбался, оглянувшись на разумника.

Тот решил, что его зовут, и прибавил шагу:

– Командир?

– Ларион, – Александр переключился на другого собеседника, – попробуй в Смоленске выяснить про знак, о котором я спрашивал. Сумеешь?

– Мы надолго там остановимся?

– Завтра нужно будет уходить.

«Лучше бы это сделать сегодня, но, как все обернется, предсказать сложно».

– Постараюсь заглянуть в главную библиотеку. Попасть туда непросто, но мне удавалось.

– Скажи, а там можно узнать об амулетах, которые сливаются в единое целое, когда соприкасаются?

– Ты видел парные амулеты?

– Иногда у меня возникают какие-то отрывочные воспоминания. Во сне. Сам объяснить их не могу, вот и пытаю знающих людей, – на ходу придумывал Еремеев.

– Парные амулеты попали к нам из чужого мира. Мало кто знает, как их соединить. Можно всю жизнь эти штуковины таскать с собой и не догадаться, что они действительно пара. Но тот, кому удастся их разбудить, большую силу обретет, если не сгинет.

– И такое возможно? – экспериментатору стало немного не по себе.

– Великая сила не каждому дается, Данила.

– Ну да. Дай дураку меч-кладенец, так он себе же голову и отрубит. – Александр выдал собственное объяснение.

О попавшей в капкан зверюге и ее необычных превращениях днем Еремеев пока решил не распространяться. Хотелось сначала самому разобраться.

– Это ты точно заметил. Кстати, тебя потом где искать?

– Загляну в харчевню «Жирный налим», собираюсь там пообедать.

– Там и комнату на ночь снять можно, – кивнул Ларион.

– Замечательно! Радим, когда проведешь нас в город, наведайся к матери. На ужин подтягивайся к «Жирному налиму». Это неподалеку от кабака «Потьма», не забыл?

– Забудешь такое.

– Командир, какие наши планы? – приблизился шагавший сзади Прохор.

– У тебя в Смоленске хорошие знакомые есть? – вместо ответа задал вопрос Александр.

– Найдутся.

– Имеешь возможность их навестить. До вечера занимаемся каждый своими делами. Потом встречаемся в харчевне «Жирный налим». Там сообщу планы на завтрашний день.

Стол, который Нилов оставил у хозяина харчевни, Еремеев хотел осмотреть без свидетелей. Он был почти уверен, что переданный Фролом ключик подойдет к замку, который обязательно должен отыскаться в припрятанной Ниловым мебели. Однако какие-то сомнения оставались.

«А вдруг там ничего нет? То-то классно я буду выглядеть в глазах подчиненных – прямо Остап Бендер, потрошащий стулья в

поисках сокровищ», – мысленно рассуждал Александр.

Уже в дороге ему пришла идея посетить Белый храм и поговорить с отцом Серафимом. Раз собрался строить церковь в деревне, неплохо уведомить об этом настоятеля. Тот и совет дельный может дать, да и лишний раз показаться на глаза будет полезным.

«Чует мое сердце, батюшка как-то связан с тем, кто беседовал со мной в карете. Ему стоит рассказать о сорванном ритуале в Крашене и о том, что пограничники собираются доставить управляющего в Смоленск. Хоть какой-то, но свидетель злодеяний Тадеуша».

На этот раз в город проникли без особых проблем. Правда, стражник на стене их заметил и даже окликнул, однако после заклинания Лариона принял за детвору и попросту шуганул, не особо обращая внимания на последствия своего окрика.

Радим провел волшебников в город и сразу поспешил обратно за стены. Вслед за ним группу покинул и Прохор, а Ларион с командиром отправились к стоянке экипажей.

Раза три по пути они натыкались на патрульных, хотя двигались не по центральным улицам. Странным это показалось не только Александру.

– Что-то в городе не так. Усиленное патрулирование вводят, только когда ищут опасных лиходеев, – высказался разумник. – Ты сам-то куда собрался?

– В Белый храм.

– С тобой поеду. Стражники могут и документы проверить. Ежели ищут Данилу-купца…

Разумник как в воду глядел. Извозчика трижды останавливали, пассажиров просили предъявить бумаги.

– Они видят не наши документы? – спросил Еремеев.

– Я стараюсь, чтобы они не запоминали имена. Хорошо хоть амулеты у стражников слабые. Кстати, когда будешь уезжать из Белого храма, попроси служителей предоставить их экипаж. Церковников обычно не проверяют.

– Благодарю за совет.

К отцу Серафиму Александра провели без лишних вопросов. На этот раз батюшка принял его в скверике под открытым небом и начал с тревожных новостей:

– В недобрый час ты заглянул в Смоленск, Данила, ох в недобрый… Вчера поздним вечером убили Огнедара – прямо на подворье начальника городской стражи. Малый совет, где теперь большинство прихлебателей Тадеуша, пользуясь случаем, сразу принялся свои порядки в городе устанавливать. Много хороших людей в темницу попало. Ежели так дело и дальше пойдет, народ

взбунтуется.

– Погоди, а в тюрьмах разве не наши люди служат? Как они на подобные безобразия смотрят?

– Желающих работать в тюремной страже всегда было мало, вот ее и отдали под опеку боярина Тихомира, а тот снюхался с Тадеушем. Набрал себе всякий сброд, коему впору не застенки охранять, а самому за решеткой сидеть. Огнедар собирался сие поменять на ближайшем большом совете, да вот не дожил, сердешный. Теперь большой совет только через пару дней собрать удастся, гонцы уже в дороге.

– А стража лишь малому совету подчиняется?

– При отсутствии начальника – да, ведь тот под следствием. Его подозревают в убийстве боярина. Бред, да и только! Теперь одна надежда на дружину, ежели бы еще и ее в городе не оказалось… Кстати, что там в Крашене стряслось? Мы тут о подвигах твоих славных наслышаны.

Еремеев вкратце описал события, а в конце добавил:

– Думаю, сегодня в Смоленск доставят управляющего.

– И надобно сильно постараться, чтобы он попал в руки дружинников. Благодарствую за весть. Да, твоя просьба рассмотрена, документы найма оформлены. Сегодня утром гонец повез их в Троицкое, и тебе следует поскорее покинуть Смоленск. Чаю, Тадеуш спит и видит, как ты окажешься в тюремных застенках.

– Тут еще одно дело, – вспомнил Еремеев. – Я задумал в деревне церковь ставить, но многого не знаю. Как бы ошибок не совершить.

– Мой священный долг – помочь в этом начинании, – впервые за время беседы заулыбался Серафим. – И мастеров нужных подыщем, и иконы соберем.

– Благодарствую, отец Серафим.

– Это тебе спасибо, добрый человек, что о Боге не забываешь даже в столь тяжкое для нас время. Тебе торопиться надо. Сейчас вызову наш экипаж, пусть тебя вывезут за город.

– Мне по пути еще в одно место заглянуть нужно.

– Кучеру сам скажешь, куда ехать, – не стал возражать служитель храма.

Глава 17
Сокровенное желание

Карету с изображением церковных куполов на дверцах трудно было перепутать с любой другой, поэтому, когда началась стрельба и несколько пуль пробило ее стенки, Еремеев понял, что нападение совершено не по ошибке. Какие-то безбожники решили посягнуть на святое.

«А чего еще ожидать от нелюдей, которые собирались уничтожить кучу народа в богопротивных целях? Наверняка беспорядки в городе им нужны, чтобы «под шумок» вершить свои темные дела».

– Тащи святошу на белый свет, глянем, как ему молитвы помогли!

«А вот тут вы фиг угадали, господа нехорошие. Во-первых, я далеко не святой, а во-вторых, хоть и считаю, что доброе слово и проверенный кольт способны исправить любого злодея, больше все-таки полагаюсь на огнестрельного друга».

Самый смелый отворил дверцу и, издеваясь, произнес:

– Отпусти нам грехи наши, ба… – и замолк, встретившись с дулом револьвера.

– Отпускаю. – Александр выстрелил. – И вам, чада заблудшие, – тоже. – Он говорил и палил одновременно, поэтому вряд ли его слова были услышаны, а вот пули мгновенно доходили до умов, точнее – мозгов, сразу обрывая вместе с жизнью и все мысли о безобразиях.

Бандитов оказалось четверо. Для обладателей дорогого огнестрела они выглядели слишком убого, что могло означать лишь одно: оборванцев, скорее всего, наняли для разовой работы. До сего дня служители храма никогда не подвергались нападениям, поэтому и не имели оружия. В Смоленске даже самые отъявленные злодеи не покушались на служителей Господа. А тут…

Наемники ожидали встречи с беззащитной жертвой и собирались изрядно поглумиться перед тем, как убить. Они даже не удосужились перезаряжать пистоли, поэтому полегли разом, не успев скрыться от мгновенной кары за содеянное. И пусть это были не молнии небесные, зато итог тот же – зло наказано.

Выбравшийся Еремеев обнаружил, что карету остановили в глухом безлюдном тупике. И тут он ощутил дребезжание своего пистоля.

«Да кто же это так разошелся? Мало того что кучеру сбил

«GPS-навигатор», наверняка еще и бандитам мозги вправил в ненужную сторону – слишком уж борзо они себя вели. А теперь и меня пытается под контроль взять? Разумник или какой-то другой маг? Надо поскорее выбираться отсюда».

Сейчас победителю было некогда заниматься сбором трофеев, он подошел к кучеру. Одного взгляда хватило, чтобы понять – вознице больше не подняться.

«Жаль мужика, – покачал головой Александр. – При случае расскажу отцу Серафиму, как он погиб. А сейчас – ходу отсюда».

Он вышел из тупика и уже собирался спросить у прохожего путь к лагерю ополченцев, как вдруг услышал:

– Там, там батюшку убили! – Выскочивший из проулка мужчина указывал пальцем на Еремеева. – Это он убийца, я сам видел! Хватайте его!

Александр с трудом удержался, чтобы не побежать. Все прохожие как по команде уставились на него. Предсказать реакцию окружающих особого труда не составляло – они бы ринулись вдогонку, а настигнув, разорвали на части.

«Ах ты, гнида! Думаешь, главное первым крикнуть: «Держи вора!»? Фиг ты угадал!» – Еремеев обуздал первый порыв и…

– Батюшку, говоришь? – Он сделал то, чего противник ожидал меньше всего – двинулся к нему. – Господа, будьте свидетелями. Прошу пройти со мной, чтобы проверить слова этого человека. В нашем городе на божьих людей не нападают, а вот клевета – тяжкое преступление и перед людьми, и перед Богом.

После таких слов внимание людей переключилось на крикуна.

Разумник допустил сразу две ошибки – подпустил к себе незнакомца и принялся воздействовать на толпу, о чем свидетельствовало проявившееся на лице напряжение.

Однако продолжать волшбу ему не дал обвиняемый. Александр схватил мага за руку и надавил на болевую точку. Специалисту запудривать мозги моментально стало не до заклятий.

– Отпусти, убийца! Господа, он и меня хочет убить! Спасите!

– Ты и ты! – Еремеев знал, как влиять на людей и без магии, – надо срочно занять значимой в их собственных глазах работой. При таком раскладе человек остается самим собой, а не превращается в элемент толпы. – Срочно отыщите стражников. Если убийца действительно там, нужно, чтобы никто не ушел безнаказанным. Остальные ждут здесь. Стрелять кто-нибудь умеет?

– Я могу! – Стрелков нашлось сразу трое, но Александр не решился дать оружие самому торопливому – вдруг тот заодно с

разумником?

– Вот тебе пистоль. – Еремеев вручил один из своих второму вызвавшемуся. – Ежели кто выскочит и попытается бежать, бей наповал.

Сложно представить преступника, который сам дает в руки оружие. Обыватели так и рассуждали, в том числе и временный обладатель очень дорогой вещи.

– А теперь, ежели найдутся охочие, прошу в проулок. Только держитесь у меня за спиной. Не хочу, чтобы кто-то пострадал.

– Люди, он вам головы морочит! Ой! – от боли разумник упал на колени.

– Сейчас мы и увидим, кто морочит голову, а кто нет. Подозреваемый, прошу пройти на место преступления.

Никто не решался двинуться следом, поэтому пришлось назначить тройку «добровольцев». Александра постоянно делал больно разумнику, чтобы тот не только не мог воспользоваться магией, но еще и соображал не слишком хорошо. Когда группа подобралась к карете, Еремеев ослабил хватку, чем не замедлил воспользоваться волшебник. Вырвавшись, он кинулся подальше от ненавистного противника и поближе к людям, через которых мог попытаться на того воздействовать. Только одну мелочь колдун упустил – раздалось сразу два выстрела.

– Господа, слава богу, в карете никого нет. Зато после негодяев, напавших на служителей храма, остались трофеи. Эти мои. – Александр принялся обыскивать ближайший к нему труп. Свидетелей дважды приглашать не пришлось.

Из проулка вышли трое довольных горожан во главе с Еремеевым. Он обменял свой пистоль на трофейный, дабы порадовать еще одного помощника, затем поблагодарил людей за помощь властям. Подошедшим стражам порядка выдал краткое объяснение произошедшего, не позволив им и рта раскрыть.

– Разумник, личность которого требуется срочно установить, натравил лиходеев на карету служителей храма. Убит кучер, благо хоть он ехал один. Думаю, колдун избавился от подельников, чтобы замести следы. Затем пытался свалить свою вину на посторонних, а когда его самого уличили, призывал людей к бунту. Не вышло. Хотел сбежать, получил пулю. Все запомнили? – дождавшись утвердительных кивков с их стороны, Александр продолжил: – Благодарю за оперативность. Как зовут?

Стражники представились.

– Малому совету станет известно о вашем усердии. А пока карету и убиенного нужно доставить в Белый храм. Труп разумника – на опознание. Учтите, от вашей расторопности зависит благополучие Смоленска. Действуйте.

– Господин… – Один из служивых попытался задать вопрос.

– Требуются еще какие-то указания?! – Еремеев одарил мужчину очень строгим взглядом.

– Никак нет, – поспешил ответить второй, одернув сослуживца.

– Вот и славно! – Александр развернулся и решительным шагом направился прочь.

«Вроде выкрутился. Однако расслабляться рановато. Разумник явно охотился не за мной, потому и проиграл схватку. Хотя способность противостоять его чарам меня радует. Теперь бы добраться до нужного места и не попасться на глаза другим стражникам. Дважды провести их у меня вряд ли получится».

Уверенная поступь и командный тон действовали на прохожих нужным образом. Они сразу видели в молодом человеке представителя власти, который пытается предотвратить беспорядки.

«Главное – самому верить в то, о чем говоришь, и иметь соответствующую важной персоне внешность. Поскольку я в добротном кафтане и при двух пистолях за поясом, а держусь так, словно все мне тут должны, – значит, имею власть. Разве не так?»

Расспрашивая прохожих, не попадались ли подозрительные типы, может, кто-то убегал, не было ли изменений в погоде, Еремеев выяснил, как быстрее добраться до кабака «Потьма». А дальше он уже и сам знал путь.

– Как хорошо, что я тебя встретил! – Неподалеку от «Жирного налима» его ждал Прохор. – Мне тут знакомые предложили выгодную работенку, так что держи последний золотой. Теперь откуп возвращен полностью. У тебя ко мне претензий нет?

– Нет.

– Вот и славно! Значит, контракт выполнен. Прощай. – Волшебник развернулся и быстро направился прочь от кабака.

«Вообще-то порядочные люди так не поступают. Я ведь на него рассчитывал. Ладно бы заранее в Троицком предупредил. Впрочем, пусть уходит. Как-то он с самого начала не пришелся ко двору, да еще пытался себя главным над магами поставить».

Из-за истории с нападением на церковную карету Александр долго находился в напряжении и слишком много говорил. Изображать важную персону – дело нелегкое. Только он немного расслабился, и вот теперь Прохор.

«Зря я его отпустил – мог ведь заставить еще хотя бы день отработать. Ладно, сам виноват, содеянного не исправить. Нечего было включать простофилю – я, можно сказать, на вражеской территории, а потому постоянно должен быть собран и готов к худшему. Вот сейчас сниму комнату и часика два буду упорно

готовиться к новым испытаниям. И пусть хоть какая-нибудь собака попробует разбудить!»

Однако оказавшись внутри заведения, Еремеев понял, что его мечтам сбыться не суждено, – он сразу заметил много подозрительных типов.

«Так вот какую работу ты нашел, Прохор! Иуда, продал меня с потрохами. Убью гада! Пусть только на глаза попадется!»

В зале оставались свободными всего три столика. Александр занял угловой.

«У меня девять выстрелов. Если у кого-то есть амулеты, то вывести из строя смогу не всех. Остальным не составит проблемы со мной справиться. Если покалечат… – У Еремеева в памяти прочно засела картинка его беспомощного прозябания в больнице в том мире, откуда он чудесным образом попал сюда. Снова проходить через подобное категорически не хотелось. – Отец Серафим говорил, что всех сейчас тащат в тюрьму, но до нее еще надо довезти. Здесь бежать некуда, а вот на улице…»

– Хозяин! – Александр заметил владельца и подозвал того к себе. – Что сегодня порекомендуешь?

Тот начал перечислять блюда.

– Уважаемый, тут, похоже, по мою душу куча народу пожаловала? Если не хочешь, чтобы я разнес твое заведение, выполни небольшое поручение, заодно пару монет заработаешь. – Александр говорил очень тихо. На стол легли два желтых кругляша.

– Слушаю тебя, купец, – так же тихо ответил владелец и продолжил нормальным голосом: – А еще нынче неплохо удался судак под грибным соусом…

– Схорони вот это, – рядом с монетами появился ключ. – Я обязательно за ним вернусь.

– Лады. Они собираются тебя усыпить, – прошептал тот и громко добавил: – Так чего кушать изволите?

– Ногу барашка с печеной картошкой, овощной салат и бутылочку хорошего винца для начала. А еще мне на ночь нужна комната. Сколько за нее?

– Четыре монеты серебром, – ответил хозяин «Жирного налима».

Еремеев положил рядом с золотом еще и серебряные монетки. Мужчина смахнул все в ладонь и пошел выполнять заказ.

«Полторы дюжины бойцов? – Александр пересчитал подозрительных посетителей. – Уважают меня здесь, ничего не скажешь! Значит, усыпить? Почему нет? Уверен, спящего калечить никто не будет – не тот кайф. Особенно после сбора

трофеев. Опять же не исключено, что им за целого пленника больше платят. Что у меня при себе? Ценная пластинка. – Еремеев машинально полез в нагрудный карман рубахи и попытался нащупать там амулет. Не удалось. – Я что, его не взял? Не может быть! Ну и пусть, одной неприятностью больше – одной меньше. Еще имеется капкан с сюрпризом. Вот его потерять бы точно не хотелось».

Поразмыслив немного, Александр извлек из кармана брюк лоскут и смачно несколько раз в него высморкался, а затем вернул на место.

«Глазейте-глазейте, сволочи. А я подумаю, где мне лучше от вас сбежать. Никто не дергается, значит, основные надежды на сонное зелье, хотят без труда вытащить рыбку. Попробую на том и сыграть. А что мне еще остается? Хоть бы этим гадам никто, кроме меня, больше не достался, но тут уж как получится. Ларион должен подойти первым, он мозги пудрить умеет, глядишь – и не заметят».

Когда владелец наливал вино в бокал, Еремеев так же тихо спросил:

– Сонное зелье?

Владелец только моргнул в ответ.

Александр очень постарался опустошить полбутылки, не влив в себя ни капли, а после этого «отрубился». Когда его обыскивали, он порадовался, что в карман с «платком» так никто и не полез, просто ощупали. Пистоль с надписями на стволе также не взяли с собой, оставив валяться на полу. Зато не поленились снять кафтан, ремень, сапоги и кобуру с револьвером. Последний было жаль особо.

«И где я другой такой возьму? Может, «очнуться» и объяснить, что чужое брать негоже? И ведь фиг убедишь, они-то мое добро трофеями считают. До чего же неудобно притворяться спящим в мокрой вонючей рубахе».

Чтобы не вызвать подозрений, Еремеев третий бокал опрокинул на себя, когда падал со стула. Два предыдущих также приняла на себя одежда.

– Тут зелья – быка свалить можно, – разговаривали два типа, которые выносили тело из харчевни. – Как он еще два бокала осилил? Теперь сутки не добудишься.

– В тюрьме умеют приводить в чувство, – со знанием дела заметил второй.

– Ну да, ежели в руки Сахида попадет, тот мертвого говорить заставит. Вязать будем?

– А как же? Вдруг он во сне брыкаться начнет?

В карете ему руки скрутили за спиной, а щиколотки плотно

стянули веревками.

«А на что ты, Сашка, надеялся? Что они совсем страх потеряют – бросят, как колоду, и охраны не выставят? – Сам же себе и ответил: – Да, хотелось бы, чтобы враги оказались дураками и недотепами, однако не все хотелки сбываются. К тому же у меня припасен важный козырь в рукаве: сегодня должно исполниться мое сокровенное желание, и я точно знаю – оно с тюрьмой не связано».

– У нас все камеры переполнены, – пробурчали принимающие спящего пленника. – К кому его подселить?

– Этот очень важный, потому без ведома пана с ним ничего не должно случиться.

– Сами говорите, что сутки дрыхнуть будет. Чего с ним стрястись может?

– Народец нынче лихой, еще придушат ненароком, а спрос с вас.

– Лады, есть у нас одна камера, где еще один важный постоялец сидит, туда и направим. А чего он мокрый?

Еремеев слушал голоса, изо всех сил изображая спящего. Ему уже самому не терпелось попасть в камеру.

«Сосредоточиться не дают. Тут столько задачек решить нужно, а они… И вообще, для столь важного клиента могли бы и одиночную камеру подготовить. Никакого уважения к главной занозе господина Тадеуша. При встрече со шляхтичем обязательно пожалуюсь!»

На каменный пол его кинули без всякого почтения, он едва не вскрикнул от боли. Скрежет ключа в замочной скважине оповестил, что Данила-купец обрел новое временное жилище.

– Эй, ты, живой? – Через пару минут кто-то дотронулся до плеча. Голос показался Еремееву знакомым. – Да очнись ты!

Он открыл глаза, которые тут же полезли на лоб, поскольку склонилась над ним действительно знакомая особа. Но самое невероятное состояло в том, что она подпадала под предсказанное Мирославой исполнение желания – ведь Александр неоднократно признавался себе, что многое отдал бы, чтобы хоть одним глазком еще раз увидеть Зарину. И увидел-таки! Сейчас она сидела перед ним. Единственное, что поспешил сделать пленник, – тихо произнес:

– Тюремщики должны думать, что я под воздействием сонного зелья.

А говорили, что проклятия только Горислава насылает. А это тогда как назвать? Ну да, можно еще и на эшафоте повстречаться. Так, стоп, крайностей на сегодня хватит!

Впрочем, Зарина и не собиралась шумно выражать эмоции, она выглядела очень уставшей и лишь слегка удивленной.

– Опять ты? Каким ветром занесло на этот раз? Да не пугайся, никто за нами не смотрит. Они уверены – все, что нужно, выведают другим способом. Весьма болезненым. Ты как сюда попал? – расспрашивала соседка по камере. На этот раз она была одета в богатый сарафан красного цвета, расшитый жемчугами и перевязанный широким поясом на талии.

– За тобой пришел, – не моргнув глазом соврал Еремеев. Хотя сейчас он был в этом настолько уверен, что и обманом не считал.

– Пусть даже это твое призвание – меня из беды вытаскивать, – Зарина покачала головой, – сегодня ничего не выйдет. Стены здесь крепкие и стража несговорчивая.

– Сломать стену? – Александр с трудом сел на полу – мешали связанные за спиной руки. – Об этом я пока не думал, а вот договориться с охранниками можно попробовать. Нам бы только до ночи продержаться. Ты мне руки не развяжешь?

– Надеюсь, не для того, чтобы ты их тут распускать начал? Хотя… – Она задумалась, а потом очень внимательно изучила веревки и продолжила: – Слушай, парень, я тебя развяжу, но пообещай, что выполнишь мою просьбу.

Тон и взгляд девушки насторожил Еремеева.

– Не всякая просьба выполнима, Зарина. Тебе приглянулись мои веревки? Уж не для того ли, чтобы повеситься?

– Нет, я такой грех на душу не возьму. Хочу, чтобы ты меня убил.

– Ты ничего интереснее придумать не могла?

– Пойми – они начнут меня мучить, надругаются, а потом все равно убьют. А ты это сделаешь быстро. И главное – они не узнают то, чего не должны. Сие весьма важно, – принялась горячо убеждать сокамерника Зарина.

– Вот скажи мне на милость: ты бы смогла убить того, кого любишь?

Она ответила не сразу. Сначала нахмурила бровки, пристально всмотрелась в собеседника, а когда он не отвел взгляда, убедительно заявила:

– Смогла бы. Ради спасения его души, ради облегчения участи, ради великой цели смогла бы.

«И ведь я ей верю! – размышлял связанный, слушая проникновенную речь. – Только все это неправильно!»

– Но только в том случае, ежели другого выхода бы не предвиделось, правильно? – Еремеев слегка сместил акценты.

– Как раз наш случай, – печально произнесла она.

– Думаешь, я шутил, когда сказал, что пришел сюда за тобой?

Хочешь, поклянусь?

– Не надо клятв. Пришел – уже сотворил глупость. И меня не спасешь, и сам погибнешь.

– Ну конечно, ежели с меня веревки не снимешь, так и будет.

– Я тебе не верю.

– Опять начинается! В прошлый раз не верила, сейчас не веришь. И сильно тебе помогло это бесконечное неверие? Делай, что тебе говорят старшие! – Еремееву пришлось повысить голос.

– А ты попроси как следует, может, и развяжу. – Она слегка усмехнулась.

– Ваше восхитительное высочество, не будешь ли ты столь любезна освободить недостойного смерда, что у ног твоих стройных грязью лежит?

– Еще раз назовешь меня высочеством, сама тебя убью! – почему-то разозлилась она из-за безобидной шутки.

– Вот это настроение мне нравится! Надо врагов смерти предавать, а не самим ее искать. Меня сегодня развяжут?

– Развяжу. Только пообещай, что хотя бы болтать меньше станешь.

– Да что же тебе обязательно с меня обещание стребовать? Я ведь тоже могу условия ставить! – Еремеев никогда не считал себя болтуном, поэтому замечание Зарины его почти развеселило.

– Это какие еще условия?

– Пообещай замуж за меня пойти, ежели из тюрьмы освобожу.

– Чего? Да как ты смеешь? Я…

В дверях заскрежетал ключ, Зарина подскочила, а связанный снова рухнул на пол. Вошедший охранник осмотрелся по сторонам.

– Кто тут орал? Ты, что ли?

– Вы зачем труп притащили? Я с детства мертвяков боюсь! – истерично заголосила Зарина.

– Вот и славно! Глядишь – к приходу господина созреешь для дознания.

– Уберите его, ну пожалуйста…

– Перебьешься до вечера. А будешь орать – мы тебе еще одного притащим, – довольный собой, охранник вышел и запер дверь.

Только после ухода надсмотрщика Зарина принялась развязывать сокамерника.

– Замуж я за тебя не пойду по трем причинам. Во-первых, ты слишком для меня молод, во-вторых, я, с твоих слов, принцесса, а ты всего лишь купец, и в-третьих, мои женихи до свадьбы так и не доживали.

– Фу-у-ух, – облегченно вздохнул Еремеев, разминая затекшие

от веревок руки. – Главной причины не прозвучало, а с остальными справимся.

– Это какая же главная?

– Если бы ты сказала, что на самом деле являешься мужчиной, то всем моим надеждам действительно пришел бы конец.

– Данила, я тоже не шутила, когда сказала о смерти женихов, – нахмурилась Зарина.

– Последнего звали Огнедаром? – наобум предположил Александр.

– А ты откуда знаешь?

– Природная догадливость. Я, ежели ты успела заметить, весьма сообразительный…

– Не успела! – жестко отрезала Зарина.

– У тебя еще будет время.

«По-моему, я наглею. Замуж позвал, опять бахвальство прет, не остановишь. И до чего ж ее поцеловать хочется, прямо сил никаких нет. Сашка, у тебя маньяков среди предков не было? Да кто их знает, тех предков? Они свои данные в детдом не направляли».

– Данила, но у тебя ведь ничего не получится. Чем ты собираешься нас отсюда вытаскивать? Сам же говорил – даже колдовать не умеешь.

– Вот этим. – Еремеев извлек из брюк лоскутную ловушку. – И этим. – Он коснулся головы указательным пальцем.

– Ты собираешься головой пробить стену, а чтобы не слишком больно было, платочек подложить?

«Шутит – уже хорошо, в себя приходит. Уныние сейчас ни к чему».

– Головой нужно думать, а не гвозди заколачивать. А магия – тоже инструмент, но им я пока пользоваться не обучен.

– Хорошо, не буду с тобой спорить. Говори, что делать надо?

– Тебя по тюрьме вели с открытыми глазами? – спросил Александр. Она кивнула. – Тогда рассказывай дорогу на свободу, а я пока руки и ноги разомну, затекли малость.

Глава 18
Питомец

Нынешний день складывался для Тадеуша успешно: ему удалось устранить своего главного соперника по малому совету, взять под контроль городскую стражу и поймать невесту Огнедара, которую так бесславно упустили в смоленских лесах нерадивые исполнители. Если бы хоть один из них вернулся живым, шляхтич бы собственноручно придушил негодяя.

Используя эту девицу, он собирался вбить основательный клин между Смоленской республикой и Московией, оставалось лишь вытрясти из пленницы некоторые признания, а потом обставить дело так, чтобы та погибла якобы от рук соратников Огнедара. Впрочем, бумаги девицы и сами по себе открывали немалые перспективы.

Шляхтич понимал, что фортуна повернулась лицом ненадолго, поэтому собирался по максимуму использовать то время, на которое власть фактически перешла в его руки. За пару дней требовалось представить неопровержимые доказательства убийства уважаемого боярина его так называемой невестой по указке Московии, выставить в качестве ее сообщника начальника стражи, тоже находившегося в тюрьме, покончить с несколькими наиболее ярыми сторонниками погибшего Огнедара. Они ведь могли в порыве негодования попытаться отомстить убийце своего лидера.

Дознаватели не покладая рук работали в тюремных камерах, однако на всех их не хватало. В кабинете начальника тюрьмы скопились кипы бумаг с показаниями, которые следовало хорошенько отсортировать, чтобы потом правильно представить на большом совете республиканского вече. Этим шляхтич планировал заняться завтра утром.

Тадеушу пришлось изрядно потрудиться. Надежных людей стараниями зловредного Никитки, а потом еще и некоего купца Данилы осталось совсем немного, поэтому он нанял практически все шайки города и заключил контракты с низкосортными волшебниками, не брезговавшими грязной работой. Это вылилось в колоссальные траты, но труднее всего оказалось управлять нанятым сбродом, пытаясь хоть как-то скоординировать их действия. Что-то удавалось, что-то – не очень. Случались и явные провалы, как с нападением на церковную карету, но в целом плюсы перевешивали минусы.

Однако ситуация могла в одночасье перемениться, стоило

для наведения порядка в городе привлечь дружину. Шляхтичу не удалось внедрить в ее ряды ни одного человека, поэтому намерения военного руководства Смоленска оставались ему неизвестны. Пока закон о разделении полномочий городской стражи и дружинников не позволял последним вмешиваться. Однако если ситуация выйдет из-под контроля, то военные придут на помощь городским властям. Осуществить свои планы Тадеуш надеялся, пока дружинники находились в казармах.

Времени у шляхтича было очень мало. Он бы сам занялся и схваченным начальником стражи, и девчонкой, не особо доверяя исполнителям, но его личного участия требовали другие дела. Скрытое противодействие со стороны руководства дружины все-таки началось, и Тадеушу, как представителю малого совета, приходилось в бесконечных переговорах доказывать правомерность принятых мер. Пока он сохранял внешнюю видимость законности своих художеств, его не могли сместить без решения большого совета, но на этой грани еще требовалось удержаться.

С самого утра шляхтич не мог покинуть здание управы, принимая нескончаемых просителей. Жалобщиков на беспредел властей он выслушал более десятка – и это лишь те, кого просто нельзя было не выслушать.

После обеда доложили о поимке Данилы-купца, попортившего пану немало крови. Взяли ухаря на удивление легко, попросту подсыпав сонного зелья в напиток, и сейчас он без задних ног дрых в тюремной камере.

С этим типом Тадеуш хотел переговорить как можно быстрее, но тут, как назло, прибыли представители духовенства. Проигнорировать таких посетителей не имелось никакой возможности – с этой силой пока приходилось считаться.

– Приветствую вас. Что привело столь уважаемых господ?

– Грехи, кои нынче совершаются в большом количестве, сын мой, и беды людские, – ответил митрополит Смоленский, возглавлявший делегацию из трех человек. – Стало опасно выходить на улицу. Ты слышал о нападении на церковную карету?

– Да, мне уже доложили об этом кощунстве, недостойном нашего славного города, – благочестиво ответил шляхтич.

– И какие меры ты принял, чтобы изловить и наказать злодеев? – пристально посмотрел на Тадеуша митрополит. Никто из служителей церкви не сомневался, что за нападением стоит сам вельможный пан. – Ежели это не по силам занятой в делах праведных страже, то следует призвать на помощь дружину. Нельзя допустить беспорядков на улицах.

– В столь крайних мерах пока нет необходимости, ваше высокопреосвященство. Дружина должна исполнять свои задачи, не стоит ее отвлекать от наружной охраны города. Не ровен час, степняки нагрянут и Смоленск окажется без защиты.

– Смута, зреющая изнутри, гораздо опаснее врага внешнего, а все ныне предвещает беду, – вступил в разговор один их архиепископов, сопровождавших митрополита.

Тадеушу сообщили, что делегация прибыла с эскортом из двух десятков дружинников, и причиной появления охраны послужило нападение на церковную карету. Если ему сейчас не удастся мирно договориться с митрополитом, ситуация может резко измениться не в пользу шляхтича.

– А еще мне доложили, – продолжал владыка, – что в тюрьме томится много невинных людей. Это не по-божески. Коли взял управу на себя, не след обижать честных горожан.

– Среди этих, несомненно, честных мужей, могут оказаться преступники. Завтра мы закончим предварительное дознание, и невиновные будут тотчас отпущены домой.

– Ежели в ходе твоего дознания до суда сгинет хоть один раб божий, церковь вправе открыть свое дознание, и главным ответчиком тогда быть тебе, пан Тадеуш.

– Я сознаю всю степень ответственности и перед людьми, и перед Богом, ваше высокопреосвященство, однако трудные времена требуют принятия непростых решений.

– Ты ведаешь, сколько убийств содеяно за минувшую ночь только потому, что стража после ареста начальника неладно службу справляла?

Беседа затянулась на долгих два часа. Тадеушу приходилось уступать одну позицию за другой, лишь бы не допустить дружину в район, где находилась тюрьма. С великим трудом ему удалось перенести визит церковников к арестованным на следующий день.

– Я с большим удовольствием отправил бы вас самих туда навечно, – пробурчал шляхтич в закрытую дверь. – Жаль, пока это невозможно.

Стоило уйти служителям церкви, и Тадеушу принесли стопку очередных донесений. Сверху лежала бумага из Крашена, где сообщалось о важном пленнике, которого сейчас везли в Смоленск.

– Пся крев! – выругался шляхтич. – Ничего ему поручить нельзя. Надо было его не в управление города ставить, а в конюшню, навоз убирать. Если объявится в городе и попадет к моим врагам…

Тадеуш был уверен – еще одного провала ему не простят,

а потому и рисковал, поставив на кон все ресурсы. Появление в Смоленске управляющего означало неминуемый крах. Шляхтичу опять приходилось распылять силы. Он достал лист бумаги и начертал короткое письмо одному из помощников. Тому следовало срочно отправиться по западному тракту и любой ценой уничтожить опасного свидетеля.

Для надежности стоило бы обратиться за помощью к гномам, однако недавнее исчезновение двух асов сильно расстроило покровителей. Последняя беседа с Тагуром вышла весьма нервной.

– Я начинаю сожалеть о том, что потратил на тебя столько времени и денег, Тадеуш, – заявил чужак. – Может, мне лучше обратиться к Огнедару?

Именно после этих слов шляхтич решил избавиться от боярина. Каково же было его удивление, когда рядом с тем нашли ту самую девицу, которую упустили по дороге из Витебска. Удачное стечение обстоятельств открывало новые перспективы. Было что предъявить заносчивым гномам, но сперва следовало самому с ней разобраться.

Закончив с последней бумагой, Тадеуш хлопнул ладонью по столу и резко поднялся. Он твердо решил, что на сегодня хватит, пора заняться другими неотложными делами:

– Начну, пожалуй, с купчишки. Только сам в тюрьму не поеду, наверняка за ней пригляд установлен. Пусть наглеца переоденут в стражника и выведут по-тихому в укромное место. Там мы с ним и побеседуем.

Когда на город начали опускаться сумерки, в замочной скважине раздался скрежет ключа. Решив, что узницу собираются покормить, Еремеев снова «прикинулся ветошью» в углу камеры, однако слова надзирателя быстро прояснили ситуацию:

– Твои мольбы услышаны, девка. Приказано этого «мертвеца» на допрос доставить. Ежели опосля беседы от него что-то останется, обещаю возвернуть. – Он рассмеялся собственной шутке. – Тащите болезного! – Тюремщик отдал приказ двум здоровячкам, вошедшим вместе с ним в камеру.

– Да я и сам уже собирался уходить. – Пленник поднялся, отряхнул одежду и направился к двери.

Носильщики остановились на полпути, не зная, что им делать дальше без нового приказа, а старший, похоже, впал в ступор: слова из себя выдавить не мог. Еремеев простыми приемами быстро уложил обоих крепышей на пол и через секунду уже держал третьего в цепком захвате, приставив отобранный пистоль к подбородку.

– Ты ведь пришел нас освободить? – спросил Александр надзирателя проникновенным голосом. – Я так понимаю, меня и девушку упрятали сюда по ошибке, правильно?

– Д-д-да, господин, – вошедший как-то сразу сник. – Я… конечно…

– Надеюсь, ничто не помешает нам устранить сию вопиющую несправедливость? Что-то у меня сегодня палец дергается, а забрызгать кровью твою одежду не хочется. Сними-ка ты кафтан от греха подальше. – Еремеев выпустил жертву, но взвел курки. – Поторопись, каждая лишняя минута, проведенная тут, плохо влияет на мое настроение.

Надзиратель выполнил приказ, и его кафтан оказался на плечах пленника.

– Так как мы будем выбираться на свежий воздух? – спросил Александр.

– Я могу провести вас к начальнику тюрьмы. Только он сумеет…

– Хочешь сказать, сам ты ничего не решаешь и для меня бесполезен? – Пленник выразительно покрутил стволом перед лицом надзирателя.

– Нет-нет… Без меня по любому пленнику сразу начнут стрелять. Бойцы имеют четкие указания.

Охранник начал приходить в себя и судорожно пытался выправить положение, в котором оказался.

– А почему у тебя только один ключ? – нащупал его в кармане Еремеев. – Где от остальных камер?

– На входе в центральное крыло, – торопливо ответил надзиратель, – там как раз рядом кабинет начальника тюрьмы.

– Сколько постов до выхода из здания? – Александр со слов Зарины представлял схему коридора и расстановку охранников, но хотел проверить тюремщика. Тот соврал дважды.

– Не люблю, когда мне говорят неправду. – Арестант приложил лгуна рукояткой пистоля по голове и обратился к крепышам: – Эй, мужички, хватит валяться! Быстренько связали старшего. Руки за спину, и лодыжки стянуть крепче. Вас прислали носильщиками, вот и выполняйте работу. Только кинжалы свои бросьте на пол, а то еще порежетесь.

Мужики в герои не рвались: послушно выбросили клинки и связали старшего, после чего двинулись к выходу.

– Держись строго за мной, тебя не должны видеть, – предупредил Еремеев Зарину, передавая ей оба кинжала.

Та не ожидала столь резких перемен, она машинально сунула кинжалы за пояс. Подержала пистолет, пока Александр облачался в новую одежду. Зарина не могла поверить, что они с

тюремщиками поменялись местами.

Кафтан Еремееву оказался великоват, но надо было хоть издали походить на местного. Он шел, скрываясь за широкими спинами носильщиков.

Коридор тюрьмы через определенные промежутки разделялся решетками, которые, по уставу, должны были отпираться только для прохода имевших на это право лиц. Однако нынешний персонал не слишком придерживался правил. Дверца оставалась незапертой в ожидании, когда вернутся отправившиеся за пленником.

Процессию никто и не думал разглядывать. Дежурные азартно играли в карты на деньги, поэтому следили исключительно за игрой, а не за тем, что происходило в коридоре. Пока не стало поздно.

Предупредив носильщиков, чтобы не роняли шефа, Александр перескочил через ношу, проник за решетчатую перегородку и, воспользовавшись пистолем как дубинкой, оглушил обоих стражников, у которых имелись только кинжалы.

– Бедненько у них тут с вооружением, – отобрав клинки, произнес Еремеев. – Жаль, я не обучен метать их в цель.

– Тогда отдай мне, – протянула руку Зарина.

– Держи.

Александр заставил крепышей связать еще двоих охранников, а потом ударил по голове и их. Пришлось повозиться, чтобы самому их связать. Хорошо, что у каждого имелся пояс.

– Ты чего задумал? – спросила Зарина. Сейчас она не выглядела растерянной, проверяя баланс кинжалов. Похоже, действительно знала толк в метании холодного оружия. – Зачем из тел горку делаешь?

Еремеев как раз соорудил нечто похожее на баррикаду.

– Это называется бруствер. Здесь мы подождем врага и примем бой.

Следующий пост, по словам Зарины, состоял из трех человек, один из которых имел огнестрельное оружие. К тому же рядом находилась комната смены караула. Сколько охранников могло оказаться там, она не знала.

– Ты, конечно, здорово все придумал: умереть в бою лучше, чем от мучений. А если они магов позовут? Мы и дернуться не успеем. Ты о магии разума слышал?

– В курсе. Пусть только попробуют в мои мозги залезть – там такая каша, что они первыми умом тронутся.

«Что-то нынче я чересчур храбрый. Неужели красивая девушка в яркой одежде способна так на меня действовать? Этот красный сарафан ей очень идет: подчеркивает талию, обтягивает

грудь, открывает шею… Так, охладись малость, Сашка! Амулета с собой нет, оружия – кот наплакал, а я веду себя, словно за мной полк бойцов следует. Может, так и надо? Конечно, Зарина должна верить, что рядом со мной ей бояться нечего. Еще бы и самому в этом увериться».

– Я не желаю второй раз попадать к ним в лапы! – решительно заявила красавица.

– Твое желание для меня – закон. Не хочешь, и не надо. Главное, держись рядом.

– Ежели появятся волшебники…

– Я буду только рад. – Александр не дал ей договорить. – Лишь бы это случилось уже после наступления темноты.

– Данила, ты чего-то недоговариваешь. Что изменится ночью?

– У нас появится надежный помощник.

– Слышишь шаги? – насторожилась девушка. – Сейчас нас придут убивать, так что не расстраивайся сильно, мне в любом случае не суждено выйти за тебя замуж.

– Не зарекайся, красавица. Хочешь, поспорим?

– Это как?

– Я говорю, что мы выберемся, ты – останемся здесь. Моя возьмет – выходишь за меня замуж, твоя – я на тебе женюсь. – Александр в очередной раз обескуражил Зарину.

– Погоди, а в чем мой выигрыш? – через пару секунд спросила она.

– Будешь счастлива, – не задумываясь, ответил Еремеев.

Появившиеся из-за поворота охранники увидели кучку тел своих коллег и стоявших за ней молодых людей, увлеченно занятых беседой. На сей раз пожаловали сразу пять человек, видимо, офицер производил смену постовых. Парочка даже не глядела в сторону стражников, словно ей было не до них.

– Какого дьявола тут деется? – спросил начальник, вытащив из-за пояса сразу два пистоля. Он двинулся дальше, а подчиненные задержались, раскрыв рты от удивления.

– Сомневаюсь, что человек, которого по два раза в день пытаются прикончить, может сделать счастливой хоть одну девушку, – возразила Зарина, не прореагировав на окрик со стороны.

– Пытаться – не значит убить. Знаешь, сколько таких желающих вообще было?

– Ты говорил, что не один десяток, но это ничего не значит.

– Ну да, десятком больше – десятком меньше, я их все равно считать не собирался. Ты лучше сознайся, что спорить со мной боишься.

– Я боюсь?! – вспылила Зарина.

– А ну, заткнитесь оба! – заорал во все горло подошедший к ним офицер.

– Сам заткнись! – ответили в унисон спорщики. И не только словами.

Александр выстрелил из пистоля, доселе спрятанного за спиной, а девушка метнула кинжал.

Уже в следующую секунду Еремеев оказался рядом с оседавшим на пол врагом и, выхватив оружие, пальнул по отставшим от начальника охранникам, пока те не пришли в себя.

«Разговор с красивой девушкой благотворно сказывается на меткости – ни разу не промазал, – отметил удачливый стрелок. – Так, быстро собираю трофеи и за баррикаду. Сейчас, думаю, должны открыться все перегородки, и сюда пожалует основная часть персонала тюрьмы. Отец Серафим говорил, тут одни мерзавцы, коим место в камерах. Тогда ничего страшного не случится, если до суда они не доживут».

– У нас три пистоля, восемь кинжалов, дюжина патронов и немного серебра. Я же тебе говорил, что все, кто пытался меня убить, потом отдавали свое добро.

За поясом у Зарины теперь оказалось шесть клинков, еще два она держала в руках. Пистолет брать отказалась, она видела, как метко стреляет купец, а потому решила: ему огнестрел послужит с большей пользой.

– Ты и деньги у них забрал?

– Мелочь! У офицера грошей едва на золотой наскреб.

– Ты даже сейчас умудряешься думать о монетах?! – возмутилась красавица.

– Знаешь, сколько людей от меня зависит? Если я не буду думать об их благополучии…

– Данила, очнись! Нас сейчас в порошок сотрут! До сих пор тебе просто везло, но любое везение когда-нибудь заканчивается.

Александр почувствовал шевеление в кармане и быстро вытащил платок.

– Зря ты мне не веришь, Зарина. Кстати, ты зверюг сильно боишься?

Красавица ошарашенно уставилась на купца, а потом еще и на появившегося из ниоткуда шакала.

– А говоришь, не волшебник. Я ни про одного мага не слышала, чтобы он мог из кармана достать… – Она направила оба кинжала на хищника.

Тварь прямо на глазах начала превращаться в костяного монстра. Тот после принятия уродливой формы так и остался возле ног купца. При этом грозный хищник настолько боялся человека, что буквально вжимался в каменный пол тюремного

коридора.

– Ты, ты… Но как? – теперь Зарина с трудом выговаривала слова. – Это не… Я не понимаю. Он…

– Главное, не падай в обморок. Каждый имеет право завести себе питомца. Мне не повезло, попался не особо симпатичный, но еще больше не повезло нашим врагам, ведь «собачка» боится только меня.

– Данила, теперь я тоже тебя боюсь. Как никого в жизни не боялась.

– А вот это зря. Просто ты меня пока плохо знаешь. На самом деле внутри я белый и пушистый, правда, только для близких и друзей.

– Тогда поскорее зачисли меня в друзья, – попросила Зарина, не сводя глаз с дрожавшего монстра.

– Я подумаю. – Он заметил, что на ладонях проявилось сияние.

«Неужели такое возможно и без амулета? – Еремеев переложил оба пистоля в правую руку, а левой полез в нагрудный карман рубахи. Тончайшую пластину он нащупал не сразу. – Так он все это время был со мной? Но в трактире точно карман проверяли. Ни фига не понимаю!»

– Подумал? – спросила Зарина, сумевшая оторвать взгляд от зверюги.

– Зачисляю тебя в самый ближний круг, поэтому стань за спиной и прижмись, мы переходим от обороны к нападению – вон гости пожаловали.

– Там могут быть волшебники, – с тревогой в голосе напомнила Зарина, выполняя указания купца.

– Мой питомец их просто обожает. Свободен, – произнес Еремеев ключевое слово.

Капкан превратился в обычный лоскут, и костяной монстр рванул вперед по коридору. Всем, кто прибыл по душу вырвавшихся пленников, в момент стало не до них. Толпа стремительно хлынула к выходу.

«Вот так бы стоял и стоял, – ощущая приятное тепло девичьего тела, Александр не решался сделать первый шаг. – Спасибо Мирославе, сокровенное желание исполнено. Жаль, я в своих мечтах не пошел дальше. Но тут уже нужно рассчитывать на себя, нельзя все на магию сваливать, эдак совсем можно в тунеядца превратиться».

Он обернулся к Зарине и попытался обнять ее, не обращая внимания на два клинка в ее руках. За что сразу и поплатился, порезав себе ладонь.

– Ой, я правда не хотела!

– Сам виноват. – Еремеев засмущался.

«Нашел время! Девчонка от страха сама не своя, а я со своими…»

– У тебя вроде платок был. – Она быстро подхватила с пола лоскут. – Прижми к ране. Кровь нужно остановить.

– Царапина, заживет, как на собаке, – сказал он, однако противиться не стал. Приятно когда за тобой ухаживают.

– Предлагаю покинуть это мрачное заведение, – предложила Зарина.

– Сначала нам бы узников отпереть. Где у них тут ключи хранятся?

– На входе в центральное крыло, – ответила Зарина. – Там еще кабинет здешнего начальника должен быть.

– О, вот к нему обязательно заглянуть нужно! – Еремеев надеялся, что какие-то из его вещей могли осесть у главного по тюрьме. Он спрятал окровавленный платок в карман и решительно двинулся по коридору.

– Пан Тадеуш? – В комнату, где шляхтич дожидался важного пленника, вошел один из помощников. Лицо его было белее мела.

– Чего тебе? – Лях, очнувшись от дремы, вздрогнул.

– Только что сообщили – горит тюрьма, – на одном дыхании выпалил гонец, дрожа от страха.

– Как это? Кто посмел? Начальника сюда!

– Район пожара оцеплен дружиной, вряд ли кого-то можно доставить, – пробормотал вошедший.

– Как они допустили?! Кто недоглядел?! – продолжал неистовствовать шляхтич.

– Там видели костяного монстра, он мог прибыть только извне, а потому дружинники…

– Какой монстр, откуда он взялся? Там что, все с ума посходили?! – В бешенстве шляхтич принялся ходить из угла в угол комнаты.

– Я послал людей разузнать подробности, но…

– Хватит мямлить себе под нос! – вспылил Тадеуш. – Ты можешь внятно сказать, что случилось? Дружинники решили устроить пожар?

– Нет, мой господин. Тот, кого посылали за пленником, доложил: Данила-купец вырвался из камеры и напал на охранников. – Принесший дурную весть втянул голову в плечи.

– Купец?! Опять?! Там же дюжина волшебников, до полусотни стражников, наружная охрана… Ты хочешь сказать, они не смогли справиться с одним человеком? – Тадеуш с силой грохнул кулаком об стол, а поскольку в ярости еще и магии в удар

добавил, то мебель не выдержала: сначала развалилась, а потом превратилась в труху. – Быстро ко мне этого посланника!

– Он умер, мой господин, – сам еле живой от страха, продолжал докладывать гонец. – Прибыл раненый, поведал о беде и испустил дух. Ему костяной монстр ногу порвал.

– Ты в это веришь?

– Верю. Видел следы зубов и бешеный взгляд погибшего.

– Когда вернутся твои посланцы, сразу ко мне! – Шляхтич был вне себя от ярости.

Все рухнуло в один миг. Вернувшиеся гонцы подтвердили худшее: пожар начался в кабинете начальника тюрьмы, никто не сообразил вынести важные бумаги, поскольку нанятый сброд попросту спасал свои шкуры, убегая от костяного монстра. Вторжения дружины в здание тюрьмы не зафиксировано, пленники вышли сами, а в застенках остались только некоторые из бывшего персонала, которых туда поместили освобожденные.

Выяснилось также, что виновник разгрома почему-то оказался в одной камере с невестой Огнедара. В итоге Данила и сам выбрался на волю, и дамочку за собой вытянул. А потом последовали совсем уж невероятные россказни: дескать, девка обратилась красноглазым монстром, стала людей десятками разрывать на части…

Устав слушать бредни, шляхтич выгнал всех из комнаты, чтобы сгоряча не уничтожить на месте, и тяжело опустился в кресло. Он снова проиграл, и виновником поражения опять стал некий Данила-купец.

– Не думал, что из-за какого-то купчишки придется в бега пускаться, – вслух произнес шляхтич, обдумывая, куда ему податься, дабы избежать расправы. Сейчас он больше боялся не горожан, а гномов, чьего доверия так и не смог оправдать. – Пся крев! В Крашен мне дорога заказана, в Полоцк или Витебск – не вариант. К шведам, что ли? Нет, там тоже имеются свои гномы, и они не пощадят. Надо забиться в глухомань, где искать никто не будет. Выждать пару недель, а заодно и обдумать, куда дальше двигать. По всему выходит, надо держаться дальше от гномов. Прямо хоть в Китай топай.

Временный успех Тадеуша продлился гораздо меньше, чем он рассчитывал. Суток не прошло, как планы рассыпались подобно карточному домику. И все же шляхтич не оставлял надежд осложнить жизнь своим врагам. Он вытащил добытые у невесты Огнедара бумаги и в который раз внимательно их прочитал.

– Какие замыслы псу под хвост! – продолжал сокрушаться он. – Подумать только: мне не хватило одного дня, чтобы довести отношения между Московией и Смоленском до полного разрыва.

Но ничего, эта бумажка еще сыграет свою роль.

Тадеуш вызвал помощника и приказал тому доставить документ боярину Витославу. Тот не питал теплых чувств к Речи Посполитой, но и к Московии относился настороженно. А главное, в большом совете имел серьезную поддержку.

– Надо было все-таки при первой же возможности разобраться с основной проблемой, а не отвлекаться на духовенство. И ведь знал же, что этот наглец – самая большая заноза. Он был у меня в руках, оставалось только прихлопнуть!..

Шляхтич спешно покинул дом, где так и не дождался встречи с купчишкой. Он направился к окраинам Смоленска, чтобы оттуда с первыми лучами солнца покинуть ставший опасным город. Благо у него имелось укромное место, и вряд ли кому-либо придет мысль искать его там.

Глава 19
Лучший агент

«Не успеешь принять девушку в свой ближний круг, как она исчезает, не назвав адреса. И где ее теперь искать? Неужели настолько испугалась, что потяну ее в церковь венчаться? Так вроде до спора дело не дошло, руки нам никто не разбивал. И тем не менее… – размышлял Еремеев, выбравшись с территории тюрьмы. – Надо было к себе привязать. Как же с ними непросто! Ведь даже искать ее сейчас не могу, надо срочно бежать, как бы ребят не схватили».

Поскольку в городе охотились на костяного монстра, у людей никто документы не проверял, а у тех, кто выбрался из застенков, их попросту не имелось – сгорели в кабинете начальника тюрьмы.

Пожар в здании начался совершенно случайно. Когда Александр вместе с Зариной открыли двери, сидевший за столом схватился за оружие. Еремеев выстрелил первым сразу из четырех стволов. У хозяина кабинета имелся мощный амулет. Защита выдержала, и мужик успел пальнуть в незваных гостей шесть раз, пока в барабане револьвера не закончились патроны. Он не сумел пробить барьер сбежавшего пленника, зато уронил обе свечи, стоявшие на столе. Исход дела решил кинжал Зарины, когда в комнате уже вовсю полыхало. Все, что успел сделать Александр, – снять с трупа амулет, забрать оружие и поискать боезапас. В сумке, висевшей на стуле, его не оказалось, в ящиках стола – тоже, только несколько мешочков с монетами. Пришлось хватать, что нашел, бросать в торбу вместе с разряженными пистолями и бежать. Бумаги горят хорошо, а их там было навалено…

Трофейный амулет Еремеев сразу зарядил и повесил на шею Зарине. Потом они заскочили в хранилище ключей и начали освобождать пленников. Вот тогда их дорожки разошлись. В тюрьме три крыла, и Зарина отправилась отпирать камеры того, откуда они сами вышли, Александр взял на себя два остальных. Договорились встретиться у выхода, но к нему подошла незнакомая женщина и спросила:

– Ты Зарину высматриваешь?

– Да.

– Барышня просила передать, что ждать ее не стоит, – быстро проговорила она и ушла.

«В следующий раз точно привяжу к себе и… Вот только сколько его еще ждать, этого следующего раза?»

Неподалеку от входа в «Жирный налим» Александра

встречали.

– Данила? – окликнул его Ларион. – А мне сказали, что тебя усыпили и увезли в карете.

– Кто сказал? – Еремеев снял с плеча увесистую сумку и протянул второму поджидавшему. – Радим, принимай трофеи.

– У меня тут в заведении друг работает официантом. Я с ним как раз столкнулся, направляясь туда. Он и шепнул, что одного клиента дюжина бойцов поджидала. По описанию понял, что тебя.

– А кого тогда вы здесь выглядываете? – Александр успокоился, что друзья не попали в ловушку, но из-за расставания с Зариной настроение не улучшилось.

– Прохора. Внутри еще пятеро вражин осталось – как бы не по наши души?

– Что ж, значит, им не повезло – я нынче не в духе. А Прохора ждать не стоит, это он меня продал.

– Вот же паскуда! – выругался Радим. – Его из кабалы вытащили, а он…

– Придет время – поквитаемся. – Еремеев решительно направился в заведение.

– Данила, ты не понял. Там засада! – Разумник попробовал остановить командира.

– Сейчас я для них засада! – пробурчал тот, двигаясь дальше.

Отличить обычных клиентов от подсадных труда не составило. Они заметно выделялись и одеждой, и хмурыми лицами – ведь бедолагам приходилось сидеть «на сухую» в окружении полупьяных довольных физиономий.

«Что, не узнали меня в кафтане надзирателя? – Александр сразу направился к двум стоявшим рядом столикам, за которыми расположились ожидающие. – Сейчас будет сюрприз».

– Кто дернется, получит пулю в лоб! – Еремеев направил на ошалевших пистоль и револьвер, друзья последовали его примеру. – А теперь я хочу знать, кто вам меня сдал, где живет и как его найти? Врать не советую, день у меня выдался тяжелый, нервы ни к черту, а все терпение еще в тюрьме закончилось. Ты, что ли, у них главный?

Один из «клиентов» явно выделялся более дорогой одеждой и манерой держаться. Он первым узнал нервного молодого человека:

– Мы здесь по приказу малого совета вече.

– Ты русский?

– Да, я родился в Смоленске.

– А почему выполняешь команды шляхтича Тадеуша?

– Он сейчас старший в совете, – пожал плечами мужчина.

Народ в харчевне начал коситься в сторону разборок, и к Александру подошел владелец заведения.

– Скажи посетителям, что сегодня выпивка за твой счет, я потом оплачу. А эти сейчас уходят, они адресом ошиблись, – не поворачивая головы, произнес Еремеев.

– Хорошо, ты только потом не забудь забрать свой пистоль, он так и лежит, где упал. Один тип пытался поднять, потом еле оклемался.

– Не забуду, тем более у меня к тебе еще одно дело.

Хозяин ушел радовать посетителей, а командир группы захвата начал отвечать на вопросы.

«Опять кабак «Потьма»? Паршивое, оказывается, место. Видать, многие темные сделки там проворачиваются. Взять того же Кузьму. Неужели не знал, где назначал встречу? Или был там за своего? Только это его не спасло. Не спасет и Прохора. Прощать предательство я не собираюсь, хотя благодаря ему удалось увидеть Зарину. Но сначала, раз уж я здесь, надо закончить с таинственным столиком».

– Так, господа, я вас выслушал. Служите вы явно не тем, кому следует, а потому облагаетесь штрафом. Для начала. Оружие и ценности на стол.

Потом Ларион выпроводил всех пятерых, постаравшись, чтобы они не сразу вспомнили о прошествии.

Тем временем Александр наконец добрался до чуланчика, где хранился оставленный на хранение Ниловым столик – круглый, с единственной ножкой. Покрутив его со всех сторон, Еремеев не обнаружил ни малейшей щелки, куда можно было просунуть ключ.

«А ларчик-то непросто открывается, – тяжело вздохнул кладоискатель. – Попробуй еще отыщи здесь тайник».

После некоторых усилий столешница выкрутилась из опоры, однако цилиндрическая ножка внутри оказалось пустой.

Еремеев попытался разобрать опору и основание. Пальцы от усилий захрустели, но отсоединить детали не получилось.

«Дайте мне топор, и я изрублю эту деревяшку в щепки! Не может тут не быть схрона. – Он наступил на основание и дернул неподатливую ножку на себя. Раздался противный скрежет, опора наклонилась. – А ну-ка, попробуем тебя раскачать, дорогуша!»

Паз в оставшемся на полу основании оказался квадратным, поэтому и не позволял вращать ножку, а когда Александру удалось ее вытащить, отыскалась и подходящая прорезь.

«Как там говорил Буратино? Был бы ключ, а куда его вставить, мы отыщем». – Кладоискатель достал из кармана отмычку.

После недолгих мучений Еремеев извлек из тайника два незапечатанных конверта.

«Неужели весь сыр-бор – из-за этих писем?» – Он вытащил первое, адресованное Тадеушу, и начал читать. Несмотря на латинский шрифт и корявый почерк, узнаваемых слов там было вполне достаточно, чтобы понять общий смысл.

Пана Тадеуша благодарили за успешную операцию по уничтожению какой-то важной шишки Витебска, обещали предоставить сотню солдат для нападения на Крашен, а также помочь с Черной морью и колдунами для захвата болотной нежити и проведения ритуала, призванного уничтожить дружину Смоленска. Сообщали также о ценном живом грузе, который под охраной направили из того же Витебска.

Второе письмо, похоже, писал сам Тадеуш. Он просил в течение месяца подготовить тысячу воинов для вторжения в Смоленскую республику. О точной дате обещал уведомить за неделю до срока…

«Вроде всего две бумажки, а в них, можно сказать, смертный приговор пану Тадеушу. Теперь хотя бы понятно, почему он так хотел найти Нилова. А вот как столь опасные письма могли попасть в чужие руки? И дураку ясно, прочитал – сожги. Надо поскорее доставить эти бумажки нужным лицам. Кому? У меня на примете только отец Серафим. Но не факт, что он сейчас в храме. Пока будут искать, будить и везти, точно утро наступит. Как же руки чешутся набить морду коварному шляхтичу! В глаза его не видел, однако сомнений нет: тот еще урод. – Прилив адреналина напрочь отогнал остатки сна. – Кстати, об уродах. А не сходить ли в кабак «Потьма», вдруг меня там Прохор дожидается?»

Тюремные передряги, расставание с Зариной, разборка мебели и чтение писем настроили Александра на агрессивный лад. Он физически ощущал срочную потребность сбросить накопившуюся негативную энергию.

Ларион и Радим сидели в опустевшем зале. Несмотря на то что обоих клонило в сон, командира они заметили.

– Данила, ты куда? – спросил разумник.

– Надо срочно посетить одно заведение, – ответил Еремеев.

– Уборную? Так она в другой стороне, – подсказал Радим.

– Да-да, – закивал Александр. – Убираться там, скорее всего, придется капитально.

– В «Потьму» собрался? – догадался Ларион.

– Господа, зачем вам другой кабак? – тут же подал голос хозяин «Жирного налима». – У них кухня гораздо хуже нашей, а рыбу там вообще не умеют готовить. – Он так и не лег спать, оставшись обслуживать особых клиентов.

– Может так случиться, что после моего визита кухни у них вообще не будет! – почти прорычал Еремеев.

– А нас с собой брать ты разве не собираешься? К Прохору не только у тебя счеты имеются, – встал из-за стола разумник.

– Туплю малость, – повинился Еремеев. – Компании буду только рад.

– Не забудь избавиться от тюремного кафтана, – посоветовал Ларион. – В «Потьме» на тюремщиков косо смотрят.

Александр начал снимать с себя чужую одежку. Хотелось сбросить и рубаху – пропитанная вином, она выглядела не лучшим образом.

– Мне бы зипуном разжиться, – высказался он. – Готов втридорога заплатить.

– Всегда к твоим услугам, Данила. – Хозяин заведения был рад услужить не только ужином. – Сейчас организуем. – Вскоре он принес вполне добротный зипун, еще и денег не хотел брать.

«Ну да, он на мне сегодня с лихвой заработал. А, пусть. Столик сохранил, ключ тоже тем типам не отдал. Надо будет его на свою тайную службу привлечь, глаза и уши в Смоленске лишними не будут». Александр заплатил пять монет серебром и оделся.

Несмотря на поздний час, народу в «Потьме» оказалось немало. Александр окинул взглядом присутствующих. Не обнаружив знакомой физиономии, отправился к стойке. Его подчиненные разошлись по сторонам.

– Уважаемый, ты здесь Прохора не видел? – Еремеев описал внешность предателя и положил перед подавальщиком пять монет серебром.

– Был такой поутру, наверняка еще заглянет. Что-то передать? – Мужчина смахнул монетки со стойки.

– Да, скажи, что я его убью. – Александр развернулся и начал более детально изучать посетителей.

«Кто-то из них мог быть заказчиком Прохора. Может, спросить?»

– Командир, – обратился Ларион, дернув того за рукав. – Отойдем на минутку. Когда они сели за стол, разумник продолжил: – Оказывается, нынче здесь самый ходовой товар – голова некоего купца Данилы из Троицкого.

– Предлагаешь продать? Так мне без нее будет неудобно. Ни поесть, ни поговорить, ни девушками полюбоваться.

– Нет, есть другая доходная работенка. После того как поползли слухи о костяном монстре в городе, два самых богатых купца поспешили скупить все малые алтари.

– Ночью? – удивился Еремеев.

– Торговое представительство гномов работает круглосуточно.

– Ладно, леший с ними, с гномами и купцами, мы-то тут при чем? – Командир был недоволен, что не удалось выплеснуть накопившуюся ярость.

– Завтра на магическом рынке они станут самыми дорогими вещицами, но имеется одна тонкость: товар не заряжен. Тот из купцов, кто первым найдет энергомага, получит крупную выгоду. За пару часов сможешь срубить тридцать монет золотом. Ежели сумел зарядить за раз шесть больших алтарей, то дюжину малых и подавно осилишь. Только ехать нужно прямо сейчас.

«Неужели ни одна сволочь здесь грубого слова не скажет? Обидно. Ладно, ночь все равно псу под хвост, почему бы не потрудиться за деньги? Тоже иногда стресс снимает, – подумал Александр. – Только кто разумнику проговорился о моих возможностях? Я о шести алтарях точно не говорил. Неужели Годим?»

– Хорошо. Не удалось Прохора изловить, пошли хоть денег заработаем.

– Зачем идти? Сейчас пролетку найду. – Ларион поспешил покинуть заведение.

«Сначала к торговцу, затем в Белый храм, – определился Еремеев. Шум посетителей заставил отвлечься от дум. – А это что за наезд на Радима?»

Парень стоял между двумя столиками, направляя пистоли на сидевших за ними клиентов. Правда, те особого страха не испытывали, наверное, имели при себе серьезные амулеты.

«Все-таки не зря я сюда зашел!» – Александр решительно направился к приятелю.

– Убери стволы, здесь не приветствуют стрельбу, – сказал он Радиму. – Господа, у вас претензии к моему другу?

– Еще один молокосос забрел на нашу вотчину, а это уже десять золотых, – заявил рыжий детина, улыбаясь и чуть не облизываясь. – Гоните монеты, сосунки, глядишь, и на своих ногах отсюда выйдете.

«Бороды себе отрастили, а мозгов, похоже, Бог не дал. Думают, мы только огнестрелом сильны? А вот фиг вы угадали!»

Еремеев приблизился к говоруну и, сцапав того за бороду, сдернул со стула. Тот попытался ухватить за руку, но ловким движением «сосунка» ладонь была резко вывернута, аж в плече хрустнуло.

– А-а-а! – заорал рыжий. Он поднялся, но тут же попал под нехитрый прием и снова оказался на полу.

Ногу Александр поставил ему на горло.

– А теперь слушайте внимательно, повторять не буду. Сколько вы там нам должны? Десять золотых? Выкладывайте.

Бородачи к столь резкой смене обстановки готовы не были. Собутыльники рыжего попытались это объяснить действиями, но не рассчитали силы. В результате не без помощи Александра один из них совершил круг почета вокруг самбиста, а затем резко встретился с другим. Лицом к лицу. Вместе они и свалились на пол.

Еремеев зыркнул в сторону посетителей за соседним столиком, как бы спрашивая: не желают ли присоединиться к приятелям? По дребезжанию пистоля сразу чувствовал, что кто-то пытался применить магию. У остальных хватило мозгов не лезть в драку.

– Не смотри на меня так, уважаемый, – произнес один из них, – и в мыслях против тебя ничего нет. А эти отбросы тут всегда бузят. Знать их не знаю.

Александр к тому времени немного выпустил пар и решил больше не лезть на рожон. Он, усмехнувшись, заметил, что Радим принялся собирать трофеи.

«Этот никогда своего не упустит – не зря к финансам приставлен».

– Похоже, я опять пропустил самое интересное, – вернулся за приятелями Ларион.

Когда троица покинула зал, толстяк, внимательно наблюдавший за происходящим со стороны, поднялся и подошел к подавальщику.

– Уважаемый, о чем тебя пытал тот лихой молодой человек?

От купца выбрались лишь ближе к полудню. Оказывается, тому еще требовалось свезти приобретенный товар в укромное место, да и завтрак потом затянулся почти до обеда.

В суете, которая царила в доме торговца, не обошлось без происшествий. Один из слуг уронил малый алтарь, и его оболочка – квадратный короб из пористого минерала – разлетелась на куски. Внутри Еремеев увидел светящуюся в темноте массу, вспыхнувшую синим пламенем. Когда огонь прогорел, на каменном полу остались лишь три небольших стекляшки.

«Очень похоже на алмазы, но из таких точно бриллианта не огранишь», – решил Александр.

Купец в сердцах чуть не убил своего нерасторопного слугу. Тому повезло, что Еремеев выкупил камешки по цене алтаря. Заодно он выяснил, как осуществляется привязка алтаря к месту. Заклинание запускалось специальным ключом и превращало

пемзу в непробиваемую броню, после чего без помощи тех же гномов сдвинуть короб с места не представлялось возможным.

До Белого храма они так и не доехали. Дорогу перегородили дружинники и попросили предъявить документы.

– Мои в тюрьме сгорели, господа, – сознался Еремеев.

– Эти люди могут подтвердить твою личность? – спросил служивый.

Оба выказали согласие.

– Тогда следуй за мной. Негоже в нынешние времена без бумаг разгуливать. Наш писарь документ быстро состряпает.

«Оперативно тут паспорта делают. Нашел двух свидетелей – и получи ксиву. Ладно, пусть выписывают».

Их повели в сооруженный на городской площади шатер. Свидетелей направили к писарю, сидевшему у входа, а Александра проводили дальше.

– Ну, Данила, ну ты и ловок! Когда успел в Смоленск перебраться? Да еще в тюрьме оказался в самый неподходящий для этого момент.

Тот же мужчина, который допрашивал его в карете, сейчас сидел на стуле и показывал на второй, приглашая сесть. Небольшой столик с кувшином и двумя стаканами сразу подсказал, что гостей тут ждали.

Вошедший остановился в двух шагах от предложенного места. Оглянулся и сразу спросил:

– Ларион на тебя работает?

– Ты еще и догадлив не по годам, – спустя пару секунд произнес сидевший. – Почему так решил?

– Слишком много случайностей и совпадений, а они сами по себе не происходят.

– Например?

– Ларион и без моей помощи мог запросто покинуть ополчение, но не сделал этого. Он слишком много знал обо мне. Явно испытывал интерес, хотя с чего бы вдруг? Опять же его вовремя предупредили о засаде, он знал о шести алтарях, которые я мог зарядить за раз, да и пролетка, им заказанная, приехала прямо сюда, хотя отвезти просили в Белый храм.

– Мозги у тебя работают неплохо, иначе бы я и не приставил к тебе нашего лучшего агента. Ладно, рассказывай, чего к отцу Серафиму собрался.

«Ишь ты, какой любопытный! Опять игра в одни ворота. А почему ты решил, что мне хочется играть по твоим правилам?» – мысленно возмутился Еремеев.

– Ну уж нет! Сначала хочу получить ответы на свои вопросы, а потом решу, стоит ли отвечать.

– Не много ли на себя берешь, парень? Условия здесь лишь мне выдвигать дозволено, и пока для тебя они весьма мягкие.

– Ну да, это ведь не я чуть не сдох, не позволив ляхам сжечь кикимору у стен Смоленска. Не я с профи воевал, пограничников из тюрьмы Крашена спасал, полсотни степняков положил, людей из застенков нынешней ночью вытаскивал… Я все это время прохлаждался, купаясь в мягких условиях человека, чьего имени даже не знаю. Только сидел и ждал, когда прибудет гонец и скажет, что мы с ним на похоронах Никанора познакомились.

– Кто ты такой, мальчишка, чтобы тыкать мне в нос свои подвиги?! Героем себя почувствовал? Зря. У нас герои долго не живут.

– Конечно, главное из толпы не высовываться, а чуть голову приподнял – так тебе ее сразу отсечь попытаются. Ну и какой резон мне на тебя работать, ежели ты сыплешь теми же угрозами, что и пан Тадеуш?

– Я русский человек и делаю это во имя русских людей.

– Сколько же в нашей истории было случаев, когда одни соотечественники убивали других во имя третьих. И все, как ни странно, были русскими людьми.

– Хватит болтать, Данила, я ведь могу быть и весьма жестким!

– Не рекомендую, я тоже не из хлебного мякиша слеплен. Хочешь проверить?

Хозяин шатра щелкнул пальцами, и рядом оказались два бойца в красных кафтанах с золотым шитьем.

– Эти ребята способны из любого фарш за пару секунд сделать, – произнес он. – Желаешь на себе испробовать?

– А ты меня на испуг не бери. Ну покрошат, много ума для того не требуется. Только ты из фарша уже ничего не выудишь.

– Не забывай – у меня под рукой разумник имеется.

– Один уже пробовал ковыряться в моих мозгах. Он плохо кончил. Будешь рисковать своим лучшим агентом?

Александр вошел в раж. Он понимал, что перегибает палку, но на этот раз не хотел уступать. Действовать втемную ему чертовски надоело.

– Было бы время, так и сделал. – Мужчина жестом отослал бойцов. – Но сейчас каждая минута на вес золота. Спрашивай.

– Зарина прибыла в Смоленск из Витебска? – Еремееву не составило труда сложить знания, полученные из недолгих общений с Зариной и из тайных писем.

По тому, как расширились глаза собеседника, Еремеев понял, что угодил в точку.

– Это она тебе рассказала?

– Если б сказала, я бы не спрашивал. И ее там собирались

выдать замуж за знатного человека, который до свадьбы не дожил? Я прав?

– Данила, ты сейчас озвучил сведения, за которые следует…

– Да брось ты. Я даже знаю, кто организовал убийство ее жениха в Витебске и собирался столько бед Смоленску устроить, что аж дух захватывает. Но волнует меня сейчас не это. Какая сволочь решила использовать для своих целей девушку? Она что, разменная монета? Сначала в одном месте, не получилось – тут же в другом. Куда ее дальше отправят?

– Это не твоего ума дело. Я сам в политику не лезу и тебе не советую. Одно могу сказать: судьбу этой Зарины не в Смоленске решают.

– Тоже мне, нашлись решатели. Да ее бы уже дважды на тот свет спровадили, ежели бы наши с ней дорожки не пересеклись. И если мне не устроят с ней встречу, я лично весь город верх дном переверну. И горе тому, кто посмеет мне помешать.

Мужчина раздумывал над словами Александра почти минуту:

– Встречу я тебе устрою, – наконец произнес он. – Только и у меня будет одна небольшая просьба.

«О, уже до просьб дошли, а раньше только приказы отдавали. Хоть какой-то прогресс!»

– Какая? – спросил Еремеев.

– Прохора пока не трогай. Он предал тебя, предаст и тех, с кем сейчас сошелся, а они нам пока очень нужны на свободе.

– Договорились, не буду. – Александр посчитал, что тут можно и уступить. – Когда я увижу Зарину?

– Завтра утром в харчевне «Жирный налим». Тебя устроит?

– Вполне.

– Тогда рассказывай, зачем ехал к отцу Серафиму.

Еремеев молча достал оба письма и положил на стол перед собеседником. Тот пробежал глазами по конвертам, развернул их и подскочил словно ужаленный:

– Что же ты раньше молчал! Все, топай отсюда!

Возле шатра он увидел ожидавших его Лариона и Радима.

– Писарь бумагу оформил, но его только что вызвали, обещал скоро быть, – сообщил разумник.

Тот, о ком говорили, появился через пару минут:

– Прошу прощения, господа, документ я выдать не могу, – сказал он. – Нынче в городе такое творится, что нужен еще один свидетель. И он должен быть известным в городе человеком.

– Тогда идем отсюда. – Александр не успел сделать и пары шагов, как служивые, стоявшие неподалеку, преградили дорогу.

– Покажи документ, – сказал один из них.

«Он еще и мстительный! Вот же сволочь! Не драться же еще и

с ними? – Еремеев почувствовал, что начинает вскипать. – Спокойно, Сашка, спокойно. Попадать снова в тюрьму резона нет, точно знаю – Зарины там не будет».

– Радим, сгоняешь в одно место?

– Куда угодно, командир.

Отец Серафим прибыл ближе к ужину, и писарь сразу выдал бумагу, да еще был вынужден извиняться перед священником. Тот отчитал исполнителя, попытался найти еще и отдавшего нелепый приказ, но шатер пустовал.

– Негоже с тобой обошлись, Данила, негоже. – Батюшка покачал головой. – Токмо ты не держи зла на всех служак из-за одного паршивца. Некоторым из них власть над людьми шибко в голову бьет, а отсюда вседозволенность появляется.

Отец Серафим посоветовал отпустить парней, поскольку собирался переговорить с Еремеевым наедине в своей карете.

Александр и не заметил, как за беседой пролетела пара часов. Священник умел задавать вопросы, внимательно слушал и давал действительно полезные советы.

– Что Троицкое решил укрепить, то дело доброе, но мыслить пора не токмо о малом клочке земли, где обосноваться решил. Думай шире. Республике ныне выпала судьба нелегкая, ворог с трех сторон окружил. Ляхи и степняки давно набегами тревожили, но пуще них – шведы, коим своих земель показалось мало. Не остановим Карла на границе – много бед падет на наши головы.

– Предлагаешь мне с дюжиной парней пойти войной на Карла? – усмехнулся Александр.

– Нет, но воинов готовь не токмо для обороны одной деревни.

Карета священника остановилась возле «Жирного налима», когда солнце спряталось за горизонт. Еремеев нашел в зале только разумника.

– Где Радим?

– Спит.

– А ты почему здесь?

– Думаю, нам поговорить надобно.

– Раз надо, поговорим. Но прежде ответь мне на один вопрос: ты бы меня убил, ежели бы получил от своего начальника такой приказ?

– Скорее всего, да, – ответил волшебник после недолгих размышлений.

– Благодарю за честность. – Еремеев боялся услышать вранье, поэтому внутренне испытал некоторое облегчение и продолжил разговор как ни в чем не бывало: – Библиотеку посетить удалось?

– Да, и нужную книгу отыскал. – Ларион был несколько обескуражен вопросом.

– Что вычитал о капле с двумя кинжалами?

– Там говорится, что знаковое заклятие требует воспроизведения рисунка и произнесения слова. Единственное, чего не удалось найти, это описание воздействия. Автор выказал догадку, что у каждого волшебника один и тот же знак может вызвать совершенно иное действие.

– Погоди… К примеру, я рисую знак, говорю слово-ключ, и полыхает молния. Ты повторяешь то же самое, и…

– …ничего не происходит, – продолжил за командиром Ларион. – Знак каким-то образом привязывается лишь к тому, кто его первый обнаружил. Другому он подвластен не будет.

«О как! – мысленно восхитился Еремеев. – Теперь у меня имеется магический сюрприз. Еще бы понять, на что он способен. Рисковать здесь не буду, еще не хватало стены порушить».

– Ларион, у меня еще один вопрос. Я тут попал под магию разума. Вроде без последствий, вот только не понял, то ли маг был слабый, то ли я такой могучий. Можешь проверить?

– Не опасаешься? Я же на службе. Вдруг начну из тебя тайны вытягивать?

– Сейчас у меня их почти не осталось, все твоему начальнику передал. Поэтому лучше сразу и проверить.

Разумник сморщил лоб, глядя на командира. Задребезжал пистоль Еремеева, на стволе загорелись надписи. Через несколько секунд с лица Лариона сползла легкая улыбка. Тогда волшебник всерьез взялся за поручение, однако результата не добился. Наконец он поднял руки:

– Защита у тебя мощная, проломить ее моих сил не хватило.

– Значит, я действительно крут!

– Что за зверь? – переспросил Ларион.

– В смысле далеко не каждый колдун способен в мою башку забраться, – уточнил Александр. – Это здорово – не хотелось бы становиться безвольной куклой.

– Тебе такое не грозит, – успокоил разумник. – Скажу больше: вряд ли в Смоленске имеется маг, способный заставить тебя пальцем пошевелить против своей воли.

– Замечательно! Теперь можно и спать отправляться, – улыбнулся Еремеев.

Ларион задержал командира, положив ладонь на руку:

– Хотел уточнить: раз уж я раскрыт как агент, ты меня прогоняешь?

– Дурак я, что ли? Во-первых, ты мне еще откуп не вернул, а во-вторых, где я еще такого умелого волшебника найду? Ежели

твое начальство не против, работай. Сам бы с удовольствием на двух зарплатах сидел.

– А то у тебя денег не хватает…

– Их всегда мало, особенно ежели задумываешь большими делами заниматься.

Ранним утром Тагур вызвал к себе Мурга.

– Куда подевался твой Тадеуш? Он два дня тому должен был весточку прислать.

Тагур провел в кабинете всю ночь и не успел привести свою прическу в порядок. Гномы обычно укладывали те два клока волос, что росли за ушами, в виде остроконечных рогов, направленных вниз. Сейчас они выглядели облезлыми хвостами.

– В торговом представительстве он не появлялся, дома не ночевал. Исчез, как только в тюрьме начался пожар.

– Как исчез? Твои соглядатаи его упустили? – Глаза Тагура сменили зеленый цвет на желтый.

– Похоже, шляхтич таил в себе немало сюрпризов и был всегда готов к побегу, даже находясь под наблюдением.

Проявлять злость перед начальством подчиненному запрещалось, поэтому он то и дело дергал себя за один из «рогов» прически. В отличие от Тагура Мург с помощью специального лака успел придать волосам нужную форму.

– Мне начинает казаться, что шляхтич водил нас за нос, рассказывая сказки о вмешательстве эльфов. Ты хоть какой-то след их присутствия обнаружил?

– Ни одного намека, – ответил Мург. Он не рискнул присесть без приглашения, а потому так и стоял в трех шагах от стола.

– Тадеуш пытался уверить меня, что эльфы маячат за спиной Никитки, который неожиданно пропал с важными документами, затем появился некий Данила. Ты успел хоть что-то о них узнать?

– Вчера доложили, что Данила-купец несколько раз перешел дорогу шляхтичу и взял под свою опеку деревню Троицкое, хотя ее очень желал подмять под себя пан Тадеуш.

– Вот же прохвост! – возмутился Тагур. – Он собирался нашими руками решать свои проблемы?

– А как же гибель асов? Их ведь так и не нашли. – Мург вспомнил о пропаже двух грозных бойцов.

– Могли напороться на сильного мага или угодить в ловушку Тадеуша, ему же требовалось доказать присутствие эльфов. – Зрачки Тагура стали оранжевыми.

– Шляхтич неплохо владеет магией воды, – согласился подчиненный. – Он мог подготовить западню и уничтожить асов. Но как я просмотрел негодяя? Он все проверки прошел! Три из

них были замешаны на магии крови. – Гном снова дернул себя за «рог».

– Вода и кровь весьма близки по сути, – задумчиво произнес Тагур. – Мог ли он с помощью своих знаний обойти твои проверки?

– Для этого он сам должен владеть магией крови на уровне мастера. Среди местных людишек это большая редкость. Проверки тогда показали, что Тадеуш трус и страх перед нами сильнее всех других его чувств.

– Люди переменчивы, Мург. Сегодня он искренне тебя боится и готов выполнить любую прихоть, а завтра смелеет и начинает искать способы обмануть и сбежать. Этого прощать нельзя.

– Его нужно подвергнуть особым мучениям на глазах других наших агентов. Пусть знают, что их ждет за предательство.

– Сначала его еще требуется изловить, чем ты немедленно и займешься, – приказал Тагур. – И срочно найди ему достойную замену. Кстати, – гном задумался, – попробуй отыскать этого купца Данилу. Раз он настолько ловок, может, он займет место шляхтича?

– Из-за Тадеуша нам снова придется начинать с нуля?

– К сожалению, да. Только теперь стоит это делать очень быстро.

Глава 20
Ставить условия начальству нехорошо

Очнулся Еремеев от укола в плечо. Открыл глаза и увидел… сидевшую рядом с кроватью Зарину. Прижав указательный палец к губам, она просила не поднимать шума:

– Выслушай меня внимательно, – тихо сказала она, стараясь избегать его взгляда. – Я, конечно, очень благодарна за спасение, но благодарность не причина посвятить тебе свою жизнь. Согласись, для этого нужно чуть больше, например, расчет или любовь. Первое наверняка не устроит тебя, да и мне нет резона выходить замуж за обычного купца. А второе… Любовь вообще не для меня. Ты хороший парень, думаю, лучше многих, и наверняка найдешь себе подругу сердца. Я же не создана для счастливой семьи, поэтому и соглашаюсь выйти замуж, за кого велят. Тут действительно лишь расчет: мой суженый может быть полезен для выполнения благородных целей человека, которому я многим обязана. Да, это политика. Брак в умелых руках иногда может стать оружием, которое сохранит жизни многих невинных людей.

Александру очень хотелось возразить, но неожиданно он почувствовал, что не может пошевелиться. Язык также онемел. Получилось только выпучить глаза от негодования.

«Укол – меня парализовали! Какого лешего?! Это нечестно! – Еремеев сейчас даже в мыслях подбирал слова, чтобы не перейти на русский матерный, хотя именно нецензурная лексика так и рвалась наружу. – Ну нельзя же так! Я даже переубедить ее не имею возможности. Какая же… нехорошая девочка такое удумала?!»

Тем временем она продолжала:

– Прости за укол, но мне очень нужно, чтобы ты не перебивал и не пытался удержать. Подло? Может быть. Просто я хочу раз и навсегда объяснить, что искать меня не стоит, переворачивать вверх дном Смоленск – тем более, поскольку здесь я проездом и сразу после нашего разговора уезжаю. Очень далеко. Да, ты сможешь двигаться и говорить через два часа, зелье никаких последствий не имеет. И не смотри на меня так! А впрочем, какая разница… Я сказала все, что хотела. Прощай. – Зарина поднялась и быстро покинула комнату.

У Александра сложилось стойкое впечатление, что она сейчас сбегала не от него, а от себя.

«До чего же обидно, когда даже сказать ничего не можешь! Это действительно подло, и мне кажется, я знаю, кто организовал именно такую встречу. Вот же скотина!»

Тот, о ком подумал Еремеев, вошел в комнату через минуту:

– Я выполнил свое обещание, Данила. А ты получил наглядное доказательство, что ставить условия начальству нехорошо. Однако на первый раз прощаю. До следующего лучше не доводить. Способов подпортить настроение и здоровье существует очень много, и тебе необязательно испробовать их на себе. Надеюсь, ты все правильно понял?

«Понятливость я бы с огромным удовольствием отпечатал своими кулаками на твоей морде лица! – Александр одарил гостя пылающим взглядом. – Но «отблагодарить» придется в следующий раз, за мной не заржавеет. И что-то я не помню, чтобы нанимался к тебе в подчиненные – какое ты мне начальство?»

– Вижу, что благоразумие не является твоей сильной стороной, однако советую хорошенько подумать. Жизнь одна, а смазливых бабенок вокруг много, поэтому не стоит из-за какой-то юбки на рожон лезть. Я не прощаюсь. Когда понадобишься – тебя найдут, даже ежели Лариона прогонишь.

«Сам буду с нетерпением ждать нашей встречи! – мысленно отвечал онемевший. – А потом постараюсь объяснить, насколько ты, гад, не прав. Как же ты достал своей самодовольной физиономией!»

Представитель непонятно какой службы покинул комнату, оставив Еремеева наедине с очень тяжелыми думами.

«Ну почему я ей не верю? Только потому, что не хочется? Допустим, сердцу не прикажешь. Но я же помню, как она ко мне прижималась. Да и сейчас… если бы я был ей неприятен… Женщины, женщины! Нет, мы все равно должны нормально поговорить. Если Зарина опасалась, что я смогу ее уговорить или удержать, значит, в себе не уверена. А раз сомневается, то для меня не все потеряно. Да и где гарантия, что она не вещала со слов того самоуверенного типа? Ну, куда и зачем она собралась уезжать?! Неужели опять ей нашли нового суженого? Вот уж не расстроюсь, ежели его постигнет судьба предыдущих. Да, я недобрый, а как тут будешь другим, если все вокруг только и норовят ударить побольней…»

Александр еще долго размышлял над своей тяжкой долей, пока не забылся сном. Очень тягостным, в котором калейдоскопом проносились десятки лиц, человеческих и не совсем, даже морда костяного монстра с прижатыми к черепу треугольниками ушей несколько раз промелькнула. И все что-то от него хотели. Кикимора звала балетмейстером к русалкам,

леший предлагал услуги проводника по дремучему лесу, профи пытался научить пользоваться удавкой, зверюга с красными глазами упрашивала взять на должность дворового пса. Перед самым пробуждением проявился Буян с напутствием:

– Добре, Данила! – улыбался ветеран. – По осени можешь сватов к ней засылать, ежели девка не убьет тебя раньше.

Растолкал его Радим:

– Командир, чего стонешь? Вставай, пойдем завтракать.

За столом помощник по финансам доложил, что в сумке, которую Еремеев позавчера передал, оказалась сотня злотых, четыре пистоля и какие-то векселя.

– Я не перестаю дивиться, как тебе удается богатеть, ничего не продавая! – восхищенно произнес Радим.

– Не в деньгах счастье, – банально ответил Александр. Сейчас он окончательно поверил в народную мудрость.

– Чего хмурый такой? Прохор из головы не выходит? Так мы его все равно найдем и…

– Да пошел он к лешему! Искать еще… Подвернется под руку – в бараний рог скручу, но искать – слишком много чести, – Еремеева ничто не радовало и не огорчало.

Из него словно вынули что-то важное, а взамен ничего не положили. Полное безразличие ко всему, что окружает, накатило с такой силой, что он даже ел, не ощущая вкуса.

В зале появился Ларион.

– Привет честной компании! Чем нас сегодня кормят?

– А то не видишь, что на столе! – пробурчал Александр.

– Он во сне стонал, а потом еще и не с той ноги встал, – пояснил мрачность командира Радим.

– Знаешь, куда ее увезли? – спросил Еремеев, мрачно взглянув на разумника.

– Думаешь, они мне все говорят? – пожал плечами шпион.

– За спрос не бьют в нос. – Еремеев снова уставился в тарелку.

– Мужики, вы о чем? – Радим перевел взгляд с одного на другого, но оба были явно заняты собственными мыслями.

– Да так, дела духовные. – Ларион махнул рукой и присел за стол. – Когда в Троицкое отправляемся? Вроде здесь никаких дел не осталось.

«Ну да, меня хотят как можно скорее выслать из Смоленска. Выходит, боятся Данилу-купца. Как-то мне слишком быстро удалось разворошить здешнее осиное гнездо. Не иначе – прощальное проклятие Мирославы подсобило. Теперь я наверняка знаю, что это было проклятие, а не подарок. Выходит, любое самое светлое желание можно так исполнить, что потом будешь

сильно жалеть. А ведь могли прямо в тюрьме и прикончить. Вот тебе и исполнение желаний. Заказывал – получи, только потом не обижайся».

– Командир, ты чего вилкой по пустой тарелке скребешь, хочешь дыру процарапать? – Радим тронул задумавшегося за плечо.

– Настроение с утра паршивое. Охота или напиться до чертиков, или прибить парочку негодяев.

– Ну, так давай скорее отправляться в деревню. С твоим везением по пути обязательно кто-нибудь нападет. Вот их и прикончишь, а то с таким настроем ты сейчас нас в негодяи запишешь, а мне помирать неохота.

– Пожалуй, пора. – Еремеев поднялся. – Хозяин, дай-ка нам полный расчет.

Владелец харчевни, а обслуживал столик купца лично он, в этот раз подошел к столу вместе с перепуганной девушкой.

– Данила, тут к тебе дело небольшое, – сказал он. – Можно на минутку?

«Этому что еще от меня нужно! Денег? Так вроде уже немало заплатил. Еще бабенку какую-то с собой притащил. А та смотрит на меня, как на привидение».

– Слушаю, – проворчал Еремеев.

– Я ни слову ее не поверил, но в городе второй день говорят, что по ночам видели костяного монстра, поэтому, думаю, тебе надо ее послушать. Говори, Марфа, это хороший человек, он тебя не обидит.

«Представляю, какая у меня сейчас физиономия – ею только детей пугать. Надо хоть попытаться человека изобразить, а то сам на монстра стану походить».

– Марфа – хорошее имя, а я действительно не кусаюсь. Что тебя тревожит, красавица? Говори.

– Я… это… утром… до восхода солнца… прихожу сюда убираться, а тут… он! Страшный, с красными огненными глазами… Он словно поджидал… Только я дверь открыла… Он чуть с ног не сбил и сам прямо на второй этаж побежал…

– Кто он? – Александр слушал вполуха и не уловил смысла в сбивчивом рассказе девушки.

– Зверюга, – шепотом произнесла она. – Он лапами толкнул дверь и проскочил внутрь.

– Какую дверь?

– В твою комнату.

– Точно?

Она быстро закивала головой.

«Не надо было мне его своим питомцем называть. Неужели

нашел? За каким лешим? Соскучился, что ли? Мне только еще карманного монстра для полной компании не хватало. Впрочем, а почему нет? Ни у кого не имеется, а у меня будет!»

– И что дальше?

– Я испугалась, собиралась позвать на помощь, а тут…

Девушка подавилась воздухом, и Еремееву пришлось ждать, когда она прокашляется.

– Ты собиралась позвать на помощь, – напомнил он.

– Из кухни вышли двое, и сразу – на второй этаж. Я не успела их даже предупредить, но барышня сама вошла и вскоре вышла. Потом мужчина так же, оба вышли живые и невредимые. Только тот недобро так ухмылялся.

– А девушка?

– Она плакала.

– Я не мог их не пропустить, у мужчины очень важный документ на руках был, – тут же принялся оправдываться хозяин. – Особый отряд дружины. Им лучше не перечить.

«Плакала, значит? Выходит, действительно не от сердца твои слова шли, Зарина. А найти я тебя все равно найду. Даже знаю, кто мне в этом поможет. И для этого действительно надо отправляться в Троицкое».

– Спасибо, Марфа. Волноваться не стоит, это была шутка моих приятелей. Создали страшную куклу и хотели меня напугать. Ежели бы это был всамделишный зверюга, вряд ли бы здесь кто-нибудь остался жив. Волшебники иногда странные вещи творят. Только говорить об этом никому не нужно, а то клиенты не будут сюда приходить.

Хозяин согласно кивнул и отпустил служанку на кухню.

– Она ничего не расскажет, Данила. И тебя бы мы не беспокоили, но договор…

– Ты правильно поступил, Славер. Новость достойная, держи. – Еремеев выдал хозяину несколько серебряных монет.

Вечером перед сном Александру удалось переговорить с владельцем заведения. Они условились, что тот каждый день будет собирать сведения по городу. Если посчитает что-то особо важным, отправит в Троицкое гонца с письмом. Остальное дождется, когда в «Жирный налим» зайдет человек от купца.

Еремеев приказал мужикам собираться и отправился в свою комнату. Он опасался, что костяное зернышко могло приклеиться к обуви утренних гостей. Ладно еще сотрудника особого отряда дружины, а вдруг Зарины?

Тщательный осмотр пола принес результат – оно отыскалось под кроватью.

Прохор теперь мог позволить себе снять шикарный номер в гостинице при кабаке «Потьма», чтобы недельку отдохнуть. Он провалялся день, лениво потягивая приобретенное в заведении вино, и лишь после полудня следующего наконец решил, что неплохо бы уже и кости размять немного.

Сделка принесла ему полсотни монет золотом – целое состояние, которое он сразу разместил в гномьем банке. Так делали многие волшебники. Бумажными векселями с магической печатью мог воспользоваться лишь хозяин денег, поставив подпись и персональным заклинанием подтвердив ее подлинность.

Совесть по поводу предательства специалиста по огневым заклинаниям абсолютно не мучила. Он считал, что Данилу все равно продадут. В «Потьме» за его голову давали двадцать монет золотом, а за живого – сразу полсотни. Прохор смекнул, что неплохо бы именно ему стать обладателем этой суммы. Однако прежде следовало выполнить условия контракта с купцом, иначе могли возникнуть неприятные последствия. Бумага составлялась со знанием дела, и наниматель просто обязан был подтвердить вслух, что претензий к исполнителю не имеет. Простак Данила возражать не стал, а потому и попал в нехитрую ловушку.

Прохор по прибытии в Смоленск сразу после расставания с нанимателем направился в «Потьму». Работа на купца его не устраивала, поскольку оказалась слишком опасной. За считаные дни волшебнику пришлось поучаствовать в нескольких стычках, безусловно, прибыльных, но каждая из них могла закончиться гибелью. А рисковать жизнью ради чьих-то интересов мужик решительно не желал.

В тот день в кабаке огневик неожиданно наткнулся на старого знакомого. Обычно тот появлялся ближе к вечеру, а тут решил заглянуть до обеда. Разговорились…

Завсегдатаи в «Потьме» собирались в конце дня, чтобы обсудить последние новости, криминальные события, горячие заказы. Там же знали, где можно по-быстрому срубить деньжат с риском для жизни, где и когда состоятся запрещенные законом бои со ставками, и еще много полезной информации.

Знакомый Прохора рассказал много интересного. Оказалось, что спрос даже на самых посредственных волшебников неожиданно подскочил до небес. Почти всех обеспечивал работой таинственный наниматель. Сам приятель обычно перебивался мелкими заказами, для выполнения которых не требовалось выдающихся магических способностей, – мог отводить взгляды, создавать простенькие иллюзии и воздействовать на память. Если бы не занятость по текущему договору, он бы обязательно

подвязался на более прибыльную работенку. А еще упомянул, что самый дорогой нынче товар – голова некоего купца из деревни Троицкое.

Выйти на заказчика оказалось несложно. Прохор составил бумагу, получил задаток, а после выполнения работы – и остальную сумму.

Волшебник был уверен, что его бывший командир живым из западни не выберется. Пока новостей о погроме в харчевне «Жирный налим» не поступало, но он еще никого не расспрашивал.

Направляясь в кабак, Прохор ожидал, что сегодня наверняка узнает все подробности позавчерашних событий. Он вошел в зал, отметив про себя большое количество клиентов в обеденное время, и начал высматривать знакомых.

Вчерашнего приятеля увидел в самом углу зала, к нему и направился.

– Привет, где пропадал вчера? – спросил тот.

– Отсыпался. Полтора дня морду на улицу не высовывал.

– О, так ты, видать, и не в курсе, что в городе творилось? – Сидевший за столом принялся рассказывать сам, не дожидаясь ответа: – Нашелся удалец, который не только из тюрьмы сбежал, но и всех пленных выпустил, да еще и пожар там устроил.

Что-то внутри Прохора екнуло – вспомнились недавние события в Крашене. Он присел и задал вопрос:

– Кто же это такой отчаянный?

– Помнишь, я тебе вчера про купца рассказывал? Его все-таки поймали, погнали в камеру. А опосля… – Приятель любил и умел рассказывать. Он сделал выразительную паузу, хлебнул пивка из кружки и лишь затем продолжил: – Узник отыскал способ выбраться из камеры, разогнал всю охрану, пристрелил начальника тюрьмы и устроил пожар.

– Купец? – Прохор постарался изобразить удивление на лице.

– Думаешь, зазря за его голову двадцать злотых рядили? Слухи ходят, что он важному человеку дорогу перебежал и тот теперь вынужден хорониться от властей. А ты говоришь – купец. Он, видать, не из простых будет, хоть и зовут Данилой. Представляешь – там, в тюрьме, еще зверюга объявилась! Такого шороху навела – половину охранников загрызла.

– А купец? – Прохор надеялся, что костяной монстр не обошел вниманием Данилу.

– Выжил, чертяка. Цена на него теперь выросла до небес. Сорок за голову предлагают и полторы сотни – за живого. Вот же кому-то повезет.

– Или не повезет, – задумчиво произнес Прохор. Ему как-то

сразу расхотелось есть.

– Не завидуй, нам с тобой все равно таких денег не заработать. Да и не стал бы я связываться с человеком, сумевшим городскую тюрьму вверх дном перевернуть.

– Это каким нужно быть идиотом, чтобы ему дорогу перейти, – согласился с приятелем Прохор, раздумывая над очень важной проблемой: найти место, где можно надежно спрятаться от бывшего командира. В том, что Данила его будет искать, волшебник не сомневался.

– Давай выпьем за этого лихача. Не видел его ни разу, но он мне уже нравится.

К столику подошел официант и подал меню Прохору. Тот покачал головой и вернул бумагу.

– Вспомнил про одно важное дело. Эх, надо было раньше просыпаться, теперь придется идти голодным. – Волшебник встал.

– Да брось ты. – Приятель схватил огневика за рукав. – Что может быть главнее вкусной пищи на голодный желудок?

– Собственная жизнь! – Прохор освободил руку и решительно направился к выходу.

Далеко уйти ему не удалось.

– Уважаемый? – Один из клиентов так резко встал на пути спешившего волшебника, что они чудом не столкнулись.

– Чего надо? – грубо спросил огневик.

– Тебя ждут вон за тем столиком. – Незнакомец кивнул в сторону.

Прохор взглянул в указанном направлении и увидел вчерашнего заказчика, которому требовался Данила. Пришлось повременить с уходом.

– Присаживайся, любезный. – Толстяк в богатых одеждах указал на стул. Когда волшебник выполнил приказ, заказчик налил в бокал вина и подвинул Прохору. – Очень хочется выпить за твое здоровье, любезный, ибо его состояние внушает большие опасения.

– Я выполнил все условия нашей сделки. Разве не так? – Специалист по огненной магии почувствовал дрожь в коленях.

– Претензий к тебе у меня нет, – усмехнулся толстяк. – Думаю, теперь они есть у того, кто не сдох в тюремных застенках, хотя должен был. Как мыслишь, Данила смекнул, чьими усердиями попал в камеру?

– Наверняка.

– Да, тебе не позавидуешь. Твое здоровье. – Мужчина поднял свой бокал.

Прохор, поразмыслив, не стал отказываться от выпивки. Травить бы его не стали, явно не для того звали.

– Я так понимаю, ты хотел не только угостить меня вином? – спросил волшебник.

– Это воистину так. Я тут позапрошлую ночь наблюдал одного молодого человека. Вел себя в «Потьме» словно бессмертный. Он рыжему Весяку чуть бороду не оборвал да еще обобрал его шайку до нитки. – Толстяк описал внешность храбреца. – Не знаешь такого?

– Имел знакомство, – пробурчал волшебник.

– Ну да. Наглец перед тем, как драку устроить, подходил к подавальщику, спрашивал Прохора и просил тому передать, что убьет этого знакомого.

Огневику стало совсем паршиво, сейчас он понял, что в команде купца ему было куда безопаснее, чем сейчас.

– У тебя есть ко мне дело? – мрачно спросил Прохор.

– Имеется, как не быть? Ты нужен Даниле, он нужен нам. Остается решить небольшую задачку. Как обменять твою жизнь на жизнь купца? Ты его знаешь лучше меня, тебе и решать. Куда он направится?

– Скорее всего, в Троицкое.

– Есть шансы выкрасть его из деревни живым?

– Не уверен.

– А выманить?

– Ежели схватить кого-то из его людей, Данила обязательно кинется их спасать, – ответил Прохор.

– Поможешь это обустроить – получишь сотню злотых. Сроку тебе не более пяти дней. Аванса не жди, ты свою жизнь спасаешь. Меня сможешь найти здесь. Ну что, за удачу? – Толстяк снова поднял бокал.

Волшебник поддержал тост, после чего снова двинулся к выходу.

Прохору в этот день не везло: до гостиницы он так и не дошел. Двое мужчин на улице перегородили дорогу, третий подобрался со спины со словами:

– Не советую делать резких движений, а о магии даже не вспоминай.

Огненная магия не слишком эффективна на малых расстояниях, да и Прохор был не в состоянии оказывать сопротивление. Первая мысль: парни выполняли приказ бывшего командира. Правда, этих людей в окружении Данилы он раньше не видел.

– И не собираюсь. Что от меня нужно?

– Прогуляться.

– Куда? – спросил волшебник.

– Тут рядом. Вон к той карете.

Экипаж медленно двигался вдоль улицы. Прохора довели до места и втолкнули внутрь.

В салоне находился незнакомец лет тридцати. Он окинул взглядом пассажира и задал вопрос:

– Сколько заплатили за Данилу?

– Полсотни золотом, – ответил Прохор.

– Кому про «Жирный налим» рассказывал?

Огневик описал внешность заказчика и сообщил про сегодняшний разговор с ним.

– О чем договорились? – продолжил незнакомец.

– Мне дали пять дней, чтобы выманить Данилу из Троицкого.

– Значит так, Прохор, вариантов у тебя немного. Первый заключается в том, что мы прямо сейчас отвозим тебя в Троицкое. Кстати, Данила работает на нас, а мы не любим, когда сдают наших людей. – Мужчина сделал значительную паузу. – Второй вариант интересует?

– Да-да, – поспешил подтвердить огневик.

– Ты тоже можешь работать на нас. Ежели будут результаты, Данила забудет про обиды. В противном случае возвращаемся к первому варианту.

– Что я должен сделать?

– Для начала – выполнить то, чего хочет толстяк. Без нашей помощи.

– Это как?

– Башка тебе на то и дадена, чтобы измыслить способ. Присмотр за тобой будет, а помощи не жди. Поглядим, стоит ли тебя беречь от гнева Данилы.

– Вы хотите от него избавиться? – удивился Прохор.

– То не твоя забота, предатель.

– Виноват. – Волшебник понял свою оплошность. – А дальше?

– Ты сперва сослужи одну службу, а там видно будет. Мы работаем только с теми, кто сумеет себя хорошо показать.

– Я все сделаю. Вы не пожалеете!

– И помни: вернуться к первому варианту никогда не поздно. А теперь пошел вон!

Глава 21
Танец на поляне

По приезде в деревню Еремеева сразу приодели. Купец теперь стал нанимателем Троицкого, и для него как для самого важного человека, специально сшили добротный наряд. Кожевенных дел мастер по старым лекалам сделал новую кобуру из лучшей кожи, кузнец преподнес кинжал в ножнах…. Закончив с обновками, Александр отправился смотреть место, где собирались ставить храм.

– Часовенку мы решили сохранить на прежнем месте, а церковь закладывать здесь, – сообщил батюшка. – Нравится пригорок?

– Вроде ничего. Но как тут будет смотреться храм? Мне бы чертеж…

– Рисовать ведь можно не токмо пером. Человек способен разумом создать прямо в воздухе любую картину, и она будет реальнее нарисованной, – назидательно заявил священник. – Ты попробуй с моих слов.

Александр внимательно слушал описание и попытался представить пятиглавое здание. На минуту ему показалось, что он действительно его видит.

– Красиво! – наконец произнес Еремеев. – А почему на самом краю деревни?

– Это нынче тут край, а к концу года, глядишь, и еще десятка два домов появится. К нам уже приехали плотники с двух деревень, прослышав, что срочная работа грядет, – подключился к разговору стоявший тут же староста.

– Денег-то хватит всем заплатить? – Александр не ожидал, что деревенские столь споро возьмутся за работу. – Ты поговори с Радимом, пусть посчитает расходы до конца года. Нам еще воинов содержать и новых готовить – на богатую деревню много охочих найдется. Надобно отучить их от набегов.

– Ежели хоть один волшебник из твоих будет здесь, мелкие шайки поостерегутся к нам заглядывать, а крупные в тутошних краях большая редкость. – Зван решил успокоить купца.

– В Крашене так же думали, пока сотня бандитов в город не наведалась. Лучше быть настороже.

Еремееву понравилось, как быстро разворачивались дела в Троицком, но сейчас его мысли были весьма далеки от проблем строительства. Он хотел как можно скорее встретиться с одним человеком, однако не мог показать уважаемым мужам, что

командиру сейчас не до них.

– А Буян чем занят? – спросил Александр.

– Молодежь воинскому ремеслу обучает. Собрал наставников, теперь дело пойдет, – ответил староста. – Я за ним мальчонку послал, должен скоро подойти.

– С провиантом у нас как? – продолжил выяснять Еремеев.

– Вчера купцы из Смоленска привезли все заказанные Гнатом, пусть земля ему будет пухом, товары, да еще обещали вскорости наведаться. Понравилось им тут. Когда в деревне новые дома строят, значит, у людей деньжата водятся.

О предательстве Гната не стали говорить даже старосте.

– Вот видишь, все об этом вскоре узнают, а на чужие деньги всегда много желающих найдется.

– Будем готовы их встретить.

– Это хорошо.

– А вон и воевода шагает. – Зван кивнул на показавшегося из-за стога Буяна.

– Прошу прощения, господа. – Александр направился к нему.

– Здрав будь, Данила! Как поход в славный город Смоленск?

Они остановились примерно в сотне шагов от крайней избы, за которой уже начинались луга. Там местные заготавливали сено для скотины.

– Привет, Буян. Нормально сходили. С каким-то разумником сцепился, под предательство Прохора попал, в тюрьме городской побывал, но главное – повстречался в застенках с той девушкой, которую раньше в лесу спас.

– С Зариной? – Брови ветерана поползли вверх. – И чем дело кончилось?

– Из камеры я ее вытащил. Она, оказывается, собиралась замуж за Огнедара, но того сгубили. А вину, с подачи Тадеуша, хотели вменить ей и еще многим честным людям. Пришлось и Зарину, и остальных пленников из тюрьмы высвобождать. В той толчее мы и разминулись. – Александр тяжело вздохнул.

– Огнедара убили? Жаль, хороший мужик был, о простых людях думал. И кто же теперь за старшего? Никак Тадеуш?

– Был. До вчерашнего вечера. А потом нашлась пара важных бумажек, в которых латинскими буквами четко прописано, что пан Тадеуш – та еще гнида. Думаю, шляхтича теперь все службы Смоленска ищут.

– Добре! – Буяна эта весть особенно обрадовала. – Он бы нам точно жизни не дал. А бумажки, случаем, не ты отыскал?

– Это долгая история. Пан Тадеуш слишком упорствовал в своих кознях против меня… Я и в камеру-то угодил его стараниями. В общем, за что боролся, гад, на то и напоролся.

– Тюрьму-то хоть не развалил? – усмехнулся Буян. Расспрашивать про Зарину он не решился.

– Почти. Возник небольшой пожар в кабинете начальника. Но тот сам виноват: что за дела – к нему гости, а он стрелять? Я же только спросить хотел. – Еремеев предложил идти в деревню.

– Спросил?

– У мертвого? Нет. Но мы и без него нашли ключи от камер. Ладно, чего мы все обо мне да обо мне. Ты лучше расскажи, как с новобранцами?

– Собрал отряд из двадцати пяти человек, – начал рассказывать ветеран. – Ребятки молодые, половина неплохо умеет стрелять из лука, семерых определил в лучники, столько же у меня арбалетчиков. Десяток – элита, дал им ружья. Токмо стрелять пока не разрешаю, патроны жалко. Пусть сначала научатся ружье правильно держать.

– Согласен, каждый выстрел денег стоит, но это неизбежные траты. Будут потом мазать в бою – погибнут, и ни за какие деньги их не вернуть.

– Тоже верно, командир. Людей беречь нужно, хоть желающих в отряд еще десятка три имеется. Со всей округи собрались, и это лишь те, кто что-то смыслит в ратном деле, остальных я сразу домой отправлял.

– А этих?

– С тобой сначала потолковать хотел. Думал, против Тадеуша бойцов надо больше иметь, но раз он сбежал…

– Собирай отряд до полусотни, – припомнив разговор с отцом Серафимом, сказал командир. – Упор делай на стрелковую подготовку. Когда твои сослуживцы прибудут?

– Двое уже здесь, помогают. Еще пятеро могут дня через два подтянуться.

– Там у Радима еще четыре пистоля возьми, в тюрьме разжился.

– Добре, – заулыбался ветеран.

– Как твои постояльцы? – Александр постоянно думал о вдове и сыне бывшего владельца Троицкого, ведь он нес ответственность еще и за них.

– Обживаются помаленьку. Малой уже с деревенскими детишками бегает. Меня дядькой кличет, добрый хлопец растет. Добравушка тоже оттаяла, уже не пугается каждого шороха. – С Буяна моментально слетела вся суровость, когда он начал говорить о семье Рачинского.

– Скажи, у тебя родня есть? – Еремеев только сейчас задал этот вопрос.

– Была, командир, да не уберег я их. Степняки.

– Извини, не знал. – Александр смутился.

– Давно бобылем хожу, – отмахнулся воевода.

– Да, хотел спросить… – наконец Еремеев перешел к самому для него важному. – Горислава в деревне?

– Пока здесь, но, чую, уедет вскорости. Сама не своя ходит после побега сестры.

– Где я могу ее найти?

– А она в этой избе живет. – Буян кивнул в сторону домика, примостившегося на краю деревни. Кстати, девка уже пару минут за нами из окошка наблюдает. С тобой небось говорить желает.

– С чего вдруг?

Словно услышав, что разговор о ней, Горислава отворила дверь и вышла на подворье. Помахав рукой, направилась к мужчинам.

– Кто их, красавиц, знает? Только будь начеку. Девка явно не в себе.

– Постараюсь. – Еремеев заметил тревогу в глазах ветерана. Тот не стал дожидаться, когда Горислава подойдет ближе. Попрощавшись, отправился дальше.

– Данила-купец, вот ты мне скажи… – напористо начала девушка.

– Здравствуй, красавица. Ты не представляешь, как я рад тебя видеть. – Александр даже обнял опешившую девушку. – Не обиделась? – на всякий случай спросил он.

– Нет. – Горислава чуть не забыла, по какому поводу собиралась поругаться с Еремеевым.

– У меня к тебе дело на сто тысяч миллионов.

– Это много? – Она посмотрела на мужчину с опаской.

– Немало, – уверенно ответил он. – А дело в том, что мне бы очень хотелось снова подпасть под твое проклятие.

– Тебе жизнь наскучила? – Брови красавицы взлетели вверх подобно птицам.

– Не так чтобы совсем, но без одного человечка жить с некоторых пор стало очень тоскливо. А ведь я с ней даже не объяснился, некоторые сволочи не позволили.

– Надеюсь, не про сестру говоришь? – угрожающе спросила Горислава.

– Конечно нет. Эта обманщица очень коварно воспользовалась моим состоянием…

– Причем раньше меня! – глядя вдаль, металлическим голосом подтвердила Горислава. – Но повторное проклятие – почти верная смерть, Данила.

– Почти? – ухватился за соломину Александр.

– Исключения всегда случаются, – неохотно подтвердила она.

Задумалась, но все же решила объяснить условие: – Ты сумеешь сутки кряду не отказать ни единому существу?

– Постараюсь.

– Это не все. Есть сложный ритуал, мне его как-то бабка показала, после которого начинается отчет времени. Потом, если за сутки посмеешь сказать «нет» или не выполнить чью-то просьбу, – смерть в муках.

«А говорят, не бывает средства от неуступчивости. Вот же оно! Конечно, страшно проверять на себе, но уж очень хочется доказать одной особе, что она не права!»

– Что нужно для ритуала? – Еремеев колебался не больше минуты.

– Твоя решимость и мое умение.

– И то и другое у нас с собой, – подытожил Александр. – Тогда чего мы ждем?

– Мне сдается, ты не представляешь, на что идешь. Любой человек может попросить то, чего ты сделать не в состоянии, а отказать будет нельзя.

– А мы поступим так: после ритуала ты проводишь меня к дому, где я запрусь, а сама скажешь людям, что я две ночи не спал и хочу отдохнуть. Могут же они хотя бы на сутки оставить человека в покое?

– Хорошо, но ты представляешь, сколько мне будешь должен?

– Об этом потом. Долги я всегда возвращаю, хоть, может, и не за один раз.

– Я это запомню, – усмехнулась Горислава. – Идем к лесу, не хочу, чтобы нас кто-нибудь видел.

Она выбрала полянку и заставила Еремеева встать в ее центре.

– Начнем? – Дождавшись кивка Александра, добавила: – Тогда смотри не упади.

И принялась ходить по кругу.

Медленное плавное движение ее понемногу ускорялось. К нему добавлялись грациозные взмахи рук, повороты, прыжки… Горислава танцевала. Поначалу Александр отслеживал каждое па танцовщицы, однако затем ее образ незаметно слился воедино с окружающим пейзажем. Предметы потеряли четкие очертания, зато сами ожили: теперь плясали деревья, кусты, облака на небе…

Еремееву в какой-то миг показалось, что он не чует земли под ногами, но не решился посмотреть вниз, боясь упасть. Он зацепился взглядом за хоровод и, казалось, даже дышать перестал от восторга.

Наконец танец начал замедляться. Неожиданно появилась

опора под ногами, проявились контуры Гориславы. Она остановилась и поинтересовалась:

– Как ощущения?

– Приемлемо. Ритуал окончен?

– Почти. Теперь венчающее действо, очень важное. – Горислава приблизилась почти вплотную. – Поцелуй меня в губы.

Он едва не сказал: «Мы так не договаривались», – но быстро вспомнил, что не может отказывать ни в чем.

– С удовольствием!

– Вот теперь ритуал завершен, – сообщила Горислава после поцелуя. – Выдержишь – завтра перед ужином поговорим о проклятии.

– Ты же мне поможешь?

– Несомненно, – ответила красавица, – а теперь пошли к тебе.

«Как-то звучит весьма двусмысленно. Небольшая прогулка по лесу – и сразу «к тебе». Сказать ей, что у меня народу в доме – не протолкнуться? А вдруг это воспримется как отказ? Да, забавная ситуация. Ну да фиг с ней, лишь бы результат был».

Когда Горислава вошла в комнату вместе с ним и закрыла дверь на крючок, Еремеев больше не сомневался, что будет дальше. Он ведь не мог сейчас никому ни в чем отказать, чем незамедлительно и воспользовалась девушка, принявшись срывать с него одежду.

«Надеюсь, она это делает хотя бы не для того, чтобы доказать, что ее бюст больше, чем у сестры», – промелькнула мысль у Александра, а потом… В общем, ему стало совершенно не до раздумий.

Своими ласками Горислава истощила Еремеева похлеще алтарных камней. Он «отключился», не услышав ухода страстной красавицы, хотя до наступления темноты оставалось еще немало времени. Впрочем, не только горячие ласки стали тому причиной. За время пребывания в этом мире Александр мог по пальцам одной руки пересчитать ночи, когда ему удалось нормально выспаться.

Во сне продолжился колдовской танец на поляне. Правда, плясуном теперь был Еремеев, а в центре стояла заплаканная Зарина в красном сарафане. Она что-то говорила, похоже, звала к себе, однако любая попытка приблизиться заканчивалась неудачей: танцор натыкался на невидимый барьер. Ему казалось, что преграду можно преодолеть на большой скорости, и увеличил темп пляски. Вскоре он разогнался так, что не мог различить девушку, все превратилось в одно разноцветное пятно, голова закружилась до тошноты.

Звон лопнувшей струны сообщил о преодолении

ненавистного барьера. Танцор получил возможность замедлить темп и вскоре остановился. Сердце ухнуло в пятки: в центре поляны стоял костяной монстр и смотрел на Еремеева красными светящимися глазами.

Попытка нащупать на поясе оружие не увенчалась успехом: пояса не было, как и другой одежды. Перед лицом смертельной опасности Александр оказался нагим, а зверюга тем временем оскалила пасть и сказала:

– Погладь меня, хозяин. Ну что тебе стоит?

От этих слов Александр проснулся. Правда, если он ожидал, что явь окажется намного приятнее сновидений, то сильно ошибся. Человек сидел на кровати в костюме Адама, а перед ним стоял скелет уродливого хищника и покачивал хвостом из стороны в сторону. Монстр не издавал звука, но в голове Еремеева смутно читались чужие мысли с просьбой приласкать.

– Или я схожу с ума, – произнес вслух Александр, однако монстр тут же покачал головой в знак отрицания, – или кто-то стал таким умным, что пытается наладить со мной контакт.

Зверюга согласно закивала зубастым черепом.

– Вы тут что, все сговорились?! Ну откуда ты, скелет ходячий, знаешь о моей нынешней безотказности? Ты соображаешь, о чем просишь?! Гладить? А ничего, что у тебя вместо шерсти шипы? Хочешь, чтобы моя ладонь в окровавленное месиво превратилось? Чего молчишь?

Монстр светом красных глаз освещал слегка прикрывшегося одеялом хозяина. Еремеев продолжил:

– Только учти: никто не запрещал мне выдвигать условия, а потому слушай приказ хозяина: после того как получишь желаемое, никаких просьб на сегодня. Понял меня?!

Тварь согласно закивала башкой.

«До чего я докатился? – мысленно рассуждал Еремеев. – Пользуются моей добротой все кому не лень. Камешки зарядить – пожалуйста. Город от захватчиков очистить – не вопрос, злодея на чистую воду вывести – да с удовольствием! А если нежити помощь оказать, это тоже к Сан Санычу. Ему ведь все равно больше заняться нечем!»

Он напялил штаны, приблизился к зверюге и осторожно коснулся костяного черепа. Ладонь вздрогнула, как от статического разряда.

«Он еще и подзарядиться от меня решил?! Вот хитрюга!»

– Зря я определил тебя в питомцы. Ежели ты и дальше так питаться будешь, то у хозяина всю энергию сожрешь. А оно мне надо? Может, лучше тебя на косточки разобрать? – Александр отметил, что под его ладонью твердые шипы прогибались, словно

шерсть. И они тоже тянули в себя энергию. Еремеев трижды провел по спине питомца и решил на этом остановиться. – Вот скажи мне, друг ситный, откуда у тебя возникли подобные аппетиты? Вроде не амулет, не алтарный камень, а лопаешь как три алтаря. – Еремеев прикинул энергозатраты по собственным ощущениям.

«Неужели пластинка? – Он вспомнил, куда последний раз положил костяное зернышко. – Сначала она на меня повлияла, потом на этого?

– Чего теперь? Ты мой родственник по магии?

Монстр настолько активно закивал черепом, что казалось, башка сейчас оторвется от позвоночника. Александр внимательно посмотрел в горящие красным цветом глаза.

«Вот ведь беда какая, – мысленно усмехнулся он, – стоит передо мной эдакое страшилище, которому человека сожрать – раз плюнуть, а мне хоть бы что. Совсем, что ли, страх потерял? Впрочем, питомцев любят даже страшненьких. Взять, к примеру, лысых кошек. На мой вкус – те еще симпатяги, но я в своем мире знал нескольких человек, которые считали обтянутых кожей доходяг милашками».

– Ты мальчик или девочка? – спросил Еремеев.

Зверюга наклонила голову набок.

– И почему я ничуть не удивлен? Именно… хм… – в последний момент Александр все-таки решил использовать другое слово, – девочки чаще всего пытаются мною пользоваться. Нет, я не жалуюсь, порой это даже приятно, только никогда не угадаешь, чем эти «приятности» закончатся. Не зря говорят – за удовольствия нужно платить. Значит, говоришь, девочка? И как зовут?

Тварь помотала головой.

– Хорошо, я, как хозяин, нарекаю тебя Жучкой. Гордись, в знаменитой сказке, которую каждый ребенок знает, был такой важный персонаж.

«Да, если бы такая Жучка вышла тянуть репку, остальные подельники просто дали бы дуба, включая саму репку».

– А теперь, Жучка, ступай под кровать и до утра носа оттуда не показывай. А я постараюсь еще немного поспать.

– Господа, мы понесли невосполнимую утрату: убит боярин Огнедар. Перед своим полным разоблачением пан Тадеуш нанес подлый удар в спину. Ситуация существенно осложнилась. Думаю, после нашумевшей ночи в выигрыше оказался только один человек.

В здании городской управы собралось восемь членов совета.

Они расположились в кабинете начальника стражи, за круглым столом обсуждая непростую ситуацию в Смоленске. Воевода, три боярина из ближнего к Огнедару круга, командир особого отряда дружины, отец Серафим из Белого храма и сам хозяин кабинета.

– Теперь боярин Витослав станет самым важным человеком в вече, – согласился с воеводой начальник стражи. – Но и он должен уразуметь, чем в нынешней ситуации может обернуться его упорство.

– Тут не все знают о последних новостях, – остановил собеседника воевода. – Светозар, расскажи о делах наших скорбных, – обратился он к командиру особого отряда дружины.

– Вчера прибыл гонец с западных границ республики, – начал говорить мужчина в ярко-красном кафтане, – и доложил, что в полусотне верст от наших рубежей собрался отряд в тысячу воев. Расположились лагерем и возвели частокол, дабы ночью от зверюг отгородиться. Похоже, ждут, когда луна потеряет силу.

– Не об этих ли бойцах говорилось в письме пана Тадеуша? Так ведь оно вроде и не было отправлено, – высказался боярин с аккуратно подстриженной бородой.

– Шляхтич наверняка другое послал, – ответил Светозар. – Посему эта сила может по первому сигналу отправиться к тому же Крашену, ведь Тадеуша так и не изловили.

– Справимся. – Другой боярин, похоже, не совсем представлял, что такое тысяча бойцов. – Отправим полк на запад, и они не посмеют сунуться.

– Эти, скорее всего, не посмеют, но главная опасность грозит с севера, – продолжил докладчик. – Карл не рискнул второй раз наседать на Псков, но подтянул обозы и соорудил лагерь. Часть войск двинул на юг.

Шведский король первым додумался возить с собой передвижные ограждения, которые буквально за час собирались в сплошной забор, позволявший ночью скрыть лагерь от костяных монстров. Правда, некоторые из чудищ умели летать, но такие были большой редкостью.

– И сколько воинов в той части? – задал вопрос отец Серафим.

– Шесть полков, – со вздохом ответил Светозар. – Почти десять тысяч бойцов.

– Война? – Третий боярин принялся вертеть головой, не зная, кому адресовать вопрос.

– Все к тому шло, господа, токмо мы надеялись, что случится сие непотребство позднее. Нынче мы просто не готовы, – подытожил воевода. – Четыре полка – это все, что мы можем собрать за пару недель, но я не уверен, что Карл даст нам столько

времени.

– Надо к Пожарскому гонцов слать! – запальчиво предложил короткобородый боярин. – Чай, русские люди, в беде не оставят.

– Оно, конечно, так, Зорян, но у Московии и своих проблем много. С юга турки озорничают, да и Карла сдерживать нужно. Пожарскому требуется весомый повод, чтобы двинуть войска к Смоленску, – заметил воевода. – К тому же не нам решать этот вопрос. Для таких дел большой совет собирать нужно.

– А пока мы соберемся да обсудим, швед полреспублики захватит, – покачал головой начальник охраны.

– Давайте действовать в обход совета, – продолжал гнуть свою линию Зорян. – Пожарскому тоже время нужно, чтобы войско собрать. Когда полки Московии станут у наших границ, и Карл задумается, и вече быстрее верное решение примет.

– Почему ты решил, что Пожарский вообще согласится помогать? Нет у него ни малейшего резону. Ежели кто отыскал бы весомую зацепку, полсотни монет не пожалел бы такому человеку, – произнес воевода.

– Золотом? – моментально отреагировал Зорян.

– Да уж не медью.

– Смотри, потом не отнекивайся. Есть такой повод! Я вообще удивляюсь, что ты его сам не вспомнил.

– Не строй из себя самого разумного…

– А как насчет племянницы царя Московии? Неужели он оставит родную кровь на поживу Карлу?

– Что еще за племянница? – Боярин, сидевший рядом с короткобородым, посмотрел на соседа с удивлением.

– Та самая девица… – начал было снисходительно объяснять Зорян, но сразу умолк, наткнувшись на взгляд Светозара.

– Может, поделишься, как ты про то вызнал? – спросил командир особого отряда. Он незаметно сотворил призывное заклинание, и в кабинете бесшумно появился молодой мужчина лет тридцати в сером кафтане из дорогой ткани. Вошедший остановился за спиной внезапно съежившегося боярина.

– Да не упомню про то… Сказал кто-то… – В голосе Зоряна поубавилось уверенности.

– Зато я теперь знаю, кто тайком читал сообщения Огнедара и докладывал пану Тадеушу. Шляхтич, часом, не скупился?

– Господа, при чем тут Тадеуш? Я сейчас все объясню… – Зорян уже было сунул руку за пазуху…

Стоявший сзади хлестким ударом лишил предателя сознания.

– Прошу прощения, господа, – извинился воевода. – Мы долго выискивали изменника, наконец, его удалось разоблачить.

Когда в кабинете осталось шесть человек, Светозар

продолжил:

– На самом деле, гонцов к Пожарскому мы уже отправили, еще вчера ранним утром. Однако весточки о прибытии их в Ельню до сих пор не поступало. И это тревожный знак. Шесть лучших бойцов моего отряда за здорово живешь сгинуть не могли.

– Ты отправил рыкарей? – решил уточнить воевода.

– Троих из шести. Остальные также мастера ратного дела, – ответил Светозар.

– А о какой племяннице тут Зорян упомянул? – спросил отец Серафим. Данила вчера поведал ему многое, в том числе и про девушку из тюрьмы.

– Эту байку мы специально для предателя придумали, – ответил Светозар, отводя взгляд в сторону.

– Здорово придумали. Но меня больше Тадеуш занимает. Ты сказал, его так и не изловили? – Воевода постарался увести разговор в нужное русло.

– Пока нет. Причем не одни мы его ищем – в доме шляхтича видели асов.

– Выходит, пан не токмо нас вокруг пальца обвел, от гномов он также хоронится? – Батюшка глянул в потолок, словно ждал подсказки от Бога. – Асы, ежели возьмут след, то наверняка отыщут любого. Тадеуш не мог об этом не знать. А что, ежели он имеет средство с ними сладить?

– Тогда шляхтич гораздо опаснее, чем мы думали, – произнес командир особого отряда. – Но Тадеушу нет резона на восток отправляться. Думаю, он к Речи Посполитой двинул.

– Ты молвил, что гномам шляхтич тоже успел насолить. Тогда стоит ему объявиться на западе – и он в руках своих бывших нанимателей, – задумчиво произнес священник. – Тадеуш неглуп. Наверняка ушел туда, где его не будут искать хотя бы поначалу.

– Тогда ему в Московии лучше прятаться, там гномов почти нет, – усмехнулся начальник стражи.

– Твои на Ельню трактом шли? – Отец Серафим проигнорировал шутку, задав вопрос командиру особого отряда.

– Конечно, – подтвердил тот.

– В сторону Ельни еще и заброшенный путь имеется, – вспомнил священник. – Он в двух местах, почитай, вплотную к главному тракту выходит. Лучше места для засады не сыскать.

– Батюшка, откуда тебе это ведомо? – Светозар с интересом посмотрел на отца Серафима.

– Я родился в Ельне, в Смоленск ходил не только проторенными дорогами.

– Ежели Тадеушу удалось одолеть рыкарей, наши дела плохи. Помощи от Московии не получим, – почесал бороду воевода.

– Надо срочно найти Тадеуша, – сказал отец Серафим.

– И кого послать – весь особый отряд? – спросил его командир. – Так сначала надо еще парочку хороших следопытов подобрать. И где гарантия, что они сумеют его найти?

– Есть у меня на примете один человек, которого сам Бог на Тадеуша выводит. Правда, твои люди, Светозар, его не шибко жалуют.

– Данилу-купца нам сватаешь? Да, этому юнцу действительно везет, батюшка. А не жалуют лишь потому, что гонору у того через край.

– Беседовал я с ним, и не раз. Гонору лишнего не приметил, а что достоинство блюдет, так то не гордыня. Сам себя уважать не станешь, другие и подавно не будут, – вступился за Данилу священник.

– Предлагаешь мне лично ехать в Троицкое и уговаривать купца? – спросил Светозар с явным недовольством в голосе.

– Мнишь это ниже своего достоинства, раб божий? А вот это и есть гордыня, грех великий.

– Светозар, батюшка прав, – вмешался воевода. – Собирайся в дорогу. К вечеру купец должен быть в Смоленске.

– А ежели он откажется?

– Думаю, ты найдешь нужные слова, чтобы его убедить. Данила, надеюсь, отправится искать Тадеуша, а за ним, таясь, – пара следопытов. Ну а следом – твои лучшие бойцы, Светозар.

Глава 22
Знак в действии

«Жучка, что ли, пол скребет? Вот же зараза такая! В кои-то веки имею уважительный повод выспаться, что называется, наперед. Сейчас точно кого-то по косточкам разберу! Сказано же было: никаких просьб! – Еремеев открыл глаза. – Нет, не Жучка. День на дворе. Надо же, как я крепко спал, даже петухов не слышал!»

Александр поднялся. То ли от ритуала, то ли от бурных ласк Гориславы в теле ощущалась непривычная ломота.

«Это все потому, что молодой организм нужно в форме держать, а я его совсем запустил. Бессонные ночи, посиделки в кабаках, общение с придурками типа того же особиста, чтоб ему пусто было! А надо бы соблюдать режим питания, зарядку по утрам делать, встречаться только с хорошими людьми… Да откуда же этот мерзкий скрип?!»

Еремеев оделся, отыскал под кроватью костяное зернышко и сунул себе в нагрудный карман рубахи. Потом уже практически машинально вооружился: револьвер, два пистоля и кинжал заняли свои места. Последний лежал на стуле поверх сложенного вчетверо листа бумаги.

«А это что за бумага?» – Он собрался развернуть, но увидел надпись:

«Развернуть лист только после ужина. Это просьба. Горислава».

Покачав головой, Александр спрятал бумагу в карман брюк.

«Как же мне не нравятся подобные просьбы! Прямо вопиют о том, что после прочтения данного письмеца у меня враз испортится настроение. И все-таки, что за звуки? Неужели мыши завелись? Так вроде староста говорил, будто колдун их из своего дома заклятием вывел».

Еремеев напряг слух и пошел в сторону скрежета. Добрался до двери, приоткрыл ее. Неприятный звук моментально прекратился, а человек почувствовал, как по его одежде быстро взбирается рыжий обладатель острых коготков. И это была не мышь.

«Ну вот, в пьянках замечен не был, но белочки посещают регулярно. И эта гостья наверняка не чаю зашла попить».

– Пришло времечко второй долг возвернуть, Данила. Ступай немедля за моим гонцом в лес, разговор имеется, – голосом лешего передала сообщение зверушка.

«Какие все шустрые, прямо спасу от них нет! Лежал, никого не трогал, даже деревенские не беспокоили, так нет – нашелся один самый мудрый, которому именно сегодня приспичило вспомнить о долге!»

Александр обулся и поспешил за рыжим хвостиком, отметив про себя, что в доме никого не оказалось. На улице людей он также не увидел. Где-то через три дома показался было мужик, но тут же свернул с дороги.

«Не иначе Горислава постаралась. Даже не представляю, что она им всем наговорила».

Еремеев добрался до опушки леса, так никого и не встретив. И сразу увидел лешего. Выглядел тот весьма необычно: всклокоченная борода наполовину ободрана, левый глаз посинел и заплыл, к правой ноге грубой бечевой примотан бандаж из толстой ветки…

«Неужели с кикиморой разругался? – проскочила мысль. – И что, я обязан их помирить?»

– Здрав будь, хозяин леса! По какому делу звал? – первым заговорил человек.

– Должок за тобой имеется, парень. Думаю, самое время рассчитаться.

– Возражений не имею. Что на этот раз стряслось? Ты, случаем, не с медведем подрался?

– Все-то ты ведаешь, Данила. Значит, быстрее с делом справишься. Работенка пустяковая: тут у меня в чаще лесной лихой колдун завелся, природу губит, чарами животин совращает с пути истинного. Надо бы с ним разобраться. Безобразие, когда в моих угодьях чужаки пытаются свои порядки устанавливать.

– Колдун настолько лихой, что тебе оказался не по зубам? – спросил Александр, разглядывая лешего.

– Да обычный вроде маг. Ежели бы с косолапым всякими глупостями не занимался, то и сам бы справился. Но я не токмо о себе думаю, не век же тебе в должниках ходить.

«Надо же, как вывернул, заботливый ты наш! До чего же не вовремя. Я даже взять с собой никого не могу».

– А твое дело до ужина подождать не может? Помощников бы пригласил, быстрее управились. – Еремеев попытался отсрочить выполнение задания.

– Там и одному работы мало, а вот времени совсем нет. Да и не хочется мне еще кому-то тайные тропы показывать.

– Это какие?

– По коим за пару часов можно сто верст отмахать. К ужину мы как раз на место поспеем.

«Завтрак я пропустил, с обедом тоже пролетел, прямо какие-

то «голодные игры» получаются. И не откажешься. С одной стороны, долг возвращать нужно, с другой – до вечера не имею права отказывать просителям. В общем, куда ни кинь – везде клин», – мысленно смирился с неизбежным Александр.

– Хорошо, раз мы спешим, веди. Заодно расскажешь о своем колдуне.

Леший побрел вглубь леса:

– Да чего о нем говорить? Здоровый, ликом страшен, впрочем, все человеки красотой не блещут, а у этого еще и глазенки под бровями глубоко сидят. Злые, как у волчьего подранка.

– Может, и имя его знаешь?

– Не резон мне у каждого проходимца имя выведывать. Я бы и твое не помнил, кабы не долг.

Несмотря на поврежденную ногу, двигался хозяин леса быстро. Казалось, перед ним раздвигались ветви деревьев, кустарники прятали колючие шипы, а трава старалась ниже стелиться к земле, чтобы путникам было легче идти.

Из кратких ответов Еремеев так и не смог понять, кто обидел лешего. Хотелось узнать побольше, но тот неожиданно прервал разговор, предупредив спутника:

– Дальше – молчок. На зачарованную тропу входим. Она чужаков не любит.

«Чужак тут наверняка не он. Мог и продолжить рассказ, я бы молча послушал. Так, а что тут творится?»

Со зрением начали происходить странные вещи. Растительность по обе стороны тропинки как-то разом потеряла четкость. Смазались контуры, словно он нацепил очки с сильными диоптриями. Но очки хотя бы можно снять, Александру же пришлось протирать глаза. Наконец видимость улучшилась, однако проступивший ландшафт выглядел теперь устрашающе.

«Ого! Не деревья рядом, а великаны с когтистыми лапами, не кусты, а злобные монстры с сотнями змей вместо веток. Да и прохладно здесь. Кровь, что ли, в жилах стынет? – Картинки воспринимались путником без замирания сердца. Привыкший к 3D-ужастикам, он старался смотреть на происходящее как на часть фильма. – Хорошо, что я не впечатлительный, а то мог бы и деру дать».

Вскоре Еремеев сообразил: чем дольше смотришь по сторонам, тем мрачнее вокруг пейзаж. В итоге он решил сосредоточить взгляд только на спине проводника и не отвлекаться.

Время растянулось в вечность. Сначала Александр пытался считать шаги, но после того, как пару раз сбился, начал про себя

исполнять песни, припомнил даже несколько детских стишков, а дорога все не кончалась.

«Обещал, что быстро дойдем. По ощущениям – часов десять миновало. Правда, ночь почему-то так и не наступила. До чего же меня достали все эти магические штучки!»

– Пришли. – Леший наконец остановился. – Осталось ходу пять минут. – Он вывел Еремеева на обычную тропинку. – Дальше пойдешь сам. Впереди домик увидишь, в нем тот колдун и обитает.

Сказал и исчез.

«Ну почему мне кажется, что это подстава? – Александр осмотрелся по сторонам. – Привел незнамо куда, а сам свалил. – Он двинулся вдоль дорожки и вскоре учуял дым костра, а потом почувствовал резкую боль в затылке. – Точно, подстава!»

И потерял сознание.

«Что же башку-то так ломит?! И тело режет, словно его тугой веревкой скрутили! – Еремеев открыл глаза. – А почему, собственно говоря, «словно?»

Он и был привязан к стволу дерева, а затылок упирался в кору как раз тем местом, где вскочил шишак.

Впереди виднелась небольшая избушка. Два человека в красных кафтанах под присмотром медведя тащили бревно. Неподалеку горел костер, над которым висел черный казан, а возле ног Александра спал волк.

«Неужели леший?! Под предлогом исполнения долга заманил в глухомань, затем огрел по башке… Да за каким фигом?! Бревна ему таскать некому? Решил себе дворец отгрохать? Так он же леший, ему это зачем? И стоило ради такого с больной ногой переться за сто верст?»

Александр напрягся всем телом, пробуя путы на прочность. Застонав от боли, случайно разбудил волка. Тот приподнял морду, оскалился, выражая негодование, встал, обнюхал пленника и побрел к избушке.

«К хозяину на доклад? – предположил Еремеев. Он внимательно изучил веревки, пытаясь найти слабое место. Заметил, что и пистоли, и кинжал остались при нем. – Точно издеваются! Дескать, вот тебе оружие, но попробуй им воспользоваться!»

– Ну что, Никитка, попался?! Сколько веревочке ни виться, а конец все равно будет.

Вышедший из домика человек абсолютно не походил на лешего: крупный, с ледяным взглядом из-под мохнатых бровей. И, похоже, один из старых знакомых Нилова.

«Прав был хозяин леса – красавцем его трудно назвать. Лицо точно каменотес делал, вдобавок не шибко умелый. Впрочем, чего я к внешности прицепился? Главное, чтобы человек хороший был. А этого, похоже, к хорошим людям причислить нельзя».

– Ты, никак, меня не признал? Неужели леший память отшиб? Какая жалость! Но это не столь важно. Я-то думал, что разделаюсь сегодня с одним паршивцем, а оказалось – сразу с обоими. Вот уж не ожидал, что Данила и ты – одно лицо.

«Неужто пан Тадеуш объявился? Вот так встреча! А мне даже обнять его невозможно. – Для Еремеева это действительно оказалось сюрпризом, притом катастрофически неприятным. – Ну, леший, ну удружил! Даже не знаю, чего сказать этому типу. Вон как зубы скалит, так и хочется лимон ему в глотку затолкать, а лучше два, чтобы наверняка».

– Чего молчишь, язык проглотил со страху? – Шляхтич остановился в двух шагах. Ухмылка стала еще шире, и она больше всего раздражала привязанного к дереву.

«В морду, что ли, плюнуть? Вроде как-то банально, да и могу не попасть с такого расстояния. Опять же плевком его не пришибешь – я же не кобра, нужно нечто более действенное, а взять негде. Может, попросить, чтобы развязал? Точно откажет, ему-то никто установку на безотказность не делал. Кстати, а моя ведь уже наверняка закончилась! Теперь могу посылать всех просителей».

– Паршиво ты гостей встречаешь, Тадеуш, – наконец заговорил пленник.

– Какие гости, такая и встреча.

– Я же вижу, как ты мне рад. Сам давно хотел свидеться, только вот прихвостни твои все время под ногами путались. Нет бы просто сказать: приходи, разговор имеется. Глядишь – и уладили бы все разногласия.

– Много чести – со всяким отребьем разговаривать!

– А сейчас, интересно, ты что делаешь? Сам с собой ведешь задушевную беседу? Так вроде рановато в старческий маразм впадать. – Александр заметил, что улыбка на лице шляхтича поугасла.

– Сейчас я собираюсь рассказать одному наглому молокососу о его несветлом ближайшем будущем.

– О том токмо Богу известно. Ежели ты на его место метишь, даже не пытайся. Мелковат больно, а душа – вообще дрянь. Могут даже в ад не пустить.

– А я никуда не спешу, Никитка, ты наперед меня там окажешься. Может, и похлопочешь за хозяина.

«И этот себя в хозяева записал? Если ему даже волки и

медведи служат… Становится тревожно за себя».

– Я так понял, ужина от тебя не дождешься? – Еремеев тяжело вздохнул.

– Как там у вас говорят? «Наглость – второе счастье»? Со мной этот фокус не пройдет. Ужин заработать надобно, а ты еще на службу не принят.

В это время к шляхтичу подошел медведь, дежуривший возле избушки, и громко зарычал.

– Сдох? Ну, туда ему и дорога! – ответил зверю Тадеуш. – Тело оттащи подальше. Жрать не дозволяю! И пошел прочь, не видишь – я занят.

– Давно здесь обосновался? – спросил Александр тоном светского визитера, заглянувшего на огонек.

– Ты не в том положении, чтобы задавать мне вопросы, – усмехнулся Тадеуш.

– А я не девка, чтобы быть в положении. И вопросы задаю из природной любознательности – пытаюсь понять, как быстро горожанин может умом тронуться, оказавшись в лесу.

– Это кто рехнулся? Я? – взвился шляхтич.

– Ну не я же с медведями разговариваю и волков с поручениями гоняю.

– Да что волки – сам леший на меня работает! Этот дремучий недоумок считает, что я на тебя обменяю его подданных. Кретин, клятвам верит.

– Ты ему клялся спасением души? – ради любопытства решил уточнить Еремеев.

– Безотказная штука. Скольких придурков она мне позволила обвести вокруг пальца, ты себе представить не можешь.

– А ведь точно у кого-то с мозгами не все в порядке. Только дурак станет вздорить с лешим в его угодьях.

– Больно много чести! Я просто выдвигаю условия, а он их выполняет. Попытался было взбрыкнуть, получил от своих же косолапых. Они теперь меня еще лучше слушаются.

– Мозги животинкам запудрил?

– Откуда у зверья мозги, Никитка?! Они и людям-то не всем достались.

– По себе судишь?

Еремеев пока и сам не знал, чего добивается. Ждать от Тадеуша пощады было бессмысленно, надеяться на чью-то помощь – тем более. Раз уж лешего сумел под себя подмять…

Александру очень хотелось напоследок стереть самодовольную ухмылку с лица шляхтича. Пока получалось не ахти.

– Скорее по тебе, – произнес Тадеуш. – Ведь это ты сейчас

привязан к дереву, не я.

– Подумаешь. Недавно я и в тюрьме сидел. Напомнить, чем это закончилось?

– Потому и говорю, что люди с мозгами – большая редкость. Надо же было умудриться упустить безусого юнца! Моя беда в том, что доверил дело тупым исполнителям.

– Умный наниматель дуракам работу не поручит. – Еремеев продолжил тактику словесных нападок.

– Что-то ты не в меру разговорился. Какой-то щенок смеет судить о моих делах?

– Нет, судить тебя будут другие. И очень скоро.

– С чего бы? Хочешь сказать, по твоим следам целый полк бойцов идет?

– Зачем полк? Ты даже со мной одним справиться не смог. Если бы не леший…

– Да кем ты себя возомнил, Никитка? Просто недосуг было лично тобой заниматься, искал нужное заклятие, да еще городские дела отвлекали, зато теперь времени у меня много. Решил вот набрать себе надежных помощников. Начал с медведей: пятерых прислуживать заставил. Оказались весьма надежным средством против асов. Их я потом принял на работу – тех, кто уцелел, да и рыкарей из особого отряда дружины – тоже. Мое открытие способно весь мир перевернуть, и я это обязательно сделаю.

«Во замахнулся! Он еще и заклятия новые придумывает?»

– И много платишь за службу?

– Я – им? За еду работают. – Тадеуш продолжил усмехаться. – Причем сами же ее и добывают.

«Опять какая-то магия? Паршиво! Испробовать на себе абсолютно не хочется, но, похоже, все идет к тому. Вон он, гад, прямо светится от удовольствия!»

– На меня не рассчитывай! И рад бы на столь выгодных условиях поработать, да дела на пару лет вперед расписаны. С трудом выкроил время, чтобы сегодня проведать знакомца.

– Да кто тебя вообще спрашивает? Боишься смерти? – неожиданно резко спросил шляхтич, но ответа дожидаться не стал. – Так учти: она не скоро придет, и ты сам будешь ждать ее с нетерпением, во избавление от того, что придется испытать.

– Ладно, уговорил: начинаю бояться. Только и ты не обессудь: если вдруг окажешься в пределах досягаемости, мучить не буду – убью сразу.

– Грозилась блоха собаке, что ее сожрет, – засмеялся Тадеуш.

– Некоторые блохи тиф переносят, а от него сдохнуть могут сотни таких псин, как ты.

– Испугал мага крови болезнями! Да мне достаточно пары капель красной водицы, чтобы любого заставить выполнять мои приказы. Я тебе обязательно покажу на одной дамочке. Слышал о некоей Зарине? Она тоже у меня в гостях.

К такому повороту Еремеев не был готов абсолютно, и маска безразличия моментально слетела с лица.

– Врешь, подонок!

– Нет, просто радуюсь. Птичка попалась днем, ее в Московию везли. Да не дергайся ты так, увидишься еще. Она мне мно-о-ого про тебя рассказала…

– Если сейчас же ее не отпустишь, не знаю, что с тобой сделаю!

– Я знаю. Ни-че-го! – по слогам произнес Шляхтич.

– Развяжи немедленно! Поговорим, как мужик с мужиком! – Александр напрягся так, что веревки чуть не продавили кожу.

– Ты грязь под моими ногами. – Тадеуш еще шире заулыбался. Пленник наконец начал себя вести как ему положено. – Мужчиной он себя возомнил. Сейчас я возьму всего каплю твоей паршивой крови. – Шляхтич положил руку на кинжал.

«Капля, пробитая кинжалами! – осенило Еремеева. – Вот же паскудство! Как ее нарисовать? – Мысли Александра закрутились с огромной скоростью, пытаясь что-то придумать. Память подкинула отрывок фразы деревенского батюшки: «Рисовать не токмо на бумаге можно». За него он и уцепился, уставившись на самодовольного собеседника. – Представим, что на груди этой сволочи начертана пронзенная двумя кинжалами…»

– Чего вылупился, Никитка? Не ровен час, дыру во мне прожжешь.

– Знак ищу, – сказал связанный первое, что пришло в голову. Он сейчас был очень сосредоточен. – Должен где-то здесь быть.

– Какой еще знак? – Шляхтич стал оглядываться.

– Которым Бог шельму метит.

Наконец пленнику удалось зрительно создать нужные очертания.

– Поток, – прошептал он и в мгновение ока очутился нос к носу с Тадеушем.

Для обоих это стало огромной неожиданностью, однако Александр среагировал гораздо быстрее и с силой боднул противника лбом. Шляхтич вскрикнул, отступив на шаг, а Еремеев продолжил атаковать кулаками. Ярость добавила ему сил, и третьего удара крупный противник не выдержал. С расквашенным носом, вывернутой набок скулой и содранной бровью он свалился на землю и задергался, как припадочный.

Александр выхватил оба пистоля и разрядил в негодяя. Тот затих.

Освобожденный не обратил внимания, что к ним в начале схватки двинулись двое медведей и волк, который еще недавно сторожил пленника. Однако стоило хозяину получить пули в грудь, как животные, собиравшиеся накинуться на Еремеева, разом потеряли к нему интерес и застыли на месте.

«Сашка, не теряй голову! – попытался успокоить себя Еремеев, поскольку ощущал, как от нахлынувшего бешенства дрожат руки. – Враг повержен, но еще не все дела закончены».

Только теперь Александр позволил себе оглянуться назад. Веревки так и продолжали опутывать ствол дерева, правда, сейчас они сползли вниз. Осмотрел себя – вроде цел, даже одежда не пострадала.

«Прямо телепортация какая-то! – подумал освободившийся. – Так, где этот гад может держать Зарину? В избе? Пойду проверю».

Александр открыл двери, ожидая, что сейчас на него накинутся слуги Тадеуша. Войдя внутрь, он увидел двоих в красных мундирах, безвольно сидевших на лавке в прихожей. Оба бессмысленными взглядами изучали потолок.

«В кукол безвольных превратил? Вот же паразит!»

В первой комнате Еремеев обнаружил лысого пленника, привязанного к массивному стулу. Александра поразил бледно-зеленый цвет его кожи и торчащие за ушами рога. Присмотревшись, он понял, что это такая прическа.

Времени рассматривать «красавца» у него не было. Перерезал веревки, похлопал по щекам и двинулся дальше.

«Так Тадеуш еще и опыты над людьми проводил? Или это кто-то из подданных лешего? Вроде не труп… Ладно, оклемается – сам убежит. С лешим, правда, надо будет серьезно переговорить… Где же Зарина? Неужели лях сказки рассказывал?»

Пленницу удалось отыскать в самой дальней комнатке. Привязана к креслу, во рту кляп.

– Долго меня ждешь? – спросил Еремеев, собираясь перерезать веревку.

Зарина рьяно замотала головой и замычала.

– Ладно, не буду пока развязывать. Давай поменяемся ролями, как при нашей прошлой встрече. Тогда я не мог ни пошевелиться, ни слова сказать, теперь ты выслушай меня, не имея возможности перебивать. Договорились?

Она несогласно замотала головой.

– Я бы, правда, вытащил кляп, но руки об Тадеуша в кровь сбил. Морда у него точно из кирпича сделана. А твое лицо

пачкать не хочу. Да и не об этом сейчас речь, милая… Вот что я хотел сказать. Поверь, каждый человек имеет право на собственное счастье. Жить в угоду кому-то, считая его святым, – бессмысленная жертва. Только Бог не ошибается, и он дал людям шанс быть счастливыми. Отказываясь от этого шанса, ты губишь свою душу. А вдруг потом окажется, что твой благодетель не был столь идеален, что усилия и вся твоя жизнь положены не во благо? Я не призываю любить меня, хотя, конечно, это предел мечтаний. Если сердцу не мил, ничего не попишешь, но не жертвуй своей душой ради планов какой-то важной персоны. Уверен, они того не стоят. – Александр ненадолго замолчал. – Странно, мне казалось, я столько могу тебе сказать мудрых, убедительных слов. А как дошло до дела – иссяк за пару минут. Ладно, ты свободна. Уйдешь сейчас – больше искать не буду.

Еремеев перерезал веревки, стараясь не глядеть на красавицу. А зря. Стоило ей освободиться, и она резко изменилась. Ужас, до того отражавшийся в глазах, моментально испарился. Она с прищуром посмотрела на освободителя и сосредоточила взгляд на кинжале, который Александр вернул в ножны.

Зарина сделала шаг к спасителю, выхватила клинок и нанесла удар в грудь. Еремеев начал оседать на пол. Он был настолько ошарашен, что даже не чувствовал боли.

Зарина меж тем избавилась от кляпа.

– Убить того, кто освободит, и идти к хозяину, – монотонно произнесла она. – Убить и идти… – Зарина с окровавленным ножом пошла на выход.

«Чертова магия! А ведь она пыталась предупредить… – Александр чувствовал, как гаснет сознание, но сдаваться не собирался. Приложив ладонь к ране, он напрягся. – Ну хоть раз сделай что-то для меня! Чем я хуже алтарного камня?!»

Рука завибрировала и засияла ослепительным светом. Он почувствовал зверский холод. Несколько секунд – и лужа крови на полу заледенела. Последним, что увидел Еремеев, была морда Жучки, возникшая под его ладонью прямо из груди.

Появление зверюги произошло не так, как обычно. Во-первых, до наступления темноты оставалась еще пара часов, во-вторых, ипостась шакала была пропущена, да и сборка костяного монстра происходила постепенно: сначала появилась морда, потом, по очереди, – кости позвоночника, ребра, лапы… На завершающей стадии вырос хвост с серповидным наконечником.

Жучка ткнулась мордой в бледное лицо хозяина и последовала за убийцей Александра.

Зарину зверюга нашла возле сидевшего на земле Тадеуша. От пуль его спасли амулеты и кольчуга, которую тот никогда не

снимал. Серьезно досталось только лицу.

– Я вижу, прирезала паршивца. – Шляхтич выплюнул два зуба и продолжил: – То-то. Против магии крови не попрешь, а говорила: «Ни за что, лучше себя убью». Теперь будешь убивать только тех, кого прикажу. А он думал, меня так легко уничтожить…

В это время сзади к Тадеушу незаметно подобралась Жучка. Она сильно махнула своим длинным хвостом… Серп на кончике оказался острее бритвы. Голова колдуна в одно мгновение отлетела в сторону.

Зарина сразу пришла в себя:

– Данила! – Она выронила кинжал. – Что я наделала! – Зарина бросилась к избе.

Навстречу ей оттуда выскочили два воина в красных мундирах.

– Нам надо уходить, барышня. И поскорее. Не ровен час, какая нежить нагрянет.

– Пустите!

Бойцы подхватили девушку и направились в другую сторону. К ним присоединились еще двое, до недавнего времени таскавшие бревна.

– Смотри, к этому колдуну зверюга даже днем прибежала! Давайте ходу отсюда, пока она раздумывает.

Однако костяной монстр не собирался больше никого преследовать. Он наступил на обезглавленное тело передними лапами. Почти сразу сотни молний устремились от трупа волшебника к зубастой пасти, наполняя монстра необычным сиянием.

Вобрав в себя всю энергию погибшего мага, зверюга вышла под прямые лучи заходящего солнца и взглянула красными глазами на светило.

Скелет ночной твари начал дымиться. Вскоре на том месте, где стояла Жучка, появилось серое облако. Повисев некоторое время в воздухе, оно быстро уплотнилось, преобразовавшись в крупную собаку пепельного цвета с серповидным наростом на хвосте.